

ТОМАС МЮНЦЕР

В. ПРОСКУРЯКОВ

Annotation

Первая четверть XVI столетия — одна из самых напряженных и полных драматизма страниц истории Германии. Выступление Лютера против католического Рима было ударом молнии в бочку с порохом. Вся германия вышла в движение. В подготовке решительных выступлений против церкви и феодалов первостепенную роль играл Томас Мюнцер. Он призывал сокрушить угнетателей и установить народную власть. О героической жизни Мюнцера, мужественного и непреклонного человека, рассказывает эта книга.

rutracker.org

[Адаптировано для AlReader]

FB2 книгу сделал mefysto

-
- [В. Проскуряков](#)
 -
 - [INFO](#)
 -
 - [Вступление](#)
 - [Германия начала XVI века](#)
 - [Реформация](#)
 - [Цвиккауский проповедник](#)
 - [Рыцарское восстание](#)
 - [Альтштедтский бунтовщик](#)
 - [Город Мюльгаузен](#)
 - [Накануне великих событий](#)
 - [Крестьянская война](#)
 - [Мюнцер — вождь](#)
 - [Битва при Франкенгаузене](#)
 - [Смерть Мюнцера](#)

- [Подавление восстания](#)
 - [Заключение](#)
 - [БИБЛИОГРАФИЯ](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
-

2₁₉₈₁
выпуск

В. Проскуряков

ТОМАС МЮНЦЕР

журнально-газетное
объединение
Москва
1937

*

Журнально-газетное объединение, Москва, 1937

Редактор ИОСИФ ГЕНКИН

Техредактор А. М. ИГЛИЦКИЙ

Корректор Л. К. НИКОЛАЕВА

Обложка Г. С. БЕРШАДСКОГО

Гравюра на дереве А. А. СОЛОВЕЙЧИКА

Издатель Жургазоб'единение

Уполномоченный Главлита Б—11302

Тираж 40000. Зак. тип. 889. Изд. № 34

Сдано в набор 26.XII, 1936 г.

Подписано к печати 1. II. 1937 г.

Формат бумаги 72×108/32

3¼ бум. листа, 106.624 зн. в бум. л.

Типография и цинкография

Жургазоб'единения, Москва, 1-й Самотечный, 17

Примечание оцифровщика:

В тексте сохранена орфография оригинала.

Выделение разрядкой, то есть выделение за счет увеличенного расстояния между буквами заменено курсивом.

Вступление

Прилетела птица без перьев, сидела на дереве без листьев, тогда пришла девушка без рта и с'ела птицу без перьев с дерева без листьев» — говорит древняя немецкая загадка.

Девушка — весеннее солнце, птица без перьев — снег.

Почки на деревьях только еще набухали, и дороги не успели просохнуть — тяжело пешеходу идти по их вязкому глинистому грунту. Он молод, ему, всего около двадцати пяти лет, поэтому трудности пути его не смущают. Идет он в Штольберг навестить свою мать и родственников.

Зовут его Томасом Мюнцером.

Он невысок ростом, смуглый, темные волосы длинными прядями спадают из-под шляпы на плечи. У него высокий, выпуклый лоб мыслителя. Черные горящие глаза с любопытством озирают окружающий мир и, кажется, видят там, вдалеке, куда устремляется его мечта, что-то недоступное другим. Мюнцер — немец, но по его широкому лицу с выдающимися скулами можно предполагать, что в одном из его предков текла славянская кровь. Позже враги назовут его скифом. Одет он просто, даже бедно, и на самом деле он беден. Таким он останется всю жизнь.

Несмотря на свою молодость, Мюнцер уже много странствовал городам и деревням Германии. Томас много видел и испытал. Он нигде не уживался, потому что не хотел мириться с окружающей действительностью, Полной заблуждений, несправедливости и гнета. Заботы о собственном благополучии меньше всего занимают мысли Томаса. Он — человек, самозабвенно и до конца преданный идее борьбы с феодалами и римской церковью. Вся жизнь его посвящена осуществлению этой идеи.

Он горит ненавистью ко всем, кто превратил народ его родины в рабов, кто узаконил грабеж, разорение и насилие. Почему нельзя этим бесчисленным беднякам жить счастливо? Разве страна его недостаточно богата для этого?

Мирозерцание Мюнцера еще не обрело строгих, законченных очертаний, и ему не вполне ясен путь, который он изберет. Но Мюнцер рано понял, что мир разделен на угнетателей и угнетенных, богатых тунеядцев и трудящихся бедняков и что он, Мюнцер, будет звать бедняков на борьбу за счастливую жизнь.

Германия начала XVI века

«Но уже пришло время, народ проснулся и начал сознательно относиться к окружающему; все находилось в брожении, все чувствовали, что приближается какая-то катастрофа; но никто не знал, что и как произойдет».

Бибель. Т.

(«Крестьянские войны в Германии»).

Томас Мюнцер родился между 1490 и 1493 годами^[1] в городе Штольберге (Саксония) в «Священной римской империи германской нации». Так называлась тогда Германская империя, включавшая современную Германию, Австрию, Венгрию, Чехо-Словакию, частью Югославию и Италию. XVI век для Германской империи, как и для всей Западной Европы, был критической эпохой великой ломки тысячелетнего строя феодализма, его хозяйства, государственности и мирозерцания.

Рост производительных сил, ограбление ряда стран в крестовых походах, колониальная торговля сильно двинули вперед развитие Западной Европы. В связи с этим начался бурный рост науки, техники, книгопечатания, мореплавания и военного искусства.

В 1492 году происходит открытие Америки, знаменовавшее собой новую эру. Центр мирового хозяйства начинает передвигаться от стран Средиземного моря к странам Атлантического океана, от Италии, к Испании с Португалией, а затем к Голландии и Англии. Перемещение мировых путей оттеснило Германию, игравшую до этого большую роль в хозяйстве Европы. Ее главная торговая компания — Ганза, владычица Северного и Балтийского морей, стала терять свое значение. Сельское хозяйство Германии начинает отставать от сельского хозяйства Франции, Голландии и Англии.

Однако общий подъем хозяйства Западной Европы способствовал росту национального производства и в Германии. Средневековые приемы ведения сельского хозяйства заменяются новыми. Вводится и плодопеременная система, применяется травосеяние, начинают разводить красивые, травы и другие, прежде ввозившиеся растения. Обширные

участки неводеланной земли превращаются в плодородные, хорошие пашни. Развивается товарное сельское хозяйство. Но развитие Германии идет неравномерно. Растут главным образом приморские области и города и деревни при судоходных реках. Отдаленные части страны, множество мелких городов и больших деревень, лежащих далеко от рек и торговых дорог, отстают и продолжают жить все еще в средневековых условиях экономической замкнутости.

Рост промышленности и торговли привел к усилению товарно-денежного хозяйства. Натуральное хозяйство разлагалось. Все это вызвало глубокие изменения во всей системе феодализма и перегруппировку классовых сил. В недрах феодализма начинается первоначальное капиталистическое накопление. Торговый и ростовщический капитал стал большой силой. Росли и крепили города. На основе товарно-денежных отношений все более крепили рыночные связи. Развитие рынка и денежного хозяйства привело к усилению эксплуатации феодалами подвластного им населения. Если в раннем феодализме эксплуатация ограничивалась Почти только хозяйственно-натуральными и потребительскими интересами феодала, то теперь, при развитии денежного хозяйства, феодалы получили могучий стимул к увеличению эксплуатации — ведь деньги можно накапливать без конца. Отныне предел эксплуатации мог быть положен только сопротивлением эксплуатируемых.

В других странах могущество наиболее сильного и крупного феодала превращалось в абсолютную монархическую власть. Так было во Франции, Англии и даже в соответствующий период в России. Но в Германии рост абсолютизма выразился в особой форме. Старо-феодалная власть императора слабела, зато росла абсолютная власть ряда владетельных областных князей и курфюрстов^[2]. Бранденбургские, баварские, саксонские и другие князья превращались в абсолютных монархов. Политической децентрализации способствовали в большинстве случаев относительная хозяйственная отсталость и отсутствие экономического единства Германской империи. Многие ее области были экономически очень мало между собою связаны.

Стремление князей к абсолютизму, ломка старых феодальных отношений, рост новых классов и усиление между ними противоречий — все это создало в Германии начала XVI века немало горючего материала.

Жертвой новой эпохи делалось мелкое рыцарство — дворянство, поскольку оно теряло свою политическую и экономическую самостоятельность. Удешевление денег, происходившее в эту эпоху, уменьшило его доходы. Грабежи на больших дорогах стали теперь опасны.

Владетельный князь при помощи своей новой наемной армии ландскнехтов легко мог наказать любого рыцаря. Развитие военного дела и усовершенствование огнестрельного оружия ускорило подчинение рыцарства князьям. Феодалное рыцарство лишалось всякой базы. Обедневшее, оно вынуждено было идти на службу к владетельным князьям, к императору, но многим не нравилось служить под тяжелой рукой абсолютного владыки.

Большинство городов подчинялось феодалам и, хотя было недовольно поборами и налогами, в основном-все же поддерживало князей в их борьбе против рыцарства. Растущий абсолютизм был на-руку торговцам, — им нужна была крепкая централизованная власть как для расширения рынка, так и для усиления эксплуатации. Все это мог обеспечить крупный феодал. Он делал займы у ростовщиков, отдавал им часто на откуп налоги и гарантировал защиту внешней торговли. Власть в городах принадлежала верхушкам купечества — торговой знати, владевшей городами из рода в род. Всеми правдами и неправдами заручившись поддержкой абсолютного властителя, торговая знать подчиняла себе интересы остальных слоев городского населения, в том числе и мелкой буржуазии — цеховых мастеров, мелких торговцев, подмастерьев. Из последних создавались кадры недовольных, которые непрочь были поддержать любое возмущение, если оно было направлено против городских заправил.

Ломка феодализма выбила из колеи немало народа. Отпущенные феодалами дружинники, разорившиеся крестьяне, беглецы-крепостные, обнищавшие — горожане — все это составляло широкие резервы бездомной и неимущей массы. В городах эта масса «не выступает в политической борьбе в качестве партии, а представляет из себя шумную, жадную до грабежей, продающую себя за несколько бочек вина толпу, плетущуюся в хвосте бюргерской оппозиции. В партию превращают ее лишь крестьянские восстания, и даже тогда она находится, в своих требованиях и выступлениях, в зависимости от крестьян, — замечательное доказательство того, насколько город тогда зависел еще от деревни»^[3]. Да и по всей стране имелось много обездоленного люда, бродяг, нищих, воров и разбойников. Они всегда были готовы примкнуть к любому волнению и мятежу.

Низшие слои духовенства также были настроены оппозиционно. Они мало пользовались благами, которые получали духовные феодалы — князья церкви и монахи. Духовенство в деревне было по образу жизни недалеко от простого народа, часто жило его интересами, поэтому нередко принимало участие в крестьянской борьбе и дало немало идеологов и

вожаков движения.

В среде крупных феодалов также шла борьба. Светские крупные феодалы-князья, концентрируя у себя земли, богатства, власть, все более зарились на богатства и земли монастырей и духовных феодалов.

Переломная эпоха родила соответствующую идеологию и соответствующее мирозерцание. В раннем феодализме безраздельно царствовал католицизм сего главой — римским папой. Могущество пап достигло своей вершины в XIII веке, — папа стоял над королями, имел на них огромное влияние и часто руководил ими даже в светских делах. Церковная организация во многом влияла на функции государства.

Авторитет церкви был огромен. Богатства церковников превосходили богатства светских феодалов. Наука, политика, жизнь и быт, даже чувства людей направлялись церковью. Малейшее отклонение от церковной догмы или ослушание вело к отлучению от церкви, что было равносильно об'явлению вне закона. В руках церкви был целый арсенал жестоких наказаний, проводившихся священной инквизицией, — пытки, заключение в монастыри, ссылка, конфискация имущества и смертная казнь. Господство религии было настолько сильно, что всякая оппозиция, даже политическая, могла существовать только под знаком религии.

В XIV веке власть пап начинает терять авторитет. Ряд государей не только освобождается от светской власти пап, но даже, как, например, французские короли, держит их в так называемом Авиньонском пленении. Для большего обуздания пап французские короли заставили жить их не в Риме, а во французском городе Авиньоне (1305–1378).

Воспитание и образование стали выходить из-под влияния римской церкви, и церковь постепенно превращается в огромное торговое предприятие, где наиболее прибыльный товар — благодать бога (индульгенции), и как таковое всеми силами поддерживает феодальную систему.

На смену идейной диктатуре католицизма появляется новое мирозерцание. Начинается век гуманизма. На место слепого авторитета бога и его наместника папы гуманисты поставили человека и его разум. Они проповедывали свободное развитие личности и призывали к борьбе с церковным авторитетом. Гуманисты начали борьбу с католицизмом «а всех фронтах науки, литературы и искусства.

Зародился гуманизм в Италии, родоначальники его — Петрарка (1304–1371) и Бокаччио (1313–1375). В политике гуманисты поддерживали зарождающийся абсолютизм. Абсолютные монархи тех времен окружали себя гуманистами — философами, литераторами и художниками.

Несколько позднее в Германии развился так называемый «северный гуманизм». Главою его был Эразм Роттердамский (1466–1536). Северный гуманизм резко выступал против феодализма, но в силу отсталости Северной Европы имел более религиозный характер, чем гуманизм итальянский. Северные гуманисты уделяли много внимания религиозным вопросам, и в этом отношении они являлись предшественниками лютеровской реформации.

Эразм из Роттердама

С картины Ганса Гольбейна

Охваченные новой культурой, феодалы и буржуа были резко

настроены против диктатуры папы и его идеологии.

Терпел удары католицизм и с другой стороны. Ереси, не прекращавшиеся во времена всего средневековья, особенно усилились в XV и XVI веках. Если гуманистическая культура почти не затрагивала народных низов, то ереси имели среди них широкое распространение. Некоторые ереси принимали утопическо-коммунистический характер. Коммунизм там строился на основе евангелия и легенд о жизни первых христиан.

В XIV и XV веках была сильна в Нидерландах коммунистическая секта беггардов. Имелись они и в Германии. В Англии они назывались лоллардами. В XV веке в Чехии возникла ересь Яна Гуса. Она выросла в могучую народную войну, охватившую почти половину Европы. Часть гуситов (сторонников Гуса) также пришла к утопическо-коммунистическим идеям и даже одно время проводила их в жизнь, правда, в значительной мере под влиянием военной обстановки, когда гуситы были вынуждены целыми семьями покидать свои насиженные места. Гуситская война напугала господствующие классы всей Западной Европы идеями коммунизма. Непобедимых в течение многих лет таборитов (так назывались гуситы по их городу — Табор) удалось разбить только в результате возникших среди них разногласий. В Швейцарии были секты вальденсов и анабаптистов, имевших своих последователей и в Германии.

Секты распространялись не только среди оппозиционных слоев городского населения, но и среди широких масс крестьянства. В сектах часть крестьянства искала выход своему недовольству все увеличивающейся эксплуатацией князей, дворянства, духовенства, торгового и ростовщического капитала.

К концу XV века все крестьянские повинности в Германии сильно выросли и взимались деньгами или натурой: скотом, шкурами, дичью, мясом, пряжей, сеном и др. «Если умирал крестьянин, приходилось платить помещику налог за смертный случай», т. е. отдавать лучшую одежду или лучшую голову скота... Наследник умершего или тот, в чьи руки переходило его имущество, обязан был при вступлении в свои права уплатить могоарыч. Затем следовали подати. В знак своей принадлежности к крепостному состоянию крестьянин или давал курицу, которая фигурировала под названием «масленичная курица», «шейная курица», «лучшая курица», или выплачивал денежную сумму под именем «крепостные деньги» — «крепостной шиллинг», «крепостной пфенниг», «крепостная подать».

Положение крестьян ярко описано А. Бебелем в — его книге

«Крестьянские войны в Германии»: «Находившиеся под покровительством церкви вносили на алтарь ежегодную подать в виде известного количества воска; находившиеся под покровительством светских владык платили «подымную курицу», «фогтскую» и другие. Брали куриц под соответствующим наименованием за позволение собрать в лесу листву и хворост, за право пользования выгоном, за совершеннолетие сына и т. д. Кроме того существовала «большая десятина», т. е. десятина со всего, что обрабатывалось при помощи плуга; к «большой десятине» причислялась также «десятина вина и сена»; затем шла «малая десятина», которая требовалась со всех других плодов; «десятина крови», которая взималась со всего принадлежащего к имению скота и птицы, как-то: жеребят, телят, ягнят, козлят, поросят, гусят, цыплят, утят и даже пчел.

«К барщине относились обработка господской пашни, обязанности, связанные с охотой, охраной леса, стройкой, караулом и т. д. Особый род барщины представляли из себя работы, направленные к поддержанию и ремонту крепостей и замков. Случалось помещику впасть в тяжелую распрю, — он взимал с крестьян особую подать; попадал он в плен, — крестьянам приходилось его выкупать; отдавал он замуж дочь или посвящал сына в рыцари, — за все это платили крестьяне. Вообще, при всех семейных происшествиях, безразлично — радостного или печального характера, крестьянин являлся страдающей стороной. Отправлялся ли помещик в путешествие ко двору владетельного князя или императора, принимал ли гостей у себя дома, — крестьянину опять приходилось выплачивать, кроме текущих податей, особый налог».

Крестьяне начала XVI века.

С натуры рисованы и гравированы Адльбрехтом Дюрером.

Если присоединить к этому бесправие, поборы духовенства, насилия дворянства, князей и их слуг, то картина положения крестьянства будет полной. Но феодалы не ограничивались усилением поборов и барщины. Они захватывали земли, угодья и леса крестьянских общин. К гнету феодалов присоединялась эксплуатация торгового и ростовщического капитала, все более внедряющегося в деревню. Переход от сравнительно мягкой эксплуатации раннего феодализма к жесткому нажиму, усиливавшему крепостничество, вызывал протест и сопротивление крестьян.

Крестьянские восстания вспыхивали на протяжении всего средневековья и особенно усилились в течение XIV и XV веков.

Расширение товарно-денежных отношений вело к дифференциации деревни. Движение против феодалов захватывало не только разоряющиеся слои крестьянства, но и богатейшую верхушку деревни. Эксплоатация и насилие феодалов тормозили рост ее богатства, и она присоединялась к революционной борьбе крестьянства.

Стихийное движение крестьян в Германии в конце XV века начинает принимать организованные формы.

В 1493 году в Эльзасе возник крестьянский союз под названием «Башмак». Крестьяне носили башмаки, так как рыцарские сапоги им носить запрещалось. Башмак стал символом крестьянства, символом их протеста, «Союз башмака» сумел создать большую тайную сеть своих организаций. К нему примкнула часть горожан и даже некоторые дворяне. В программе его были антикрепостнические требования. Однако союз был вскоре раскрыт и жестоко разгромлен. Но в 1502 году он возродился в Шпейерском епископстве с центром в Унтергрумбахе. Вождем его был необычайно талантливый, неутомимый организатор и конспиратор — Иосс Фриц. В программе наряду с антикрепостническими требованиями был пункт об уничтожении евреев. Антисемитизм усиленно поддерживался церковью и господствующими классами. Однако характерно, что позже, во время Крестьянской войны, евреев не трогали и в программах крестьян не было ни одного антисемитского пункта.

Этот союз тоже был разгромлен. Предал его заговорщик, рассказавший о нем на исповеди священнику. Заговорщик наивно спросил, не грех ли участвовать в подобном деле. Поп, конечно, выполнил свой «классовый долг» — донес правительству. Вожди бежали в Швейцарию.

В 1512 году Иосс Фриц вновь восстановил союз. Его программа состояла из четырнадцати пунктов: «Во-первых, отменяются все власти, кроме бога, императора и папы; во-вторых, все будут судиться местным судом; роттвейльский суд будет уничтожен, духовным судам предоставляются только духовные дела; в третьих, все ленные проценты (оброки), платившиеся так долго, что в сложности стали равны капиталу, отменяются, и все векселя и заемные письма объявляются недействительными; в-четвертых, относительно процентов, которые составляют менее двадцатой части капитала, будет поступлено сообразно с божественным правом; в-пятых, птичья и рыбная ловля, дрова, строевой лес и сенокос будут свободны; бедные и богатые будут пользоваться ими сообща; в-шестых, священники не могут иметь более одного прихода; в-

седьмых, число монастырей будет ограничено, лишнее имущество будет у них отобрано, и из него составит военная касса общества; в-восьмых, прекращаются все несправедливые налоги и пошлины; в-девятых, будет учрежден вечный мир для всего христианства; с этой целью можно убивать всех противящихся ему, а тем, которые непременно хотят воевать, нужно давать денег и посылать против турок и неверных; в-десятых, вступающим в общество должно гарантировать жизнь и имущество, а противящихся этому наказывать; в-одиннадцатых, общество должно овладеть хорошим городом или крепостью, чтобы иметь центр и опору для своего предприятия; в-двенадцатых, каждый член общества должен содействовать его успехам; в-тринадцатых, должно уведомить о предприятии его императорское величество, как только соберутся все слои общества, и в-четырнадцатых, в случае, если бы его императорское величество отвергло общество, просить помощи и союза у швейцарской федерации».

Как видим, в программе — смесь наивной веры в императора с антикрепостническими требованиями. Наряду с пунктами, которые предвосхищали буржуазный строй, в ней были очень умеренные требования. Но и этот союз разгромили в 1513 году. Поднять восстание в 1514 году не удалось.

Существовал тайный союз и в Вюртемберге. Там в 1503 году в Ремской долине возник свой «Башмак», но под названием «Бедный Конрад».

Восстание, поднятое этим союзом в 1514 году, также было подавлено.

Швабское дворянство, испуганное этим восстанием, заключило союз и скрепило его особым актом.

«Мы будем всячески поддерживать друг друга против всех покушений простого народа, — гласил союзный акт, — так как в настоящее время происходят бунты и возмущения подданных и бедных людей, которые поднимают «Башмак» и заключают незаконные союзы против своих законных, естественных властей и господ, осмеливаются пытаться сбросить с себя власть высших классов, подавить и истребить дворянство и все высшие сословия, так что можно опасаться, чтобы дворянству и рыцарству не пришлось испытать того же, что уже потерпели государи, города у духовенство».

В том же году произошло огромное крестьянское восстание в Венгрии под руководством Георга Дожа. Восстание с трудом было подавлено. От репрессий погибло около шестидесяти тысяч человек. Георг Дож был зажат на раскаленном железном троне.

Известия о крестьянских восстаниях разносились по всей Германии,

усиливая в стране общее брожение и революционные настроения.

В этой обстановке загнивающего феодализма, первоначального капиталистического накопления, роста абсолютизма князей, усиления крепостничества, крестьянских восстаний, падения авторитета католицизма, влияния гуманизма и коммунистических сект рос и воспитывался Томас Мюнцер.

Его отец был зажиточным человеком. По приговору штольбергского графа он — погиб на виселице. Так в юную жизнь Мюнцера вторгся ужас насилия, произвола и зажег в нем ненависть к феодалам. Матери его, как вдове повешенного, пришлось перенести немало преследований. Томас у нее был единственным сыном, и ей удалось дать ему образование. Учился он в Лейпциге и во Франкфурте-на-Одере. Окончил университет со степенью «бакалавра и магистра искусств». По окончании университета молодой монах Мюнцер стал учителем латинской школы в Ашерслебне, а затем в Галле. Здесь он организовал тайный союз против Эрнста II, архиепископа магдебургского. Союз хотел преобразовать развращенную церковь. Религиозные искания Мюнцера шли в направлении церковной реформы. Мюнцер находился под влиянием литературы гуманистов, особенно Эразма Роттердамского. «Похвала глупости» последнего вышла в 1509 году. Молодой ученый увлекался также Яном Гусом (1369–1415) и его последователями — таборитами.

В 1515 году Мюнцер — священник женского монастыря во Фрозе близ Ашерслебена. Здесь, еще до выступления Лютера, он отступает от догматов римской церкви. Во время мессы (обедни) он сознательно пропускает требуемые слова о пресуществлении тела господня и предлагает вкушать церковный хлеб (причастие) неосвященным.

Во Фрозе он пробыл недолго. Юный революционер не мог быть в должности, которая требовала работы по укреплению католицизма и феодализма. Некоторое время он учительствовал в Брауншвейгской гимназии, но скоро ушел и оттуда. Беспокойный дух молодого реформатора не уживался в затхлой атмосфере школьных учреждений и монастырей. «Лишнему человеку» эпохи феодализма пришлось некоторое время прожить без дела у своих друзей и у матери. В это время социальный кризис разразился мощной национальной революцией — движением реформации.

Реформация

За день до реформации официальная Германия была покорным рабом Рима.

К. Маркс.

(«К критике гегелевской философии права»).

Молния, которую метнул Лютер, нанесла свой удар. Весь немецкий народ пришел в движение.

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

Недовольство широких слоев Германии в первую очередь обратилось на церковных феодалов во главе с папой. Власть католичества в феодально-раздробленной Германии, разделенной между 500–600 почти самостоятельных феодалов, была особенно сильна. Римская церковь дошла в этот период до крайних пределов падения. Папы, епископы и аббаты, проповедуя аскетизм, открыто предавались разгульной жизни, были большими поклонниками женщин, вина и роскоши. При дворе папы Александра VI устраивались феерические театральные представления, в которых главные роли исполнялись красивыми голыми женщинами. Такие празднества заканчивались распутными оргиями. Закон безбрачия не мешал священнослужителям открыто содержать любовниц и иметь детей. Для удовлетворения этих страстей нужны были огромные средства. В добывании денег церковники не останавливались ни перед чем. Все в Риме было продажным. Широко была развита торговля индульгенциями — свидетельствами заочного папского прощения грехов. Продавались церковные должности, и не только в розницу, но и оптом: отдавались на откуп ростовщикам, например банкиру Фуггеру. В угнетении и эксплуатации крепостных крестьян церковь не отставала от светских феодалов. Беспощадно усиливались поборы с населения. Церковь всяческими путями увеличивала свои земельные владения, богатства ее

росли.

В ряде других стран благодаря создавшейся крепкой национальной власти государи сумели, не порывая с католицизмом, получить известную независимость светской власти от Рима. В таких странах недовольство римской церковью было не так остро. В Германии, при ее раздробленности, имперская власть была крайне слаба. Пользуясь этим, Рим нещадно эксплуатировал Германию. Но по мере роста богатства и укрепления сил возникало в Германии чувство протеста и стремление сбросить ярмо Рима. Борьба против Рима постепенно разрасталась. Началась она с критики нравов церковных феодалов. Особенное возмущение вызывала торговля индульгенциями. Чувствовалось повсюду недовольство масс.

Церковники всячески старались направить стремление народа к лучшей жизни на путь религии. «Открывались» новые мощи, изобретались новые святые. Горячие проповеди искусных ораторов разносились по всей стране. В начале XVI века объявили новую «святую» Анну — «бабушку господ бога»; она конкурировала со «святой девой» Марией и чуть не вытеснила ее культ. Усердно читалась библия в поисках нового откровения, возникали религиозные секты, множились их последователи. Князья, новая торговая буржуазия, богатеющее ремесленничество и интеллигенция ощущали разрыв между прогнившей феодальной диктатурой Рима и гуманистической культурой. Реальные интересы большинства классов требовали создания национальной религии, независимой от Рима. Первоначальное накопление капитала требует экономии и строгости в быту. Поэтому естественно стремление буржуазии реформировать церковь согласно своим требованиям. Крестьянство тоже было недовольно церковными поборами и распутством римских попов и монахов. Князей весьма привлекали владения церковных феодалов, которые можно было получить в случае церковной реформы. Столкновение зарождающегося буржуазного общества и владетельных князей со старофеодальной иноземной церковью было неизбежно. И вот в такой напряженный общественный момент всю Германию облетело громовое известие — профессор, монах Мартин Лютер выступил против папы и его торговли индульгенциями!

Торговля индульгенциями

С весьма редкой гравюры на дереве Ганса Гольбейна

Тридцать первого октября 1517 года Мартин Лютер (1483–1546), тогда еще никому не известный августинский монах и молодой профессор Виттенбергского университета, прибил к дверям виттенбергской дворцовой церкви свои 95 тезисов.

Тезисы Лютера оказались подобными малой искре, упавшей в огромный пороховой погреб.

Поводом для появления тезисов виттенбергского профессора послужила начатая в 1515 году по приказу папы Льва X широкая торговля индульгенциями, доходы от которой предназначались на постройку собора св. Петра в Риме.

Распродажа индульгенций в Германии была отдана на откуп курфюрсту Альбрехту Майнцскому. Одним из его главных уполномоченных был лейпцигский монах Тецель, плутоватый, беззастенчивый делец. Для Тецеля это было широким коммерческим

предприятием, и он не стеснялся рекламировать ходкий, добротный товар. В одной из своих проповедей он уговаривал верующих покупать индульгенции, ибо «души улетают из чистилища к небу немедленно, как только золото звякнет в кассе». Осенью 1517 года Тецель развернул свою финансово-духовную деятельность около Виттенберга. Кассиром Тецеля был агент знаменитого ростовщика[^] Фуггера. Союз церкви с ростовщиками был очень тесен.

Неудивительно, что Лютер избрал индульгенции первым об'ектом для своего выступления против владычества римской церкви. В торговле индульгенциями корыстная, грабительская сущность церковной деятельности выступала особенно обнаженно и отвратительно.

В том, что немцы восставали против поборов Рима, изобличая во имя национальных интересов испорченность пап и их двора, не было ничего нового. Не раз эти мотивы звучали и в немецкой народной литературе, и в стихах поэтов, и в сочинениях ученых. Еще на рубеже XII и XIII столетий знаменитый миннезингер Вальтер фон дер Фогельвейде изображал одного из могущественнейших пап — Иннокентия III — низким интриганом и приписывал ему слова: «Германское золото вливается потоками в нашу римскую казну; будем же, братья во Христе, пить вино и есть гусей, а глупые немецкие миряне пусть постятся».

Немецкие гуманисты и до Лютера выступали против торговли индульгенциями. Так, например, гуманист Бебель в «Торжестве Венеры» писал: «Теперь так называемое отпущение поглощает все сбережения богатых и бедняков; спасение души лежит прикрытое денежным мешком». Религиозный деятель Иоганн Вессель из Бронингена, умерший в 1489 году, шел дальше: он прямо называл всякое отпущение грехов «благочестивым обманом».

Германия была вполне подготовлена к открытой борьбе с папством. Необходим был последний толчок, и его дали тезисы Лютера.

В те времена вошло в обычай прибегать к тезисам для обсуждения и раз'яснения трудного богословского вопроса. Тезисы вывешивались для общего сведения в церквах, университетских помещениях, и автор их должен был на диспуте защищать выставленные им положения.

Так поступил и Лютер.

Сквозь общий схоластический тон тезисов Лютера прорываются возмущение против злоупотреблений церкви и критика церковных порядков. В тезисах говорилось: «Христиан надо учить, что папа не считает дела милосердия равнозначными разрешению грехов посредством отпущения. Их нужно учить, что тот, кто видит нуждающегося и, несмотря

на это, отдает деньги за индульгенцию, приобретает этим не отпущение папы, а гнев божий. Нужно учить их, что если бы папа знал о плутнях продавцов индульгенций, он лучше дал бы погибнуть от огня собору св. Петра, чем строить его за счет кожи, мяса и костей своих овец».

Лютер говорит пока еще вполголоса, — он не хочет порывать с папой.

Тезисы Лютера нашли широкий отклик среди различных слоев населения. По словам современника, они «в четыре недели облетели весь христианский мир». Диспут угрожал разрастись в широкий национальный протест.

На диспут с Лютером никто не явился, но его противниками (Тецель, Экк) были опубликованы возражения, которые вызвали гнев и негодование Лютера. Он продолжал полемику и в своих ответах пошел дальше по пути обострения конфликта с господствующей церковью.

В Риме сначала не придали большого значения выступлению ничтожного монаха, но спор разрастался. Тогда бунтовщик был обвинен в ереси и 7 августа 1518 года получил приказание в течение шестидесятидневного срока явиться в Рим на суд.

Выполнить это предписание — значит идти на верную гибель. Лютер стал искать защиты и покровительства у своего князя — курфюрста саксонского Фридриха. Влиятельный государь и дальновидный политик, он не слишком боялся гнева Рима и согласился поддержать своего виттенбергского профессора. Император Максимилиан также советовал Филиппу «приберечь этого монаха, который может еще понадобиться». Император и курфюрст очевидно считали, что Лютер может пригодиться для их борьбы с папой. Фридрих добился, чтобы Лютеру позволили оправдаться перед папским посольством в Аугсбурге. Кардинал Каэтан потребовал отречения Лютера от его заблуждений. Но это ни к чему не привело? монах, даже под страхом отлучения, продолжал стоять на своем.

12 января 1519 года умер император Максимилиан. Судьба Лютера в значительной мере зависела от того, кто явится преемником Максимилиана на императорском престоле и какую позицию займет новый монарх в вопросе о выполнении папской воли в отношении виттенбергского еретика.

Внук императора Карл, незадолго до этого возведенный в сан короля Испании, получившей с открытием Америки обширные владения в Новом Свете, одновременно властвовал над Бургундией (Нидерландами), богатейшим краем того времени, а после смерти деда получил Австрию. Но у молодого претендента на императорскую корону оказался серьезный противник в лице короля Франции Франциска I.

Выборы императора походили на огромный аукцион. Оба короля

соперничали в обещаниях и подарках курфюрстам и в подкупе тех, кто мог оказать на них влияние. Победа осталась за Карлом испанским — он был менее опасен для германских князей, чем король Франции, которая быстро развивала свою военную и экономическую мощь.

Владения, сосредоточенные в руках Карла, были огромны, говорили, что «в них никогда не заходило солнце». Казалось бы, и мощь владыки этих необъятных земель должна быть громадной. В действительности же объединение под единым скипетром многих государств с различными и противоречивыми интересами неизбежно являлось источником слабости императорской власти в Германии. Власть Карла V была сильно ограничена уже при самом избрании: он мог созывать рейхстаг, издавать законы, заключать договоры с другими державами только с согласия совета курфюрстов. Вводить в Германию наемные войска он не имел права. Усиление территориальных владык-князей все больше и больше подрывало власть императора. Еще до избрания нового императора, в 1519 году, в Лейпциге произошел диспут между знаменитым защитником папской церкви ингольштадтским профессором Экком и Лютером. Искусный спорщик, Экк добился в этом диспуте того, чего хотела папская церковь. Он сумел заставить Лютера публично высказаться по наиболее опасным вопросам, сделав тем самым ересь Лютера очевидной. Цель была достигнута — Лютер во всеуслышание заявил о своей солидарности с некоторыми положениями Гуса, признанными Констанцским собором еретическими. Он отверг даже непогрешимость соборов, утверждая, что непогрешимо лишь одно откровение — слово божие. После этого Лютеру пришлось открыто поднять знамя мятежа против римской церкви — «время молчания прошло, настало время говорить».

Мартин Лютер

С гравюры на дереве XVI века

Движение оппозиционных элементов немецкого народа, разбуженное выступлением Лютера, росло и неудержимо влекло за собой реформатора. Большая часть нации поднялась на защиту его дела. Лютер в то время был настроен решительно. Его не пугала мысль о революционной войне против папы и католического духовенства, он не страшился насильственного переворота и пролития крови. Лютер писал: «Если их (римских попов) неистовое бешенство будет продолжаться и далее, то, как мне кажется, нет лучшего средства покончить с ними, как то, чтобы короли и князья пустили в ход силу, поднялись и напали на этих вредных людей, которые отравляют

весь мир, и раз навсегда положили бы конец их игре оружием, а не словами. Если мы наказываем воров мечом, убийцу виселицей и еретиков огнем, то почему бы нам не напасть на этих вредных учителей гибели, на пап, кардиналов, епископов и всю остальную свору римского Содома со всевозможным Оружием и не омыть наших рук в их крови».

Реформационное движение быстро охватило широкие слои народа и разбило Германию на три лагеря. В первом, «в консервативно-католическом, собрались все те элементы, которые были заинтересованы в сохранении существующих порядков, т. е. имперские власти, духовные и отчасти светские князья, более богатое дворянство, прелаты и городской патрициат, под знаменем *бюргерской, умеренной лютеровской реформы* собираются все владельческие элементы оппозиции, масса низшего дворянства, бюргерство и даже часть светских князей, рассчитывавших обогатить себя путем конфискации церковных имуществ и желавших использовать удобный случай для того, чтобы добиться большей независимости от империи. Наконец, крестьяне и плебеи составили вместе *революционную партию...*»^[4]

В начале борьбы Лютера со всемогущей римской церковью Томас Мюнцер еще продолжал свои скитания. Когда он гостил у своей матери в Штольберге, он, по словам современника, «произнес не одну дивную, прекрасную проповедь в христианском духе, в которых нельзя было осудить ни одного слова, но под конец своего пребывания там, в вербное воскресенье, он произнес речь, которая рассудительных людей навела на всевозможные мысли». В начале 1519 года Мюнцер был в Лейпциге и в том же году получил место священника в Бейтицком женском монастыре близ Вейсенфельза. Во время лейпцигского диспута Мюнцер познакомился с Лютером и стал его горячим сторонником. В этот же период Мюнцер много занимается богословскими вопросами, в частности изучением писаний мистиков, особенно произведений Иоахима Калабрийского.

Иоахим Флорис Калабрийский жил в XII веке и умер в 1202 году. Основой его учения была вера в неизбежное наступление тысячелетнего царствия божия на земле. По его мнению, история является откровением божества. Как троично божество, так и история мира должна состоять из трех периодов. Два периода уже исполнились. Первая эра была эрой богатства, это — период ветхого завета; вторая эра посвящена сыну, — она еще длится, — и, наконец, должна наступить третья эра — эра святого духа. Тогда настанет совершенная суббота, вечная пасха. Ожидаемое царство духа будет вместе с тем временем истинного познания — вечного евангелия.

Вечное евангелие противопоставляется служению букве закона. В учении Иоахима содержится отрицание главенствующего значения священного писания: не им будут руководствоваться избранные в третью эру, а непосредственным посвящением святого духа. Это вело к потрясению церковных основ. Средневековой церкви нужно было беспрекословное признание авторитета священных книг, авторитета самой церкви и ее главы — папы.

Последователи Иоахима усилили «опасные» мысли своего учителя, давая в своих комментариях исход ненависти к церковной иерархии. Развратившаяся церковь именуется у них Вавилоном, а папа — антихристом. Среди иоахимитов растут оппозиционные элементы, их высказывания, враждебные господствующей католической церкви, ничем не отличаются от проповедей многих еретиков средневековья, поднимавших в XIII, XIV и XV веках религиозные и социальные движения против папства и феодального строя. Идея «вечного евангелия», отрицание непреложности священного писания и признание возможности непосредственного откровения — все это находит отражение в последующих высказываниях Мюнцера. Он верил, что скоро «получит начало обновленная апостольская церковь», установится новый справедливый порядок.

Яростная ненависть к господствующей церкви и ее служителям охватила Мюнцера целиком. Общественное движение, отражавшее мечты и чаяния народных масс, вполне соответствовало его собственным настроениям. Решительная и действенная натура Мюнцера надеялась найти здесь практическое применение своим силам. Лютер пока относился дружелюбно к юному и пылкому своему последователю и сам, как говорили, помог Мюнцеру устроиться проповедником в Цвиккау.

Цвиккауский проповедник

При этих условиях... все революционные, социальные и политические учения должны были представлять собою одновременно и богословские ереси.

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

Томас Мюнцер появился в Цвиккау в начале 1520 года и занял должность помощника капеллана в церкви богородицы.

Уже первые шаги Мюнцера показали, какого беспокойного гражданина обрел в нем Цвиккау.

В день вознесения Мюнцер выступил с проповедью, исполненной резких нападок на духовенство. Он обличал перед народом «слепых пастырей слепых овец, которые во время своих бесконечных молебствий успевают прибрать к рукам имущества вдов и у одра умирающих думают не о религии, а об удовлетворении своей ненасытной алчности».

С наименьшей страстностью обрушился он и на богатых тунеядцев — монахов, которые скрывали свое волчье обличие под рясой нищенствующих святош. Мюнцер говорил: «Монахи отличаются такой пастью, что если бы можно было от нее отрезать добрую половину, то и тогда у них сохранились бы достаточно большие рты».

В эти дни католическое духовенство и монашеские ордена были еще достаточно сильны в Цвиккау, и нападение на них являлось делом далеко не безопасным. Казалось, Мюнцер ткнул палкой в муравейник — так забеспокоились, забегали клирики и монахи, агитируя против нового проповедника. Духовенство старалось восстановить против него прежде всего богатых бюргеров, которые главным образом и посещали церковь св. девы Марии. Они правильно рассчитывали, что проповедь имущественного равенства покажется особенно опасной купцам и разбогатевшим ремесленным мастерам.

Монах Тибуртий фон Вейсенфельс так объяснял бюргерам заблуждение и вред проповеди Мюнцера: «Новые проповедники основываются только на евангелии, но это не выдерживает ни малейшей

критики, так как тогда они вступают в противоречие с людскими законами, на которые следует обратить особое внимание. Новый завет необходимо дополнить во многих отношениях; нельзя же жить только по указаниям нового завета. Если бы бедность вытекала из учения евангелия, то тогда короли и князья не могли бы владеть богатствами мира, а скорее должны были бы жить в бедности, как нищие или пастыри духовные». Эти речи и происки монахов имели успех у прихожан церкви св. девы Марии. Тогда Мюнцер стал проповедывать в церкви св. Екатерины, которая являлась сборным пунктом оппозиционных элементов.

Цвиккау был значительным городом — в нем имелось тогда около тысячи домов. Выгодное географическое положение — на рубеже между земледельческой саксонской низменностью и горнопромышленными округами — способствовало развитию в Цвиккау посреднической хлебной торговли и ремесел.

Рост и обогащение города начались с 1470 года, когда открылись залежи серебряных руд в соседнем Шнееберге.

Основная масса городского населения Цвиккау была занята суконным делом. Суконно-ткацкое производство стояло здесь высоко. Хроника отмечает, что «во второй половине XV века Цвиккау доставлял, наряду с Ошацем, больше всего по количеству и лучшие по качеству сукна в Мейсене».

Экономический под'ем увеличивал и классовое расслоение городского населения. Крупные купцы и богатые ремесленники-предприниматели усиливали жестокую эксплуатацию цвиккауских ткачей. Горнорабочие также были об'ектом эксплуатации городских богачей, которым принадлежали рудники на Шнееберге. Возмущение против бесчеловечной эксплуатации связывало ткацких подмастерьев с горнорабочими и порождало в них революционные настроения. В обстановке вечно пылавшего возмущения и протеста в Цвиккау возникла анабаптистская община. Вербовалась она главным образом из ткацких подмастерьев и горнорабочих, но включала в свои ряды и образованных людей.

Анабаптизм являлся ветвью крестьянско-плебейского еретического движения. Анабаптисты, или перекрещенцы, получили такое наименование потому, что отрицали действительность крещения в младенческом возрасте и утверждали, что крестить можно только взрослых и сознательных людей. На этом основании часть анабаптистов требовала вторичного крещения.

Религиозные и политические требования различных групп перекрещенцев были чрезвычайно разнохарактерны, но в целом это была ересь бедняков и угнетенных. Основным общественным идеалом их

являлась коммунистическая община эпохи раннего христианства. Мюнцер сочувствовал анабаптистам, хотя был не согласен с их проповедью мирного установления царствия божия на земле. Он стоял за насильственное уничтожение «безбожников» (так он называл противников нового евангельского учения) и за введение господства праведников.

Проповедь в эпоху реформационного движения.

С картины Г. Шейффелина

Став проповедником церкви св. Екатерины, Мюнцер близко сошелся с цвикаускими анабаптистами, особенно с их главой — суконщиком Николаем Шторхом. В их воззрениях Мюнцеру ясно слышались отзвуки

знакомых и близких ему идей Иоахима Калабрийского. Но у Шторха и его последователей религиозные идеалы были ближе к земле, теснее соприкасались с политическими стремлениями.

Цвиккауские анабаптисты верили в скорое пришествие тысячелетнего царствия божия на земле, которое будет основано после страшного суда. В их представлении страшный суд воплощался в народной революции.

Шторхианцы верили, что непосредственное откровение свыше доступно каждому избранному человеку. Это уничтожало ореол, окружавший духовенство, этого «посредника» между богом и людьми, и вело к отрицанию значения всех церковных таинств, церемоний и обрядов.

Влияние цвиккауских анабаптистов распространилось далеко за пределами их города. Даже в самом Виттенберге, этой цитадели лютеранского учения, у них были сочувствующие.

Курфюрст Фридрих колебался, не зная, какую позицию занять по отношению к новым сектантам, все более открыто и широко проповедывавшим свое учение. Лютера, его советника в духовных делах, не было в Виттенберге — он скрывался в Вартбурге.

События, происходившие в это время, имели решающее значение для реформатора и его учения. После диспута с Экком бессмысленность каких-либо надежд на мирное разрешение конфликта с римской церковью стала для Лютера очевидной. Оставалось только решить вопрос, где найти точку опоры для дальнейшей борьбы: в бюргерско-умеренном лагере реформации, возглавляемом светскими князьями, или же в революционном лагере, где крестьяне и плебс угрожали войной всему существующему общественному строю. Лютер, не колеблясь, сделал выбор: он примкнул к бюргерской дворянской и княжеской свите.

В августе 1520 года Лютер выступил с манифестом «К христианскому дворянству немецкой нации об улучшении христианского состояния». Манифест в короткий срок приобрел огромную популярность. В нем Лютер резко выступает против трех основных положений католицизма, которые, по его мнению, являются стенами, воздвигнутыми папством на пути реформы церкви:

против главенства духовной власти над светской, против присвоения себе папой исключительного права толкования священного писания, против того, что собор может созываться только папой.

Лютер требует созыва истинно свободного церковного собора и выдвигает тяжелые обвинения, которые должны быть на этом соборе предъявлены папству со стороны Германии. В его обвинениях вопросы церковной реформы искусно связываются с политике — экономическими

интересами Германии. В них выражен протест против установившегося порядка, который ведет к постоянному отливу в Рим немецких де нег. и выдвинута, программа разрыва с Римом Манифест содержит резкие обличения церковных злоупотреблений и тягот, наложенных Римом на немецкие земли.

Манифест обращен к властям и привилегированным сословиям; от них Лютер ожидает защиты и поддержки. Народу же надлежит трудиться и смиренно молить владык об улучшении своего состояния. «Обязанность защиты невинных и искоренения неправды лежит на светских властях. Вот почему и говорят папе и людям его — молись за нас, императору и людям его — защити нас, а простому человеку — трудись». В манифесте уже не слышно больше призывов к войне и кровопролитию. Лютер испуган движением низов, оружие в их руках кажется ему слишком опасным для его покровителей.

Вслед за манифестом последовало обнародование двух догматических сочинений Лютера — «О вавилонском пленении» и «О свободе христианина». В них провозглашен основной тезис протестантизма: для человека главное — вера, благочестие не нуждается в делах. Только в вере — ключ к спасению: «хорошие, благочестивые дела никогда не сделают человека хорошим и благочестивым, но хороший, благочестивый человек совершает хорошие, благочестивые дела». Католичество же учило, что спастись можно верою только вместе с добрыми делами. Под последними католические отцы церкви понимали главным образом пожертвования в пользу церкви и милостыни нищим. Лютер выставил тезис спасения без добрых дел и тем самым противопоставил новое учение догме католичества. В лютеровском «спасении верою» сказался просыпающийся буржуазный индивидуализм. Реформация была бунтом мирозерцания нарождающейся и еще не оформившейся буржуазии и абсолютизма феодалов-крепостников против высшего проявления старофеодальной идеологии — католицизма. Лютеровское учение (спасение только верою) имело по тому времени революционное значение. Оно грозило взорвать все здание католицизма. Раз можно спастись только верою, то к чему особая иерархия церкви во главе с папою? Учение о том, что спасение возможно только через посредничество папы и духовенства, которое является носителем божественной милости и благодати, повисло в воздухе. Римская церковь лишалась права на доходы и объявлялась совершенно ненужной. Тезис о возможности спасения одной только верою ярко выявлял паразитизм католичества.

И в области политической, и в области религиозной реформационная

деятельность Лютера отражала несомненный кризис римской церкви.

Но римская церковь проявляла необъяснимую медлительность в борьбе с мятежником. Только в июне 1520 года появилась первая папская булла против Лютера, все еще нерешительная по своему содержанию. Правда, Лютер именовался в ней «диким вепрем, опустошавшим виноградник господен», она угрожала ему отлучением, если он не раскается в течение шестидесяти дней.

В декабре у церкви св. Креста, находившейся около стен Виттенберга, Лютер в присутствии своих единомышленников и народа бросил папскую буллу в костер со словами: «Так как ты омрачила святого господа, да омрачит тебя вечный огонь».

Только 3 января 1521 года папа отлучил еретика от церкви. Но римская курия понимала, что немцы не выдадут Лютера и что отлучение не означает победы над ним. Недаром папский посол Александр еще в середине декабря писал в Рим: «Против нас восстал легион бедных немецких дворян, которые, жаждая крови духовенства, с охотой напали бы на нас под предводительством Г учтена. Немецкие легисты и канонисты, священники и женатые — все наши враги и открытые лютеране. Еще хуже этих — ворчливая компания грамматиков и поэтов, которыми кишмя кишит Германия».

Ходом событий в борьбу с еретиком был вовлечен и император Карл V. 27 января в Вормсе открылся первый сейм с участием молодого императора.

В огромных владениях Карла было неблагополучно. В Испании еще не удалось окончательно подавить восстание комунеросс. Верность молодому монарху в Бургундии не была обеспечена благодаря сильным французским влияниям на могущественные дворянские фамилии. В Германии — религиозная смута. Неизбежно приближалась война с Францией из-за владений в Италии.

Карл находился в затруднительном положении. Для предстоящей войны он нуждался в поддержке германских сословий, и из-за Лютера ему было невыгодно обострять с ними отношения. Вместе с тем отказ папе в его требованиях подавить лютеранскую ересь также угрожал осложнениями — папа и без того был близок к заключению союза с французским королем против императора. Воспитанный в Испании, в этой цитадели католицизма, Карл в глубине души, конечно, презирал и ненавидел Лютера. Он с готовностью пошел бы на подавление движения, но в данном случае надо было руководствоваться соображениями политическими.

Между тем настроение участников сейма было оппозиционное: «все требовали собора, отказывали Риму в повиновении и возмущались против духовенства». Поэтому император не рискнул опубликовать уже заготовленный указ против Лютера, запросил мнение сословий и согласился на их предложение вызвать монаха для объяснений. 17 апреля 1521 года Лютер прибыл в Вормс и на следующий день предстал перед императором и рейхстагом. Император был одет в богатый испанский костюм, у ног его стояли два папских нунция. Тут же были курфюрсты, светские и духовные, влиятельные князья, рыцари, бургомистры имперских городов. Толпа больше чем из пяти тысяч человек окружала здание сейма. Лютер пал духом — весь цвет средневековья был перед ним. На вопрос официала (прокурора церковного суда), готов ли он, отречься от своих заблуждений, Лютер еле слышным голосом попросил день отсрочки для ответа.

На другой день, получив поддержку друзей и единомышленников, он твердо заявил тому же синклиту: «Я не могу подчиниться в моих верованиях ни папе, ни собору, потому что ясно, как день, что они часто впадали в заблуждение. Итак, если меня не убедят ссылками на священное писание, то я не могу и не желаю отречься ни от чего, потому что христианину не следует говорить против своей совести. Да поможет мне господь, аминь».

В особом манифесте император объявил Лютера еретиком и тем самым вне закона.

Охранная грамота Лютера имела силу еще на двадцать один день, после чего ему угрожали преследования, тюрьма и, может быть, смерть. Карл V не рискнул, подобно императору Сигизмунду в деле Яна Гуса, нарушить собственную грамоту, и Лютер уехал из Вормса свободно. На обратном пути он был схвачен замаскированными людьми и тайно отвезен в Вартбург. Замаскированных людей подослал покровитель Лютера Фридрих Саксонский, который продолжал оставаться при своем мнении: «монах может пригодиться».

В вартсбургском замке курфюрста Лютер скрывался около года. По всей Германской империи был распространен суровый эдикт императора против Лютера и его учения.

И вот в это время, когда известность Лютера неудержимо возрастала, когда сам император вынужден был ополчиться против него всей силой своего авторитета и влияния и когда казалось, что доктор Мартин является подлинным национальным героем, началось охлаждение Мюнцера к реформатору, перешедшее вскоре в открытую вражду.

Мюнцер называет Лютера человеком «изнеженным, любящим тешить свою плоть на пуховиках», и упрекает его в том, что для него вера — все, а дела — ничто. Мюнцер был убежден, что такая «мертвая» проповедь веры вреднее для евангелия, чем учение, папистов. Под делом он понимал проведение в жизни учения евангелия, а не то, о чем учили церковники.

И в то время как в широких кругах бюргерской реформации выступление Лютера в Вормсе рисовалось актом высокого героизма, Мюнцер ясно понимал, что реформатор хитро использовал непримиримые противоречия в лагере правящих классов, что цена его героизма была невысока. Позднее он писал Лютеру с едкой насмешкой: «Твоя невообразимо глупая похвальба своим геройским поведением в Вормсе просто уморительна; благодари немецкое дворянство, которое ты помазал медом по губам, так как оно мечтало, что проповедью своею ты доставишь ему божеские подарки^[5], монастыри и их имения, которые теперь ты обещаешь князьям. Если бы в Вормсе ты стал колебаться, то дворяне скорей закололи бы тебя, чем выпустили бы невредимым; это знает всякий».

Действительно, в среде дворянства Лютер имел ярых защитников. Когда в 1521 году на сейме в Вормсе враги Лютера намеревались немедленно схватить его, несмотря на данные ему охранные грамоты, [ыцарь Ульрих фон Гуттен велел прибить на стене об'явление, что 400 рыцарей и 8000 крестьян поклялись защищать Лютера. Об'явление заканчивалось грозным возгласом: «Башмак, башмак, башмак!», напоминавшим о недавних страшных крестьянских восстаниях.

Лютер боролся за церковную реформу в интересах зарождающейся буржуазии и абсолютной власти государства феодалов-крепостников, а Мюнцер стремился к реформе церкви во имя интересов угнетенного народа. Поэтому Мюнцер сближается с цвиккаускими анабаптистами и поддерживает их. В учении и борьбе анабаптистов с городским советом Мюнцер видит начатки движения эксплуатируемого народа против римской церкви и ее защитников. Мюнцер в это время пока еще направлял свои удары почти исключительно против попов.

Мирное развитие становилось идеалом Лютера, и он писал Гуттену: «Я не хотел бы, чтобы евангелие проповедывалось насилием и пролитием крови. Слово победило мир, благодаря слову сохранилась церковь. Словом же она и возродится, а антихрист, как он добился своего без насилия, без насилия и падет».

С каждым часом Мюнцер убеждался, что создание новой церкви, соответствующей интересам крестьянско-плебейских масс, возможно

только в результате насильственного переворота.

Связь Мюнцера с революционными городскими элементами и его покровительство секте Шторха выступали все яснее и яснее. Источник того времени сообщает: «Магистр Томас предпочитает подмастерьев, в особенности одного, по имени Николай Шторх. Он очень превозносит его с кафедры и ставит выше всех священников, как будто это единственный человек, хорошо знающий писание и глубоко проникший в его дух. При этом магистр Томас хвастался также, будто он хорошо знает, что на Шторхе почиет дух святой. Вследствие этого Шторх позволил себе начать при Томасе тайную цроповедь, как это бывает обыкновенно у беггардов, которые предлагают проповедывать какому-нибудь сапожнику или портному. Итак, Шторх был выдвинут магистром Томасом, и он с кафедры признал законным, что нашими прелатами и священниками должны делаться миряне и они же должны принимать исповедь. Отсюда возникла и получила известность секта шторхианцев, и секта эта так разрослась в народе, что говорили открыто, будто она составила заговор и назначила двенадцать апостолов и семьдесят два ученика».

Своей борьбой с католическим духовенством Мюнцер нажил много врагов. С течением времени фронт его противников расширился, потому что он выступил и против приверженца Лютера проповедника церкви св. Марии Иоанна Вильденау из Эгера. Это был спор между церковью св. Екатерины, которую возглавлял Мюнцер и которую посещала беднота, и церковью богачей. Но спор шел в плоскости религиозных разногласий. Современники свидетельствуют, что победителем из этого столкновения вышел Мюнцер. Победа эта еще больше усилила недовольство Мюнцером со стороны городских властей. Покровительство же перекрещенцам окончательно дискредитировало Мюнцера в глазах городского совета и богатых, влиятельных бюргеров.

Магистрат запретил перекрещенцам проповедывать в городе, и они устраивали тайные сборища. Мюнцер открыто выступал против этого запрещения.

Власти искали малейшего повода для того, чтобы освободиться от беспокойного проповедника и анабаптистов. Бунт ткачей в конце 1521 года явился удобным моментом для расправы. Восстание было быстро подавлено Советом. Пятьдесят пять подмастерьев были заключены в тюрьму. Главари секты бежали. За соучастие в бунте Мюнцера изгнали из города.

Мюнцер отрицал свое участие в цвиккауском бунте, но трудно сказать, насколько он был искренен в этом. Если он и не возбуждал ткацких

подмастерьев к восстанию, все же есть прямое основание утверждать, что сочувствие его было на стороне бунтовщиков.

От Лютера стали отходить и другие последователи реформации. Недавний лютеровский соратник Карлштадт утверждал, что всякий волен проповедывать слово божие, и «сам ходил по лавкам и мастерским и беседовал с рабочими о взглядах их на священное писание». Карлштадт поднял в Виттенберге борьбу против почитания икон и добился введения некоторых изменений в богослужении, склонив к этому университет и магистрат. Под его влиянием совет выступил против нищенствующих монахов и даже написал миноритскому монастырю, что нищих больше не должно быть. Для этого молодым монахам нужно выучиться какому-нибудь ремеслу, а старым — служить сидельцами в больницах. В городе начинались волнения.

Для Лютера это явилось тяжелым ударом, — он не мог примириться с тем, что движение развивалось своими путями помимо него. Не нравились реформатору и демократические тенденции Карлштадта и цвиккауцев. И самым горьким было то, что все это происходило в Виттенберге, где он мнил себя царем и богом.

«Все мои враги, — говорил он, — заодно со всеми дьяволами, которые так многократно строили мне козни и все-таки не нанесли мне такого жестокого удара, какой я получил теперь от своих, и я должен сознаться, что этот дым жестоко ест мне глаза и хватает меня за сердце; «вот чем, думал сатана, я лишу Лютера мужества и сломя его непреклонный дух; этой уловки он не поймет и не сумеет справиться с ней».

Лютер понял опасность нового движения, которое возглавлял его чрезмерно усердный ученик. Он покинул Вартбург и поспешил в Виттенберг, где немедленно занялся искоренением всего, что было сделано в его отсутствие. Карлштадта он изгнал и вскоре объявил его «бунтовщиком и убийцей».

Когда же Лютеру стало ясно, что в Мюнцере он имеет еще более страшного врага и соперника, он стал настороженно следить за ним и беспощадно преследовать его.

Рыцарское восстание

Прогресс промышленности сделал рыцарей ненужными в той же мере, как и нюрнбергских ремесленников.

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

Из Цвикау Мюнцер отправился в Богемию и прибыл в Прагу осенью 1521 года.

Изгнаннику представлялось, что в стране Гуса и таборитов он найдет благоприятные условия для своей деятельности. Но Мюнцера постигло разочарование. Народное движение после жестокого поражения таборитов у Чешского брода было подавлено окончательно. Последовавший затем разгул реакции почти истребил остатки таборитского учения. Торжествующая аристократия позаботилась о том, чтобы задуть ненавистные ей идеи уравнилельного коммунизма, которые проповедывали табориты. Бюргерские элементы и низшее дворянство стали и здесь на сторону аристократии.

Население Праги в большинстве своем было настроено реакционно, и Прага являлась совершенно неудобным поприщем для проповедей магистра Томаса. Мюнцер не знал чешского языка и проповедывал с помощью переводчика.

Первого ноября 1521 года он выпустил воззвание на латинском, немецком и чешском языках, названное им «Протестом».

«Я, Томас Мюнцер из Штольберга, вместе с верным и достойным поборником Христа Яном Гусом, наполняя звонкие трубы новым гимном, свидетельствую перед церковью избранных и целым миром, что я с прилежанием учился у всех живущих в мое время, пока не удостоился достигнуть полного и редкого познания непобедимой святой христианской веры. Бывшие до меня говорили о ней холодными устами. Они передавали друг другу слова, не воспринимая их сердцем. Я слышал от них одно лишь писание, которое они выкрали из библии, как ловкие воры и грабители... Они надругались над верой, хотя должны были крепкой стеной защищать

народ божий от поругателей... Они облечены в покров папской мерзости и помазаны елеем греха, который покрывает их с головы до пят; их безумие исходит от дьявола, осквернителя и отступника, и проникает в глубину их суетных сердец... Долгое время мир (смущаемый многими ересями) невыразимо жаждет божественной истины... Они не сделали этого для детей, не научили их истинному познанию божьему, и потому-то христиане стали так беспомощны в защите своей веры. И они еще смеют надменно болтать, что бог не говорит более с людьми, как будто бы он стал нем; они находят достаточным то, что написано в книгах и что они могут в непереваренном виде изрыгать из себя, подобно тому как аисты изрыгают лягушек в гнезда своим птенцам... Они превращают человека в бездушную машину, у которой в устах жалкие тексты, а сердце — за сотни тысяч миль. После того, что с нами произошло... неудивительно, что нас, христиан, высмеивают нее народы... Горько оплакиваю я величайшее бедствие христианства... что со смертью апостольских учеников непорочная девственница — церковь, изменив духу, стала блудницей и останется ею до той поры, пока плевелы не будут отделены от пшеницы и деяния ее не поступят на праведный суд. Но радуйтесь, возлюбленные, всходы ваших пашен побелели и готовы к жатве. Небо наняло меня в поденщики по грошу в день, и я точу мой серп, чтобы жать колосья. Голос мой возвестит высшую истину и уста мои проклянут безбожников, обличить и искоренить которых я и пришел в ваши благословенные пределы, о, любезные чешские братья... Я верю и знаю, что на севере рухнут преграды под напором изливающейся благодати. И получит начало обновленная апостольская церковь и оттуда распространится на весь мир».

Это был манифест, в котором провозглашалось упразднение духовенства и создание духовной общины верующих, а непосредственное общение человека с богом противопоставлялось, как единственно ведущее к истине, посредничеству духовенства и всяческому толкованию буквы писания. Кроме того, правда еще в очень туманной форме, народ призывался к восстанию, чтобы «искоренить» безбожников.

Деятельность Мюнцера обратила на себя внимание властей. Мюнцер был отдан под надзор полиции, к нему приставили стражей, а в январе 1522 года он был изгнан из Богемии.

В это время в Германии назревали новые события.

Единый фронт реформации распадался. Разорявшееся рыцарство выступило против абсолютизма владетельных князей и курфюрстов.

Мелкое дворянство не хотело добровольно уступать дорогу новым общественным силам — буржуазии и абсолютизму крупнейших феодалов.

В 1522 году была сделана попытка повернуть вспять колесо истории и возродить былую политическую мощь рыцарства. Для того чтобы начать борьбу, рыцарству требовались идеолог, который сформулировал и возвестил бы своему сословию и миру программу возрождения Германии силами рыцарства, и вождь, который повел бы их в бой. Идеологом рыцарского восстания стал Ульрих фон Гуттен, известный гуманист и главный автор антикатолического памфлета «Письма темных людей».

Ульрих фон Гуттен, яркая фигура своего замечательного времени, происходил из семьи бедного франконского рыцаря. Отданный юношей в Фульдский монастырь, он быстро понял, что монашеская жизнь не для его деятельной натуры, и бежал из-под надзора святых отцов. Ряд лет он вел полуголодную и беспорядочную жизнь странствующего студента и исколесил почти всю Германию. Известно о его пребывании в этот период в Кельне, Эрфурте, Франкфурте-на-Одере, Лейпциге, Грегсвальде, Росток, Виттенберге, Вене. В этот период он считал своим главным призванием поэзию, а целью жизни — лавровый венок поэта, который впоследствии ему и удалось получить из рук императора Максимилиана.

Талантливый, остроумный, образованный Гуттен рано сошелся с гуманистами и скоро стал наиболее видной фигурой среди так называемых младших гуманистов.

Ульрих фон Гуттен

С рисунка углем, приписываемого Альбрехту Дюреру

Он рано втягивается в политическую и религиозную борьбу. Его тяготит сознание политического убожества Германии, которое он особенно ярко почувствовал после пребывания в Италии (1512–1513) и после службы наемником в войсках императора Максимилиана. Здесь в нем рождается жгучая ненависть к Риму и его главе — папе, исконному врагу Императора и эксплуататору народа. Еще в 1513 году в своих эпиграммах он называет Юлия «язвой человечества». Он публикует сочинения итальянского гуманиста Валлы, поднимая их как стяг в походе на злоупотребления римской курии. Наконец в «Письмах темных людей» он

наносит страшный удар схоластике и католическому духовенству.

Выступление Лютера не было понято Гуттенем. Ему казалось, что спор Лютера со своими противниками носит чисто догматический характер. Он даже говорил: «Монахи постоянно и везде спорят между собой; пусть их пожирают друг друга, пока пожрут их самих». Но когда Гуттен увидел революционный эффект выступления Лютера и растущий разлад между Германией и Римом, — лютеровская деятельность нашла в нем своего горячего сторонника. Под его влиянием Франц фон Зиккинген в январе и феврале 1520 года предлагал Лютеру защиту и убежище. Во время Вормского сейма они оба агитировали в пользу виттенбержца и готовились в случае необходимости вооруженной рукой прийти ему на помощь.

В сентябре 1520 года Гуттен в послании к королю Карлу и курфюрсту Фридриху декларировал свою программу государственного переворота. Цель переворота — восстановление падшей мощи имперской власти и искоренение пороков церкви. Средство к достижению этой цели — уничтожение главенства папы, секуляризация церковных имуществ, сокращение духовного сословия, уничтожение монастырей и установление церковной независимости Германии. Огромные богатства, которые освободятся этим путем и перейдут из бездонных папских карманов в руки нации должны быть употреблены в первую очередь на создание великой имперской армии силами рыцарства, а также на народное образование и призрение бедных. (с созданием могучей и богатой германской рыцарской армии возникала сила, которая открывала возможность экономического укрепления рыцарства и восстановления его бывшего политического значения. Программа требовала упразднения абсолютного владычества князей и установления дворянской демократии во главе с императором, как это было в раннем средневековье. Об уничтожении крепостничества ничего не говорилось.

Но дворянская демократия была уже пройденным историческим этапом. Нормальное развитие торговли — то, что нужно было поднимающейся буржуазии, — обеспечивала сильная централизованная власть, которую разоряющееся дворянство не могло создать. Даже такая государственная система, как областное единство во главе с владетельными князьями — крупнейшими феодалами, казалась купцам более приемлемой, чем власть рыцарской вольницы, тем более, что на стороне князей было их богатство, деньги, армия ландскнехтов. Города предпочитали власть крупных феодалов власти вольных рыцарей, от которых им так много приходилось терпеть раньше.

Политическая позиция рыцарства носила на себе яркие следы

средневековья. Крестьян они не захотели привлечь в свои ряды, — крестьянское движение страшило их больше, чем диктатура крупных феодалов. Военная тактика, несмотря на изобретение огнестрельного оружия, также мало отошла от приемов прежних турнирных боев. Естественно, что рыцарству предстояло выступить в полном одиночестве.

Гуттен, конечно, понимал, что рыцарству придется встретиться с могущественным врагом — духовенством, и еще более сильным — князьями. И все же он Мечтал о «веселой войне» против них, твердо Надеясь на помощь рыцарству со стороны городов.

Эти замыслы Гуттена отравили от него виттенбергского реформатора. Лютер боялся всякого восстания: кто бы ни начал мятеж, — угнетенный народ возьмется за оружие. Умаление княжеской власти в угоду рыцарству также никак не входило в планы Лютера; он уже сделал выбор и признал княжескую власть единственной твердой опорой своего дела и видел в ней гарантию личной безопасности и благополучия. На поддержку Лютера Гуттен рассчитывать не мог. Стремясь к намеченной цели, он натолкнулся на человека, который, казалось, был рожден для роли вождя в предстоявшей «веселой войне». Это был Франц фон Зиккинген.

Зиккинген — знаменитый военачальник, один из могущественнейших, богатейших имперских рыцарей, неоднократно дрался вместе со своими людьми как на стороне императора, так и против него с иностранными государями, в зависимости от того, кто больше платил. Он не гнушался и простым разбоем, отличаясь в этом от мелких рыцарей лишь более крупными масштабами своих грабительских предприятий.

И он, и Гуттен являлись выразителями стремлений своего сословия, которое видело в начавшемся реформационном движении удобный момент для выступления со своими собственными планами. В 1521 году брожение охватило рыцарство во всех областях Германии. В начале 1522 года в Ландау под главенством Зиккингена образовался союз рейнского, швабского и франконского дворянства, якобы для самозащиты. Зиккинген собирал войска в своих владениях у устьев Наге.

Двадцать седьмого августа 1522 года он объявил войну одному из могущественных духовных князей Германии, курфюрсту Трирскому, и напал на его владения. Мир в империи был нарушен. Брат императора, эрцгерцог Фердинанд, объявил Зиккингена опальным — пустой жест, за которым не могло последовать никаких практических действий, потому что имперское правительство было фактически бессильно. Перед лицом общей опасности князья быстро обединились, понимая, что наступил удобный момент нанести сокрушительный удар попыткам рыцарства играть какую-

либо самостоятельную роль.

Курфюрсту трирскому Ричарду фон Грейфенклау удалось отбить нападение Зиккингена и заставить его отступить обратно на свои земли. Ландграф Гессенский и курфюрст Пфальцский преградили дорогу рыцарским отрядам, двинувшимся на соединение со своим вождем. Города не оказали никакой поддержки рыцарству — купцы слишком хорошо знали грабительские повадки этого сословия. Ведь и сам Зиккинген прославился бандитской борьбой с Вормсом в 1514 году и дерзким ограблением торгового каравана швабских купцов в Майнцской области в 1517 году.

Весной 1523 года соединенные силы князей двинулись на очаг восстания и взяли в плен смертельно раненого Зиккингена в его главной крепости Ландштуле. Гуттен бежал в Швейцарию и вскоре умер там нищим, бездомным скитальцем. Отдельные попытки некоторых рыцарей продолжать в других областях Германии предприятие Зиккингена подавлялись немедленно и жестоко. С этого момента никогда уже низшее дворянство в Германии не дерзало противостоять княжеской власти. Сила его сопротивления была сломлена навсегда, а дворянство окончательно перешло на службу к князьям. Крестьянство в рыцарском восстании оставалось в стороне. Может быть для судеб самого крестьянского движения было бы гораздо лучше, если бы его вооруженное выступление началось одновременно с дворянским походом. Однако выступление крестьянства началось только через два года, когда рыцарское восстание было уже разгромлено.

Альтштедтский бунтовщик

Мюнцер, идеи которого становились все смелее, определеннее и резче, решительно отмежевывается от бюргерской реформации и в то же время прямо выступает в качестве политического агитатора.

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

Мюнцер появился в Альтштедте весной 1523 года, в то самое время, когда в Прирейнской области разыгрывались последние акты трагедии Зиккингена и рыцарского восстания. Реформация вступила в новый этап — народные низы выходили на авансцену движения со своими запросами и устремлениями. В эти дни в Альтштедте воскресал в новом виде «Союз башмака», и в лице Томаса Мюнцера городская беднота и крестьянство Тюрингии обретали идеолога и вождя.

Население Альтштедта было немногочисленно, об искусстве его ремесленников не говорили на больших немецких ярмарках, в нем не было даже прославленных монастырей или чтимых реликвий, которые привлекали бы в Альтштедт молящихся и их даяния. Но одно обстоятельство создавало благоприятную почву для политической агитации в этом городе, — это его близость к Мансфельдским горным промыслам. Мансфельдские рудники были открыты в XII веке, в них добывались золото, серебро и медь. Горнорабочие в эпоху средневековья представляли собою, пожалуй, наиболее восприимчивую к революционной пропаганде часть эксплуатируемого населения. Нередко в горных округах вспыхивали мятежи, и тогда горнорабочие выступали сплоченной массой, проникнутые сознанием единства своих интересов. Это были закаленные в средневековом тяжелом труде суровые люди; они хорошо владели оружием и не боялись с его помощью отстаивать свои права. Непокорность, готовность к вооруженной борьбе отличали мансфельдских рудокопов.

Население Альтштедта находилось в постоянном близком общении с Мансфельдскими рудниками, и революционные настроения распространялись на альтштедтских ткачей, ремесленных подмастерьев и

городскую бедноту.

Томас Мюнцер занял в Альтштедте должность проповедника церкви св. Иоанна. Его пригласил городской совет без ведома и согласия курфюрста Саксонского — своего князя и господина. Это являлось нарушением установленного порядка.

Неизвестно, знали ли правители и граждане Альтштедта о прошлой опасной деятельности своего нового проповедника. Скорее всего нет, ибо вначале Мюнцер пользовался полным доверием и поддержкой курфюрстского чиновника (шоссера) Ганса Цейса и городского совета.

Наконец-то гонимый странник обрел себе пристанище. Теперь Мюнцер располагал трибуной для религиозной проповеди и политической агитации; у него были внимательные и понятливые слушатели. Он нашел в Альтштедте единомышленников, готовых идти за ним в предстоящей борьбе. Проповедник кармелит Симон Хафериц стал его горячим сторонником. Мюнцер решил обосноваться в Альтштедте и создать там свой семейный очаг. Вскоре он женился на вышедшей из монастыря монахини Оттилии фон Герсен.

Без промедления принялся Мюнцер за проведение своего плана церковной реформы. Недаром в «Пражском воззвании» им было обещано, что «на севере рухнут преграды под напором изливающейся благодати. Гам получит начало обновленная апостольская церковь». Уже на пасхе 1523 года он первый ввел в Альтштедте церковную службу на немецком языке и осуществил ряд других реформ богослужения, в частности чтение и проповедь не только нового, но и ветхого завета. Отменил он также исповедь, играющую большую роль в католицизме.

Мюнцер любил проповедывать на темы ветхого завета. Грозные речи ветхозаветных пророков, направленные против царей и богачей в эпоху разлагающегося родового строя, как нельзя лучше соответствовали настроениям Мюнцера и его слушателей и зажигали их сердца. Мюнцеру было уже около тридцати лет. Он вполне сформировался в могучего народного трибуна с ярким революционным мировоззрением. Правда, это мировоззрение было окрашено в религиозные тона — из-под влияния средневекового мышления он не мог совсем уйти. А если бы и ушел, то оторвался бы от масс, над чувствами и идеями которых господствовала религия. Феодализм менял форму, но еще жил и развивался. Новый класс — буржуазия была еще в пеленках. Первые шаги она делала в недрах феодализма, лишь своим ростом видоизменяя его. Поэтому религия — эта основа феодального владычества — еще пленяла сознание большинства. Чтобы повернуть стремление масс на новую дорогу, революционные

мыслители вынуждены были пользоваться старым орудием. Для нового мышления, вполне рационалистического, светского, еще не пришло время. Даже философ Барух Спиноза (1632–1687) свое материалистическое учение изложил в форме прославления бога. Но в понятие бога он вложил понятие всей природы, всей материи и ее законов. Слова, понятия остаются как будто прежними, а содержание в них уже иное. Придет время, и новое содержание сбросит старую форму и примет форму, соответствующую новому содержанию. Это и характеризует реформацию — политическое движение новых классов против старого феодализма.

Религия играла активную роль в движении коммунистических сект средневековья. Мюнцер далеко ушел не только от католичества, но и от Лютера, и все же свою пропаганду он строил на новой трактовке евангелия, ветхого завета и учения отцов церкви. Его критика католицизма сводилась в конце концов к критике основ христианства. От прежних понятий оставалась одна оболочка.

В своих речах Мюнцер часто далеко отходил от религии вообще. Самое понятие бога он иногда толковал почти пантеистически, называя богом природу и ее законы. В основу религиозного откровения Мюнцер кладет сознание самого человека и считает, что не только библия открывает человеку истину и бога. Поэтому истина и бог могут открыться не только христианину, но даже и язычнику. Вера для Мюнцера — это пробуждение разума в человеке. Разум и дает человеку познание истины и бога. «Поэтому небо не есть что-либо потустороннее; его нужно искать в этой жизни, и призвание верующего состоит в том, чтобы установить это небо, т. е. царство божие, здесь, на земле»^[6].

Мюнцер высоко поднимался над уровнем своей эпохи. В его учении есть элементы рационалистической-философии, расцветшей в следующих столетиях, особенно в XVIII веке. Мюнцер стоял за физическое уничтожение князей и господ и за введение «царства божия на земле» при помощи народной, революции. Царство божие он мыслил как царство всеобщего равенства «праведников», общности имущества и работы, коммунизма в потреблении по типу легендарных первых христиан.

Коммунистическое учение Мюнцера отражало настроение неимущей народной массы, разоренной усилением крепостнического гнета, эксплуатацией торгового и ростовщического капитала. Но для осуществления коммунизма не было материальных предпосылок и нужного класса (пролетариата). Поэтому он смотрел не в будущее, где еще предстоял расцвет абсолютизма, затем буржуазии, а назад, в фантастическое прошлое христианства.

Церковная служба на родном, понятном народу языке, низведение духовенства на уровень мирян — все это, введенное Мюнцером, уничтожало ореол избранности, возвышавший католическое духовенство над массами, и демократизировало церковь.

При такой реформе церковных установлений общественная жизнь приобретала новый интерес. Власть и законы, стоявшие под охраной церкви, делались предметом критики народа.

Прошло всего несколько месяцев, как слухи о пребывании в Альтштедте Мюнцера и о его деятельности в этом городе дошли до Виттенберга. В это время между Лютером и Мюнцером еще не было полного разрыва. Лютер обратился к альтштедтскому проповеднику с письмом, написанным в сдержанном и, казалось, даже благожелательном тоне; он просил Мюнцера сообщить об учении, распространяемом им среди своей паствы.

Мюнцер не замедлил ответом, исполненным внешнего почтения и содержащим ряд лестных и хвалебных отзывов по адресу Лютера. Мюнцер отрицал свою причастность к беспорядкам в Цвикау и заверял Лютера в своей готовности дать полный отчет о проповедуемом учении. Письмо это датировано 5-м июля. Мюнцер, конечно, не торопился с отчетом и не без основания боялся личного свидания и диспута с Лютером в Виттенберге, где Лютер был полным властелином. Мюнцер ожидал репрессий и требовал для диспута более безопасного места.

В письме к Спалатиину от 3 августа Лютер жалуется на то, что Мюнцер избегает свидания и беседы с ним, и обвиняет альтштедтца в противоречиях со священным писанием, которые подстать только «бессмысленному, пьяному человеку».

Им было не по пути. Не могло быть речи о мирном сосуществовании возглавляемых ими политических течений. Предстояла жестокая борьба. Мюнцер не только хотел идти самостоятельными путями в области религиозной реформы, но и поднимал знамя восстания против господствующих классов, против феодалов и богачей, во имя интересов и счастья угнетенных масс. Нападки же Лютера на католическую церковь и его реформационная деятельность не мешали ему принимать существующий строй и быть верным слугой княжеской власти. В этот период политические воззрения Мюнцера приобретают вполне определенные и законченные очертания. Он делается выразителем требований революционной плебейско-крестьянской части оппозиции.

Борьба против папства, борьба против монашества и восстание крестьян.

С гравюры на дереве

Мюнцер не хотел и не мог идти на какие-либо компромиссы с Виттенбергом, но вместе с тем считал целесообразным несколько оттянуть решительное столкновение с Лютером и его покровителями, чтобы тем временем лучше подготовиться к борьбе.

Кафедра в альтштедтском соборе была необходима Мюнцеру как открытая трибуна для пропаганды. В это время Мюнцер делает первые шаги к основанию тайного союза своих единомышленников.

«Башмак» и «Бедный Конрад» ясно показали господствующим классам, какую огромную опасность представляют собой тайные

религиозно-политические организации простонародья и как велика объединяющая и руководящая роль этих организаций в народных восстаниях. Князья и слуги их были настороже. Организаторам и членам всякого тайного союза угрожала быстрая и жестокая расправа. Между тем Мюнцер почти открыто призывает альтшtedтских граждан к созданию «союза против тех, кто преследует евангелие». Так создавалось и росло братство защитников истинной веры. Но этот открытый союз альтшtedтских горожан являлся ширмой, за которой скрывалась конспиративная организация. Более узкий круг надежных последователей составлял «Тайный союз». Вступавшие в него клялись «жертвовать друг за друга имуществом и жизнью». Этим людям были открыты истинные замыслы Мюнцера. В последние дни своей жизни Мюнцер под пыткой показал, что «одним из основных принципов общества, осуществить который оно стремилось, был *omnia sunt communia* — всеобщее, — и поэтому каждому все должно даваться по мере его потребности. Если бы какой-либо князь, граф или господин не захотел поступать так, когда этого потребуют, то его решено было обезглавить или повесить». Создавая тайный союз, Мюнцер вовсе не думал ограничивать свою деятельность только его рамками. Необходимо было вовлечь в движение самые широкие слои эксплуатируемого народа, а для этого следовало использовать все удобные поводы к возбуждению народа против властей. На это и была направлена его проповедническая деятельность.

Проповеди Мюнцера находили живой отклик в среде неимущих. Революционное влияние этих проповедей было замечено в первую очередь в мансфельдских горных округах.

Мансфельдский граф Эрнст, верный сын папской церкви, резиденция которого находилась в близлежащем Гельдрунгене, запретил своим подданным посещать проповеди в Альтшtedте. Мюнцер поднял брошенную ему перчатку и 13 сентября с церковной кафедры, при большом стечении молящихся назвал графа «еретическим плутом и живодером и другими дурными и поносными словами». Вскоре о дерзкой выходке альтшtedтского проповедника донесли графу, и он потребовал от магистрата изгнания своего обидчика, угрожая за ослушание репрессиями. Но выполнить требование графа было нелегко, даже если бы городские власти очень этого хотели. Мюнцер в Альтшtedте представлял собой такую силу, с которой вынуждены были считаться. Со стороны альтшtedтских правителей последовал дипломатический ответ: они не в силах сделать то, что желает от них граф, ибо дело это касается божьего слова и проповедник является лицом духовного сословия. Но, вместе с тем, испуганный

угрозами магистрат просил графа воздержаться от применения силы и обратиться со своими требованиями к их господину и главе — курфюрсту. К этому посланию были приложены письма обоих альтшtedтских проповедников — Мюнцера и Хаферица.

Хафериц, отрицая свою вину, все же имел мужество заявить, что не побоится выступить против графа, если тот будет противиться слову божью.

Мюнцер держался вызывающе, вовсе не заботясь о смягчении конфликта.

Он писал графу: «Если вы, свидетель тому бог, будете упорствовать в таком бешенстве и неразумном запрещении, то я от сегодняшнего дня и до тех пор, пока во мне бьется сердце, буду вас поносить и без усталости кричать о том, что вы дурной, невежественный человек, не только перед христианским миром, но направленные против вас книги предложу перевести на многие языки для турок, язычников и евреев. Вы должны знать, что в таком важном и правом деле не боюсь я никого в целом мире». Мюнцер предложил графу не пытаться применять насилие, так как он должен подумать о «будущих раздорах». Мюнцер угрожал поднять против мансфельдского графа сотни и тысячи недовольных, подобно тому, как Лютер действовал против папы. Раздраженный граф Эрнст принес куофюрсту жалобу на его дерзких подданных. Так курфюрст саксонский Фридрих и его брат и соправитель герцог Иоанн впервые слышали о Мюнцере и об альтшtedтской опасности.

Проповедующий крестьянин.

С гравюры на дереве XVI века.

Курфюрст высказал магистрату свое неудовольствие происшедшим и потребовал об'яснений: кем был призван и утвержден священником в Альтштедте Мюнцер. Дело могло принять неблагоприятный для Мюнцера оборот, ибо курфюрст склонялся к тому, чтобы предать его судьбу в руки обиженного графа. Городские власти вынуждены были взять с Мюнцера обещание явиться к курфюрсту на допрос по первому его требованию. Немедля Мюнцер направил Фридриху письмо, выдержанное в верноподданнических тонах: курфюрст — избранный богом защитник истинной веры, и он не потерпит, чтобы проповеди евангелия был нанесен

ущерб.

Покорное ли обращение Мюнцера или заступничество магистрата подействовало на курфюрста, но обличительные речи Мюнцера против графа остались безнаказанными. Ему лишь запретили употреблять с церковной кафедры слова, «которые не ведут к прославлению бога и христианскому поучению народа».

Но деятельность Мюнцера вовсе не ограничивалась проповедничеством с церковной кафедры. К этому времени он успел развить широкую деятельность. Не только в Альтштедте, но и в соседних городах Мюнцер имел уже последователей и учеников. Он поддерживал с ними личное общение и деятельную переписку, готовил их к борьбе с тиранами. Об этом свидетельствует письмо Мюнцера, датированное 18 июля 1523 года: «Строгое увещание возлюбленным братьям в Штольберге избегать неразумного восстания». В нем Мюнцер говорит о выдержке и терпении: «Восстание разумно и целесообразно, когда народ к этому подготовлен». «В высшей степени глупо, что некоторые из избранных друзей божиих думают, будто бог скоро должен переменить все к лучшему среди христиан и поспешить им на помощь, между тем как к этому никто не стремится и не жаждет сделаться нищим духом». Мюнцер верит, что благоприятные условия для восстания вскоре наступят, ибо сама жизнь идет к этому. Неразумие и свирепость властей ожесточают сердца народа: «Бог заставляет тиранов свирепствовать все больше и больше, чтобы избранные преисполнились стремлением искать бога».

Мюнцер вовсе не является сторонником пассивного ожидания благоприятного для революции положения. К борьбе надо готовиться, и он прежде всего стремится воспитать своих сторонников мужественными, идейными бойцами, готовыми на самопожертвование за народное дело. «Я слышу, что вы очень хвастливы, ничему не учитесь и очень беспечны. Когда вы пьете, то много говорите о деле, а когда трезвы — становитесь трусами. Поэтому, дорогие братья, исправьте вашу жизнь: избегайте кутежей, страстей и предающихся им; будьте смелее, чем до сих пор, так как вам предстоит еще работать, и пишите мне».

Мюнцер с головой уходит в дела религии, но одновременно ни на минуту не прекращает забот об укреплении тайного союза своих последователей. Вторая половина 1523-го и начало следующего года проходят сравнительно спокойно. Тихо в Альтштедте, но уже в городе и окрестностях незаметно поднимаются массы.

Книгопечатание, изобретенное Иоганном Генсфлейшем Гуттенбергом в первой половине предшествующего века, стало могучей силой.

Восстание против католической церкви, поднятое Лютером, конечно не смогло бы так быстро охватить широкие слои населения, если бы по стране не расходились типографские оттиски его сочинений. Это прекрасно понимал Мюнцер и использовал период альтшtedтского затишья для сочинения и издания ряда брошюр и книг, в первую очередь теологического характера.

Богослужение на немецком языке, введенное Мюнцером, записано в книге: «Порядок и расписание немецкой службы в Альтшtedте, установленные священником Томасом Мюнцером на прошедшую пасху 1523 года. Альтшtedт, 1524 год. Напечатано в Эйленбурге Николаем Видемаром».

Продолжая работать в направлении церковной реформы, Мюнцер издает еще два сочинения: «Немецкая евангелическая обедня, совершаемая папскими попами, к великому ущербу веры, по латыни и приведенная в порядок теперь, в это славное время, предназначенное для раскрытия, к каким ужасам всякого безбожия повели продолжавшиеся долгое время злоупотребления в богослужении. Томас Мюнцер, Альтшtedт, 1524 год».

Это сочинение является переводом на немецкий язык текста богослужения, но книга снабжена предисловием, в котором автор подвергает критике заблуждения и пороки папской церкви.

Вторая книга — «Немецкое богослужение, предназначенное, по неизменной воле божией, поднять на погибель всех безбожников коварный покров, под которым держали свет мира, вновь являющийся теперь, вместе с этим в назидание возрождающемуся христианству, Альтшtedт». Это — перевод на немецкий язык латинских песнопений пяти служб. О своем переводе псалмов Мюнцер говорил, что он делал его «более по смыслу, чем дословно».

Основы религиозных взглядов Мюнцера изложены в этот период в двух агитационных брошюрах: «Протест Томаса Мюнцера из Штольберга в Гарце, священника в Альтшtedте, касающийся его учения и начала правильной христианской веры и крещения Альтшtedт, 1524 год» и «О ложной вере».

В «Протесте» Мюнцер подает руку демократической, широко распространенной секте анабаптистов (перекрещенцев).

Но, утверждая несостоятельность официального церковного взгляда на крещение, Мюнцер, однако, не требовал, подобно анабаптистам, вторичного крещения для взрослых членов своей общины.

Вопрос о крещении не занимает крупного места в религиозной системе Мюнцера. Очень возможно, что магистр Томас разоблачением

бессмысленности крещения детей стремился прежде всего привлечь на свою сторону довольно сильную секту анабаптистов, которая могла оказать ему существенную помощь в дальнейшей политической борьбе.

Брошюра «О ложной вере» представляет собой логическое развитие взглядов, раньше изложенных им в «Пражском воззвании».

В этом сочинении отличие его религиозных воззрений от учения Лютера выступает особенно ярко и определено. Краеугольным камнем учения Лютера было оправдание верой. Вера — то главное и единственное, что необходимо человеку и чем определяется его путь к истине и спасению. Источник, из которого питается человеческая вера, — священное писание, слово самого бога, данное единожды и навеки остающееся неизменным. Римская церковь стала церковью ложной прежде всего потому, что она на первый план выдвигала внешние стороны религиозного культа, которые заслонили собою вопросы внутренней жизни христианина — вопросы веры.

Это признание безусловного главенства веры неизбежно должно было привести Лютера к принижению разума, к боязни самостоятельных дерзаний пытливого человеческого ума. Лютер писал: «И пусть он остерегается высокого полета мысли, желающей войти на небо без этого руководителя, именно господа Христа в его человеческом существе, как попросту описывает его Слово: пусть он остановится на этом и не позволит разуму соблазнить его, и тогда он истинно поймет бога». Так торжество веры поработило разум, так церковная реформа Лютера вела к подавлению революционной силы разума и неизбежно должна была противостоять социальной революции.

Поэтому Мюнцер — наиболее революционный мыслитель своего времени — не мог принять учение виттенбержца и пошел дальше, избрав свой собственный путь и выступив с резкой критикой рождавшегося протестантизма.

Цепи церковного авторитета, основанного на внешних обрядах, цепи веры — слепого почитания писания как единственного источника откровения, — эти цепи, выкованные Римом, были ненавистны Мюнцеру. Он сбрасывал их во имя внутренней свободы, во имя борьбы с застывшим, неизменным законом.

Возбужденные огненными словами своего проповедника, призывавшего к восстанию против «безбожного почитания икон и идолов, введенного католической церковью», 24 марта 1524 года несколько жителей Альтштедта и обитателей близлежащих местечек свершили «великое святотатство»: разрушили и сожгли находившуюся недалеко от города

маллербахскую часовню. В огне погибло «чудотворное» изображение богородицы — чтимая святыня часовни. Настоятельница часовни аббатиса Нейендорфского монастыря принесла жалобу самому курфюрсту на бесчинства альтшtedтцев и молила о правосудии. Извинения и отговорки городских властей не помогли. На этот раз Фридрих был серьезно рассержен и дал категорический приказ в четырнадцатидневный срок отыскать виновников разрушения часовни и наказать их.

В городе не было тайной, кто являлся истинным виновником маллербахского происшествия и кто был его вдохновителем, но, очевидно, в резиденции курфюрста еще не подозревали о роли Мюнцера в этом деле и о том значении, которое приобрел проповедник в Альтшtedте. Среди членов магистрата были люди, связанные с Мюнцером, и возможно, что некоторые из них были замешаны в этом событии. Ставленник курфюрста Цейс не слишком старался выказать в этом деле свое рвение, опасаясь восстановить против себя Совет, а главное — вызвать возмущение городских низов. Вокруг маллербахского инцидента образовалась как бы круговая порука. Формально следствие велось, с отдельных граждан сняты были показания, но на самом деле никто не собирался выполнять повеление курфюрста.

Между тем Мюнцер, а под его влиянием и Хафериц открыто произносили опасные речи и дерзали выступать против владыки Саксонии. Мюнцеру казалось, что близятся дни решительных действий и что пора переходить к подготовке восстания. Власти же, видя всеобщее возбуждение народных масс, опасались преждевременными резкими репрессиями на «слово божие» вызвать волнения. Для всех евангельских проповедников стихийно установилась широкая свобода слова.

Более дальновидный герцог Георг через своих соглядатаев был хорошо осведомлен о действительном положении дел в Альтшtedте. В мае он доносил курфюрсту о бунтовщических речах альтшtedтских проповедников. Мюнцеру в этом документе приписываются следующие публично произнесенные по адресу герцога слова: «У старого бородача-князя столько же мудрости в голове, сколько у меня в задней части тела; этот князь не понимает евангелия и не принимает его, да он и недостойн этого. Он хочет судить и выносить приговоры о вещах, в которых ничего не смыслит». Такое дерзкое оскорбление герцога Георга, очевидно, было вызвано тем, что герцог запрещал своим подданным посещать проповеди в Альтшtedте. В таких случаях Мюнцер был непримирим. Он не признавал за властью права вмешательства в духовную жизнь своих подданных и открыто высказывал это.

Обвинение, пред'явленное Хаферицу, было гораздо более серьезным. Этот проповедник в своей проповеди 16 мая якобы говорил: «Любезный народ, вы видите сами, что делают наши господа; они с самого начала поддерживали монастыри и церкви, вернее сказать — публичные дома и казематы, и еще до сих пор их охраняют и блюдут. Поэтому вы слепы и глупы, что признаете их за господ. Вы должны их отвергнуть. От родовитых князей нельзя ждать ничего хорошего. Поэтому выберите себе сами князя и изгоните саксонских князей, ваших наследственных господ. Выберите себе сами господина. Родовитые князья не делают ничего иного, как обдирают с вас шкуру и наносят вам вред; и все же вы столь слепы, что считаете их за князей. Отвергните их, и если они будут вам писать, то вы должны писать им не «божьей милостью герцоги Саксонии», а «божьей немилостью геоцогии Саксонии и не господа наши».

Возможно, что доносы герцога Георга не были пустой выдумкой. Однако Фридрих в течение ряда месяцев игнорировал донесения своего высокого родственника, отвлеченный более волновавшими его имперскими делами, да и не особенно доверял он «дрезденской свинье», как называл любимец Фридриха Лютер твердолобого католика Георга. А между тем события в Альтштедте продолжали развиваться.

Атмосфера в городе сгущалась — можно было, ожидать взрыва народного гнева и прямого неповиновения властям. Нерешительность городских властей давала Мюнцеру и его организации возможность укреплять свое влияние.

Альтштедтские горожане относились к Цейсу добродушно, но не ставили его ни в грош как начальника — представителя власти курфюрста. Цейс был труслив, Он боялся городской толпы, возбужденной речами проповедников. Поэтому он всячески оттягивал выполнение приказа князей — расследовать причины маллербахских бесчинств и наказать виновных. Авань дело как-нибудь забудется и кончится само собой.

Семнадцатого мая Цейс сочиняет очередное послание, в котором просит своего господина продлить ему срок следствия по маллербахскому делу. Он считает, что решительные меры в такой момент опасны. «Мы озабочены тем, что надо схватить сначала невинных, а потом и виновных, из-за этого среди нашей общины может произойти большое возмущение и бунт, и можно ожидать разрастания злейших заблуждений». Осторожный Цейс уговаривает шультгейса и членов магистрата подписать вместе с ним это послание.

Но терпение герцога уже истощилось, и он угрожает нерадивому чиновнику своей немилостью.

Снова Цейс строчит послание своему господину, последний раз пытаюсь как-нибудь избежать столкновения с альтшtedтцами. В письме, датированном 29 мая, он подробно описывает тревожное положение в Альтшtedте и униженно просит герцога не лишать его своей милости: «Князь не должен слушать моих врагов, которых я обрел благодаря своей верной службе, радовать их княжескою немилостью ко мне... — писал Цейс. — Не многие должностные лица в Альтшtedте... умирали своей собственной смертью, но были застрелены или заколоты, чего я должен также ждать по воле бога или как это будет им ниспослано. Поэтому, милостивый господин, в столь жалком и опасном моем положении, после того, как я также словами вашими сильно наказан, что я покорно и охотно переносу, я надеюсь, что ваша княжеская милость подумает обо мне, бедном слуге вашей княжеской милости».

Наконец, страх княжеской опалы одержал верх. По приказу Цейса 4 июня был взят под стражу член Городского совета Кнаут как соучастник в разгроме мэллербахской часовни. Хотя Кнаут не был, очевидно, ни вдохновителем, ни главным участником разрушения часовни, арест его вызвал возмущение. На улицах города собирались толпы народа, слышались угрозы по адресу властей, поговаривали о необходимости защищаться против насилия. Несколько дней Цейс выжидал, запершись в своем замке, но 13 июня вызвал к себе шультгейса и стал обсуждать с ним план дальнейших действий. Шультгейс заявил, что он не против решительных действий, но не располагает достаточными силами, чтобы продолжать аресты. В этот же день Цейс вызвал несколько вооруженных отрядов из окрестных деревень, надеясь с их помощью поддержать порядок в непокорном городе. После их прибытия было решено созвать магистрат и убедить его или заставить с помощью вооруженных сил схватить виновных. Но даже среди приближенных Цейса нашлись люди, которым ближе были интересы общины. Они выдали планы Цейса горожанам прежде, чем он успел что-либо предпринять.

Вечером сонную тишину Альтшtedта нарушили тревожные звуки набата. Они неслись с колокольни церкви св. Иоанна, сам магистр Томас бил в колокол.

В городе поднялась тревога. Уважаемые зажиточные бюргеры, члены патрицианских семейств, немногочисленное, уцелевшее в городе католическое духовенство спешили покрепче припереть в своих жилищах двери и окна и послать кого-нибудь из слуг разузнать, что случилось. Непокойной стала жизнь с тех пор, как сумасшедший поп из Виттенберга затеял драку с папой, прелатами и монахами, и вдвое горше сделалась она с

появлением сумасшедших проповедников в родном городе.

А на зов набата по улицам бегут люди; это они наполняли церкви в дни проповедей Мюнцера и Хаферица, это возлюбленные дети магистра Томаса — ремесленные подмастерья, слуги, нищие. К ним присоединились крестьяне, которые были сегодня в городе на рынке и задержались здесь. Всей этой голытьбе нечего будет терять, когда княжеские ландскнехты придут усмирять и грабить город.

Беспорядочные толпы мятежных горожан стекались к одному центру — к церкви св. Иоанна.

Догадливый шультгейс, слышав набат, быстро понял, в чем дело. Верно его переговоры с Цейсом известны этим хитрым проповедникам. Цейсу хорошо за стенами своего замка: там, за городом, он в безопасности, а шультгейсу угрожают серьезные неприятности. Накинув плащ и нахлобучив на глаза Шапку, он пробирается по темным улицам, надеясь скрыться в замке Цейса. Но по требованию горожан ворота Альтштедта закрыты, и страже приказано не впускать и не выпускать никого. Раз нельзя бежать, то нет смысла и скрываться — у союза защитников евангелия длинные руки и слишком много глаз и ушей. Шультгейс приосанивается — он все-таки начальник в городе — и спешит к церковному двору. За церковной оградой шумит и волнуется людское скопище. Сколько здесь вооруженных людей, какие гневные и решительные лица! Даже женщины и те сбежали сюда, захватив с собой вилы и грабли. В добрые старые времена народное право гласило, что за убитую женщину должно заплатить пеню вдвое большую, чем за убитого мужчину, по той причине, «что она не может защищаться оружием». Показать бы им теперь этих прихожанок уважаемого магистра Томаса. Нет, этот Мюнцер опасный человек, и Цейс был прав, когда в последний раз говорил, что надо добиться у курфюрста изгнания его из города. Только этот Цейс трус и сам ничего не в силах предпринять, он будет еще долго писать жалобы, а Мюнцер будет действовать и мутить народ. Но он, шультгейс, мужественнее и умнее этого толстяка Цейса. Смотрите, толпа перед ним расступается, он поднимается на церковное крыльцо, народ смолкает, и он может говорить. Строго, начальническим тоном шультгейс спрашивает о причине вооруженного собрания.

Что кричит ему этот всклокоченный и грязный подмастерье? «Скажи покороче, стоишь ли ты за евангелие или хочешь противиться ему? Если бы только шоссер (Цейс) попался к нам в руки!» Толпа одобрительно гудит, потом грозно стихает, ожидая ответа. Всматриваясь в толпу и видя горящие фанатизмом глаза, сумрачные лица и стиснутое в руках оружие, шультгейс

сразу падает духом. Он лепечет жалкие слова, обещает справедливо рассмотреть их требования и клянется в своей верности евангелию. Его отпускают целым и невредимым.

Всю ночь в Альтштедте горят костры, всю ночь вооруженные люди ходят по улицам, — город готов к борьбе. Утром прибывает посланный шоссера. Представитель княжеской власти спрашивает горожан, что значил набат и почему происходят волнения в городе. Вожаки иронически отвечают ему, что они собрали общину для обеспечения порядка.

Перепуганный Цейс отсиживался в замке. Напрасно альтшtedтцы вызывали его в город для переговоров, обещая охрану и даже присылку в замок заложников. Цейс отмалчивался и выжидал. Вести, приходившие из города, были неутешительны. Альтштедт превратился в вооруженный лагерь. В город со всех сторон стекались приверженцы Мюнцера, также готовые оказать помощь учителю и горожанам. Пришли и горнообочие, спрашивали, не напал ли кто на магистра Томаса и не терпят ли горожане несправедливости за евангелие. Все это говорило о широкой популярности и большом влиянии Мюнцера.

Наконец Цейс решил начать переговоры, очевидно, только для того, чтобы отвлечь внимание альтшtedтцев, следивших за его замком. Выбрав благоприятный момент, 15 июня, он взвалил свое тучное тело на коня и поскакал в Веймар к своему повелителю, герцогу Иоанну, надеясь здесь найти поддержку и защиту. Но герцог был в отъезде. Напрасно прождав его три дня, Цейс возвратился обратно. Этим административная твердость Цейса и его решимость проводить политику сильной рукой исчерпывались. В письме к герцогу он уже просил разрешения освободить арестованного Кнаута.

У герцога зародилось подозрение — не изменяет ли князьям его верный слуга и не находится ли он в стачке с магистратом непокорного города, а может быть, и с самыми главарями бунта. И герцог просит своего могущественного брата вызвать Цейса к себе для допроса. Можно представить, как жалок был этот трусливый и хитрый толстяк перед грозными очами самого курфюрста Фридриха. К сожалению, нет документов, которые рассказали бы о допросе, но ясно, что у князя в Лохау, вдали от своих непокорных подданных, он выставил главным виновником всех альтшtedтских бед проповедника Томаса Мюнцера. Эти обвинения Цейс подтвердил в письме к курфюрсту от 26 июня, в котором предлагал выслушать Мюнцера о сущности его учения на открытом собрании и, если это учение будет признано предосудительным, изгнать проповедника из города. «Если против таковых мнений не выступить в наисильнейшей

степени, то он со своим учением, которое столь мощно вширь идет, соберет такое число последователей из простого люда, что придется потратить много усилий и труда, и будет в нашем городе столь великое возмущение, что я не в силах буду мире и безопасности отправлять долее свою должность, полученную от вашей курфюршестской милости».

«Прошение об отставке», поданное Цейсом, было пустым разговором, — вряд ли он хотел всерьез отказаться от доходного и почетного места, но страх его перед Мюнцером и желание предупредить господ о грозящей им опасности были непритворными. Цейсу нельзя отказать в известной проницательности: его предположение о близости мятежа оправдалось. Господа же его не хотели резко реагировать на альтшtedтские события, опасаясь обострения отношений. Курфюрст ограничился лишь строгим предписанием — под страхом немилости и кары окончательно выяснить и наказать виновных в разрушении часовни.

Между тем Лютер, который не терял из виду Мюнцера, еще 18 июня послал на него донос курфюрсту. Видимо, незадолго до этого Лютер снова вызывал на диспут Мюнцера. Проповедник согласился, но слова своего не сдержал. Лютер писал: «Это недобропорядочно, что он наши достижения, наши победы и — все достигнутые нами выгоды, добытые нами самими без их (Мюнцера и его товарищей) соучастия, против нас же обращает; сидеть на нашем навозе и на нас же лаять — это дурное дело; он поездил бы, как я это делал, и отважился бы на это вне этого княжества перед другими князьями, тогда мы посмотрели бы, каков его дух». Письмо заканчивается просьбой принудить Мюнцера явиться в Виттенберг для ответа.

Курфюрст остался равнодушным и к жалобе своего любимца. Мюнцер свободно продолжал свою агитационную деятельность. Но распространение печатных произведений Мюнцера, в которых затрагивался находившийся под его покровительством Лютер, курфюрст решил пресечь. 9 июня Фридрих написал своему брату, чтобы он повелел Мюнцеру не печатать более своих книг, покуда они не будут одобрены курфюрстом или герцогом Иоанном. Письмо это застало герцога на пути из Гельберштадта в его резиденцию Веймар, и по дороге он заехал в Альтштедт. Инцидент с Мюнцером он, видимо, считал столь незначительным, что даже не вызвал проповедника, а поручил исполнение воли своего сиятельного брата канцлеру Брюку и советнику курфюрста Грефендорфу. Мюнцер во время переговоров с придворным был холоден и спокоен. Он дал обещание выполнить волю курфюрста, но когда они, очевидно осведомленные о письме Лютера, попытались настаивать на его

поездке в Виттенберг, Мюнцер ответил отказом.

Позиция Мюнцера ясно изложена в его письме к герцогу от 13 июля. Мюнцер не боится гласности и готов явиться к допросу. Но если от него хотят, чтобы он был допрошен наедине, то на это он не согласен. Он хочет, чтобы при этом присутствовали и римляне, и турки, и язычники, потому что «я обращаюсь к ним, я порицаю до основания неразумное еретическое учение, я сумею ответить за наступление моей веры. Если вы разрешите после этого выпуск моих книг, я буду доволен, если же нет, то я поручу это воле бога. Я буду верноподданнически давать вам на просмотр все мои книги».

Еще не настал тот час, когда Мюнцер с открытым забралом выступит против властей. Он пытается сохранить мирные отношения с саксонскими князьями. Но вместе с тем он чувствует себя уже настолько сильным, чтобы ставить определенные условия повелителям страны. Что же вселяло в него эту уверенность в своих силах? Конечно, не только благополучный исход июньского бунта в Альтштедте.

Дело в том, что успех его проповеди был необычайно велик. В одном источнике говорится: «Его последователи рекрутировались из Эйслебена, Мансфельда, Зангергаузена, Франкенгаузена, Кверфурта, Галле, Ашеослебена, Мюльгаузена, даже из Швейцарии». Цейс свидетельствовал, что проповеди Мюнцера проходили при большом стечении народа: «Все окрестные соседние власти запретили жителям, подчиненным им, приходить сюда на проповедь, а народ все же этого дела не оставляет; и великое множество их бросают в башни и остроги, но те, которые убегут, снова сюда приходят. И так дивно бывает утешен словами проповедника простой народ, что на каждом небольшом собрании, где их только ни услышишь, держатся эти люди бесстрашно и говорят, что они верят в то, будто с ними ничто слупить не может; напротив, каждый из них может одолеть тысячу или две тысячи человек. И на этом твердо стоять».

Основой своего дела Мюнцер считал укрепление и рост тайного союза. В союз к этому времени входило более пятисот членов. Двум альтшtedтским горожанам было доверено вести списки участников союза. Правила конспирации были очень строги. Организация состояла из людей, действительно преданных идеям Мюнцера, и на них он возлагал свои лучшие надежды. Все дальше и дальше распространялось влияние Мюнцера. Его последователи появились и в Зенгергаузене. Амтман пытался запретить их проповеди. Тогда Мюнцер, не задумываясь, призвал жителей Зенгергаузена к восстанию. Он верил в растущую силу возглавляемого им союза и, может быть, стремился испытать ее.

Призывая, зенгергаузенцев не давать в обиду проповедников, он уведомлял их о большом числе организованных союзов и обещал, что если что-либо случится с жителями Зенгергаузена, то его перо, его проповеди, песнопения и слова придут им на помощь.

В середине июля курфюрст Фридрих и герцог Иоанн посетили Альтштедт. Их приезд, конечно, не был вызван желанием ближе познакомиться со священником церкви св. Иоанна. Но все же князья посетили богослужение, и Мюнцер выступил с проповедью, которую резко направил против своих высоких слушателей.

Полумрак готической церкви прорезан лишь несколькими яркими солнечными лучами, падающими сверху через узкие окна. Один из этих лучей освещает кафедру, на которой, подняв правую руку и потрясая ею, как молотом, стоит небольшой человек с резкими и старообразными чертами лица, с взлохмаченной гривой волос. У него небольшой рот с толстыми губами, глухой голос; речь звучит резко, точно удары меча падают на латы его «благородных» противников. На дубовой скамье восседает курфюрст Фридрих. Круглое одутловатое лицо его покраснелось от жары и лоснится от жира, бесцветные глазки устремлены на проповедника. Он слушает проповедь рассеянно, и смысл ее медленно доходит до его сознания. Он вспоминает: об этом священнике ему что-то плохое писал Лютер, наверное опять не поделили между собой чего-нибудь эти бывшие монахи. Пустяки все это для него — первого князя Германии, которому приходится решать судьбы родной страны и следить за сложными изгибами мировой политики императора.

Герцог Иоанн, подвижной и горячий, смотрит с удивлением на странного проповедника. Временами лицо его вы сажает досаду и гнев. Позади повелителей Саксонии — придворные и первые люди города. Они почтительно следят за выражением лиц своих владык. Все они — зеркало, отражающее мысли и настроения курфюрста и герцога. Мюнцер смотрит вдаль, поверх голов саксонских владык и их свиты, он говорит для народа, а может быть для будущего.

Темой проповеди Мюнцер выбрал вторую главу книги пророка Даниила, рассказывающую о сновидении Навуходоносора: царь видел статую из железа и золота с глиняными ногами, и была эта статуя разбита камнем. Видение было пророческое — царство безбожного царя погибло.

Возможны ли подобные видения и ныне, спрашивает Мюнцер и отвечает на этот вопрос утвердительно, с полной убежденностью в непреложности этой истины. Божественное откровение не в писании и мудрости книжников, а в откровении, ниспосылаемом богом избранным, —

ведь сам он божий пророк.

И Мюнцер обрушивается на книжников из католического и лютеранского лагеря. Не щадит он и самого Лютера, который погряз в суете, услаждении плоти и не понимает значения самоусовершенствования для человека, стремящегося достигнуть мудрости и благодати. «Да, только истинно апостольский, патриарший и пророческий дух ждет видений и в смертных муках переживает их, поэтому неудивительно, что их не признают брат Люстингвейн [откормленная свинья] и брат Занфтлебен [неженка — намеки на Лютера]. Поистине верно и известно мне, что дух божий открывает теперь многим неизбежность будущей коренной реформации, которая должна быть совершенна, как бы ни противились ей, по слову пророчества Даниила». Настоящее рисуется Мюнцеру концом пятого царства, предсказанного Даниилом, и он говорит о страшной социальной несправедливости, воцарившейся в этом мире: «Мы ясно видим, как угри и змеи совокупляются между собой в одной куче. Папа и все прочее духовенство — это змеи, как их называет Иоанн-креститель, а светские государи и правители — угри. Ах, любезные господа, как славно разобьет бог старые горшки железным жезлом. Он сам возьмет в свои руки управление миром, ибо ему принадлежит вся власть на небе и на земле».

Конец власти князей и угнетению будет положен самим народом, ибо в недрах его зреет возмущение: «Всеми своими мыслями, словами и поступками вы вызываете возмущение, которое вам так ненавистно... Камень, отделенный от гор без помощи человеческих рук, стал огромен. Бедные миряне и крестьяне следят за вами».

Голос бога, который слышит Мюнцер, — это голос человеческого разума, стремящегося к установлению справедливости на земле, это голос тайных желаний угнетенного народа. Не о загробном блаженстве для праведных душ говорит он, а о правде и счастье здесь, на земле. Уже в этой проповеди теологический и мистический покров почти спадает с революционных воззрений Мюнцера. Мюнцер говорит о революции и ее неизбежности. Это она — тот камень, который поразит идола на глиняных ногах — несправедливое царство мира сего. Поэтому неожиданно звучат заключительные слова речи, которыми он призывает князей на служение делу бога: «Чтобы все было совершено в надлежащем порядке, должны взяться за дело наши дорогие отцы, князья, исповедующие вместе с нами Христа». И тут же, твердо зная, что князья не только не исполнят это требование народа, но и будут противиться ему, он продолжает: «А где они этого не сделают, там у них будет отнят меч, ибо они докажут, что исповедывают Христа лишь на словах, но отрицают его на деле».

Призыв, обращенный к князьям, был лишь тактическим приемом со стороны Мюнцера. Кто позволил бы ему продолжать проповеди и напечатать эту речь, если бы в ней прямо говорилось о необходимости свержения княжеской власти? Проповедь эта была произнесена не столько для князей, сколько для возбуждения единомышленников и агитации в низах. Недаром Мюнцер настойчиво добивался опубликования проповеди. Фридриха не особенно встревожила речь альтшtedтского проповедника, — не было ли это просто бредом фанатика? Но его брат быстро оценил агитационное значение этой проповеди, и по указу герцога Иоанна типограф Николай Видемар из Эйленберга, печатавший сочинения Мюнцера, в наказание был изгнан из Саксонии.

В эту пору, как показывают события ближайших дней, Мюнцер сделался почти полновластным хозяином Альтшtedта.

К концу июля альтшtedтцы получили сообщение о происшествии в местечке Шенверда. Рыцарь Фридрих фон Вицлебен еще раньше запрещал своим подданным посещать проповеди Мюнцера, но его не слушались. Тогда он, собрав «многих конных и пеших и хорошо вооружившись», напал на местечко Шенверда, взял многих жителей в плен, отнял у городка дарованные ему ранее привилегии, а также ограбил церковь. Большой части обитателей Шенверда однако удалось бежать, и они, лишенные крова и имущества, бродили по окрестностям, жалуясь на произвол и насилия рыцаря. Появились эти несчастные и в Альтшtedте и у многих, встретили горячее сочувствие. Жалобы шенвердовцев подлили масла в огонь и без того раскаленной альтшtedтской печи. А тут еще распространилось известие, что скоро в Альтшtedт прибудет амтман из Зангергаузена и потребует выдачи ему беглецов и что Цейс, якобы одобрявший действия рыцаря, уже дал согласие на выдачу шенвердовцев.

В ужасе беглецы бросились к Мюнцеру, умоляя его о помощи и покровительстве. И Мюнцер обещал защитить их. Ему, очевидно, не верилось, что Цейс мог дать такое согласие рыцарю, зная настроение своих граждан. Но вскоре к стенам Альтшtedта действительно явился сам «безбожный» рыцарь Фридрих фон Вицлебен и заявил, что шоссер дал приказ: «Если амтман из Зангергаузена или другое уполномоченное лицо прибудет в Альтшtedт, то обязаны выдать ему людей по закону». Когда об этом донесли Мюнцеру, он вне себя от ярости воскликнул, что правители не только «поступают против веры, но также против естественного закона, за это надо их душить, как собак».

Он осаждает шоссера письмами, в которых требует «наказания безбожного рыцаря», возмущается поступками Цейса и снова

предупреждает князей о растущем гневе народном.

Шоссер находился в жалком положении: он не только потерял власть над городом и округой, но не был уверен и в своей собственной безопасности. Его подозревали в стачке с врагами евангелия, за каждым его шагом бдительно следили. Когда он, по приглашению амтмана из Зангергаузена, отправился 24 июля в город, об этом немедленно стало известно альтшtedтцам. Среди горожан пронесся слух о готовящемся нападении на Альтшtedт. В течении одного часа горожане, главным образом подмастерья, много пришлого народа, женщины, вооружились и вышли на улицы. Мятежники пытались снова ударить в набат, но этого не допустили. «И так обстоит у нас дело, что смеют они выступать пробив начальства и против господ; говорят, что они принимают близко к сердцу поступок фон Вицлебена и подражают ему», — доносил Цейс герцогу Иоанну о новых событиях в Альтшtedте. К этому донесению он приложил последние письма Мюнцера, чтобы лишний раз показать, кто главный виновник всех альтшtedтских беспорядков.

Неизвестно, как поступил бы герцог после этого донесения шоссера, но относящиеся к этому времени предательские выступления Лютера понудили князей к более решительным действиям против Мюнцера и его сторонников.

Лютер все время внимательно следил за деятельностью магистра Томаса. Он возненавидел его давно, когда еще Мюнцер сошелся с цвиккаускими пророками, которые потом внесли смуту в резиденцию Лютера — Виттенберг. Эта ненависть усилилась, когда Мюнцер, опередив Лютера (в 1523 году), реформировал церковное богослужение. Не мог же общепризнанный вождь реформации в этой важной области остаться в роли подражателя... У Лютера оставался единственный выход — принять меры, чтобы новшества Мюнцера не дошли до широких масс, пока он сам не об'явит о реформе церкви. Именно поэтому он настойчиво добивался, чтобы князья запретили Мюнцеру печатать свои сочинения.

Этот ход Лютера был раскрыт Мюнцером в его защитительной речи: «Действительно вся страна может свидетельствовать о том, что бедный, нуждающийся народ всеми силами стремился к истине, что все улицы были полны народа, собравшегося со всех сторон, чтобы послушать, как в Альтшtedте было установлено богослужение, как пелись стихи библии и как проповедывали. Если бы он (Лютер) даже лопнул от зависти, то и тогда ему не удалось бы сделать этого у себя в Виттенберге. По этому интересу к богослужению на немецком языке видно, как благоговейно народ относится к нему. Это так рассердило Лютера, что он прежде всего добился от своих

князей запрещенія печатать мое богослужение».

Лютер имел еще более вескіе причины для беспокойства: умеренный реформатор почувствовал, что движение выходит из очерченных им границ. Поднимают голову угнетенные массы, и нависает угроза над всем существующим социальным строем.

Все попытки Лютера заставить Мюнцера явиться к нему в Виттенберг не дали результатов.

Революціонные волненія в Альтштедте и его окрестностях, успешная пропаганда учения Мюнцера в других городах побудили Лютера к решительным действиям.

В концѣ іюля он опубликовал «Послание к саксонским князьям о мятежном духе» — политический памфлет, который по существу являлся доносом.

«Я написал это письмо вашим княжеским светлостям лишь по той причине, что услышал, а также и понял из писаний, что этот дух не хочет остаться при словах только, но думает пустить в дело кулаки, силою восстать против власти и таким образом устроить настоящий бунт. Хотя я понимаю, что ваши светлости сумеют держаться в этом деле лучше, чем я мог бы посоветовать, все-таки мне, как усердному подданному, следует сделать все, возможное с моей стороны, и потому я всеподданнейше предостерегаю и прошу ваши светлости посмотреть на это дело серьезно и, исполняя долг правителя, не допускать до такого беспорядка и предупредить восстание... Поэтому, ваша светлость, здѣсь нельзя ни раздумывать, ни медлить, ибо бог потребует ответа в таком предосудительном употребленіи заповѣднаго меча. Невозможно было бы оправдать перед людьми и перед целым светом, что ваши светлости могли терпеть такую мятежную и святотатственную силу».

Этим посланіем Лютер хотел также обелить себя в глазах своих господ от всяких подозреній в сочувствіи мятежным настроеніям народа. Совсем недавно, когда его бывший друг и единомышленник Карлштадт оказался совращенным анабаптистами, он порвал с Карлштадтом решительно и бесповоротно. Карлштадт ничем не мог заслужить прощенья. Ему не помогло и опубликованіе ответа Мюнцеру на адресованный жителям Орламунда призыв примкнуть к союзу, в котором Карлштадт в угоду Лютеру всячески пытался дискредитировать Мюнцера. «Мы не хотим прибегать к помощи ножей и копій, — писал Карлштадт. — Против врагов следует быть вооруженным панцырем веры. Вы пишете, что мы должны примкнуть и соединиться с вами; если бы мы поступили так, то не были бы более свободными христианами, но стали бы в зависимость от

людей. Это причинило бы евангелию горе, а тираны начали бы торжествовать и говорить: «Они хвастают служением единому богу, а теперь соединяются друг с другом, так как бог их недостаточно силен, чтобы защищать их».

Лютер готов был на все, даже на предательство близких друзей, чтобы только не потерять милости своих князей. Больше всего он боялся, чтобы его не заподозрили в сочувствии, революции. После, в «Ответе на обвинение герцога Георга в подстрекательстве к мятежу», он писал: «Младенец лет семи и тот поймет, по-христиански ли учит тот, кто говорит, как я в моем письме: терпите, уступайте, поступайте и телом и имуществом вашим, не восставайте, ради Господа, против начальства и против насильника (да так и поступали благочестивые изгнанники); в свидетели призываю я всех благочестивых христиан, всякого разумного человека...»

Но проповедь терпения и миролюбия относилась только к простому народу, за князьями он оставлял все средства расправы с неугодными им подданными. В «Застольных речах» Лютера опубликован следующий любопытный разговор: «Доктор, — спрашивали его, — можно ли умерщвлять анабаптистов?» — «Смотря по обстоятельствам, — отвечал Лютер. — Существуют анабаптисты — бунтовщики: князь может предать их казни; существуют анабаптисты-фанатики; необходимо удовлетвориться их изгнанием».

Лютер окончательно определил свою позицию. Его и Мюнцера разделяла теперь пропасть. Ни о каком соглашении между ними не могло быть и речи. Победа для одного лагеря означала гибель другого.

Лютер хотел заставить замолчать своего противника — эту «альтштедтскую фурию», и не стеснялся в средствах. Под влиянием доносов и происков Лютера герцог Иоанн вызвал Мюнцера к себе на допрос. Опасность, угрожавшая Мюнцеру, была велика, но, несмотря на это, первого августа Мюнцер мужественно отправился в Веймар.

Мюнцера попытались обвинить в ереси, — это был наиболее удобный повод для расправы с неугодным человеком. Однако в диспуте с доктором Штраусбм и августинскими монахами, происходившем в присутствии герцога, Мюнцер сумел отвести все обвинения, высказав блестящее знание священного писания. Вместе с тем. Мюнцер вовсе не скрывал того, что он идет дальше Лютера в своих реформационных стремлениях: «Если единомышленники Лютера не хотят итти дальше нападков «а священников и монахов, то им незачем и браться за дело». Он признался в существовании основанного им союза, назвав его «союзом против тех, кто преследует

евангелие». О действительных целях союза он, конечно, умолчал. Он упорно отрицал обвинение в том, что им произносились речи, поносящие князей и княжескую власть. Мюнцер не считал нужным раскрывать все свои планы перед врагами.

Шоссер Цейс и на этот раз занимал двойственную, колеблющуюся позицию. Он не подтвердил обвинений против Мюнцера в оскорблении их княжеских светлостей, хотя и признавал, что «речи магистра были слишком сильны», но в то же время он назвал Мюнцера единственным виновником альтшtedтских волнений 13–14 июня и действительным организатором союза.

Члены магистрата перед лицом владыки края предали своего проповедника, которого недавно поддерживали. Они говорили, что вместе с шоссером и шульгтейсом «были бедными неразумными людьми, все, что они сделали, к тому подстрекнул их проповедник».

Герцог осудил попытку своих подданных образовать союз для защиты евангелия: «Вы должны знать, что их курфюршестская и княжеская милости не препятствуют своим подданным слушать евангелие, бог лишь желает, чтобы оно всюду проповедывалось в правде и чистоте, поэтому не было никаких причин для образования подобного союза».

Городским жителям категорически запрещалось участвовать в подобных союзах. Мюнцера отпустили пока беспрепятственно, но ему было предложено «сидеть спокойно» впредь до окончательного решения Вопросы о нем. Герцог хотел предварительно заручиться указаниями курфюрста, что предпринять в отношении этого человека, который, как было установлено на допросе, «призывал народ к заключению союза и совершил еще другие подобные бестактные проступки».

Говорили, что после допроса Мюнцер был бледен и охвачен внутренней дрожью. Во всяком случае, Мюнцеру стало понятно, что если его планы обнаружатся до конца, то пощады ожидать ему нечего. Нельзя было рассчитывать и на защиту городских властей Альтшtedта, которые явно старались оградить себя от всяких подозрений.

Маленький, бедно одетый человек, которому угрожала немилость герцога, покидал замок, сопровождаемый оскорбительными шутками слуг. Духовенство из князей насмеялось над его учением. Когда Цейс с притворным участием спросил магистра, как он себя чувствует, Мюнцер мрачно ответил, что, видимо, искать пристанище ему придется в другом княжестве.

Шоссер, шульгтейс и члены магистрата по возвращении в Альтшtedт немедленно об'явили о роспуске союза и взяли с Мюнцера клятву, что он

не покинет города и по первому требованию явится к князьям на окончательный разбор его дела.

Больше всего возмутил Мюнцера княжеский запрет издавать его сочинения. По этому поводу Мюнцер заявлял во всеуслышание: «Если саксонские князья таким образом желают связать мне руки и воспрепятствовать мне письменно выступать против Лютера, то я сделаю им худшее из того, что могу». Об этом Цейс, конечно, не замедлил донести герцогу.

Несмотря на явную безнадежность своего положения, Мюнцер не прекратил борьбы. Он просил у курфюрста разрешения печатать свои сочинения, выражал готовность изложить свое учение беспристрастному суду, а наряду с этим всюду проповедывал свои взгляды и призывы к борьбе. Городские власти не знали, как заставить Мюнцера замолчать. Из писем князей видно, что их не оставлял страх перед восстанием горожан и кровопролитием. Вместе с тем становилось ясным, что они используют первую же благоприятную ситуацию, чтобы избавиться от мятежного проповедника.

Мюнцер понял, что магистрат готов предать его, и, видимо, опасался, чтобы его приверженцы не были спровоцированы на преждевременное открытое выступление против князей и потом уничтожены.

В ночь с 7 на 8 августа, нарушив обещание, данное городским властям, Мюнцер бежал из города. Он оставил магистрату письмо, в котором увещевал не преследовать его, — он исчезает только для исполнения дел, связанных с его священническим саном. Этим он подал надежду на скорое свое возвращение и таким образом избавился от погони.

Мюнцер скрылся вовремя. Через три дня пришло предписание курфюрста доставить к нему альтшtedтского проповедника на допрос.

В «Защитительной речи» Мюнцер писал: «Когда я явился с допроса в Веймаре, я думал проповедывать грозное слово божие; тогда явились члены городского совета и хотели выдать меня величайшим врагам евангелия. Услышав об этом, я не мог оставаться долее; я отряс прах от ног своих, ибо увидел собственными глазами, что они гораздо больше почитали свою присягу и обязанности, чем слово божие»,

Город Мюльгаузен

Мюнцер... «решил сделать из Тюрингии центр движения для Северной Германии».

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

В Мюльгаузене Мюнцер опубликовал свое новое произведение «Разоблачение ложной веры безбожного мира» — настоящий революционный манифест, в котором религиозные вопросы отступают на второй план перед требованием коренных социальных преобразований.

В заглавии этой книги он именует себя «Мюнцер с молотом» и выступает в полном сознании своей исключительной миссии освободителя. Он требует повиновения себе, как пророку, о котором в библии сказано: «Не говорит ли господь, что слово его как огонь и как молот, разбивающий скалы». В качестве эпиграфа к своему сочинению он берет изречение пророка Иеремии: «Знай, что я вложил свои слова в уста твои, я поставил тебя ныне над людьми и над царствами, дабы ты искоренял, разбивал, рассеивал и опустошал, созидал и насаждал».

Вторая часть эпиграфа говорит о чаяниях народа и о вере Мюнцера в неизбежную победу своего дела: «воздвигнута железная стена между царями, князьями, жрецами и народом. Пусть воюют они — победа чудесно обратится на погибель сильных, безбожных тиранов».

Теперь Мюнцер смело выходит из сферы теологических споров в широкую область политической борьбы. Вопрос о «борьбе с безбожием», об утверждении «истинной веры» в его высказываниях сливается с требованием восстания против властей и всех вообще угнетателей.

Разоблачая «безбожных господ», Мюнцер уже понимает под этим термином не тех князей и помещиков, которые противятся церковным нововведениям реформации, а всех угнетателей: «В наши времена угнетатели по-настоящему терзают, истязают, тиранят и грабят свой народ и угрожают этим всему христианству, они безжалостно мучают и избивают своих и чужих, так что бог, видя борьбу своих избранников, не захочет и не сможет дальше взирать на этот ужас».

В то время как Лютер смиренно склоняется перед феодалами и учит народ повиноваться светской власти, Мюнцер смело развенчивает ее. Он говорит о временном характере этой власти, ссылаясь на слова пророка Самуила: «Бог дал миру в своем гневе господ и князей, он и уберет их». Срывая покров святости с учреждений светской власти, он открывает дорогу к восстанию против них. День справедливой расправы близок, ибо власти — это враги народа: «Они не что иное, как палачи и тюремщики, — в этом их единственное ремесло».

Оппозиция Мюнцера принимает ярко выраженный революционный характер, между нею и умеренной оппозицией Лютера вырыта пропасть. Томас Мюнцер об'являет об этом во всеуслышание: «Всем ясно, что они [священники] стремятся лишь к почестям и богатству. Поэтому ты, простой человек, должен сам просветить себя, чтобы они больше не обманывали тебя». Одновременно он отмежевывается от Лютера и «иже с ним, ибо они также продались господам и погрязли в плотской жизни».

Непосредственно к Лютеру обращены следующие его обличительные слова: «Почему так раздражительны и злобны «брат неженка» и «отец тихоход» [Лютер]? Кто домогается почестей и богатств, тот навсегда будет обречен богом на бесплодие. Поэтому все насильники, гордецы и безбожники должны быть низвергнуты со своих мест».

Линии фронта четко очерчены: с одной стороны угнетенный народ, к которому направлено обращение Мюнцера, с другой — феодалы, их приспешники и верные слуги. Борьба должна начаться, и вера в победу должна воодушевлять всех.

«Да, множеству людей кажется это лишь великой несбыточной грезой. Они не могут себе представить, как начнется и завершится такое дело, в результате которого безбожники будут свергнуты с престолов, а униженные и простые — возвышены».

Вера в светлое будущее необходима, как источник сил и энергии, но сейчас самое главное — решимость и борьба. К борьбе зовет Мюнцер, заканчивая свою книгу словами: «Поистине, многие должны быть пробуждены от сна, чтобы с величайшим рвением и пылом приняться за очистку христианства от безбожных правителей».

Неудивительно, что такое опасное сочинение вышло из печати не в Альтштедте, а в Мюльгаузене, где в эти дни развертывалась ожесточенная внутренняя борьба. В нем обитало свыше шести тысяч жителей — очень много для средневекового города. В Германии того времени города с количеством свыше десяти тысяч жителей составляли редкое исключение, их было едва ли больше десятка. Городов с населением свыше пяти тысяч

также было немного.

Мюльгаузен господствовал над округом в 220 квадратных километров с двадцатью местечками и деревнями. Город был хорошо укреплен и богат — в нем процветали ткачество и торговля. Особенно много вырабатывалось сукон, которые вывозились и в другие, восточные страны. Кроме того Мюльгаузен являлся одним из немногих имперских городов Тюрингии, сохранивших еще независимость от саксонских князей.

В городе в эти годы шла ожесточенная политическая борьба. В Мюльгаузене насчитывалось не более 96 человек по-настоящему полноправных. Это были члены Городского совета, который пополнялся только из богатейших купеческих родов (патрициев) по выбору самих же членов совета.

Зажиточные граждане, не принадлежавшие к знатным семьям, имели мало прав и были беззащитны перед деспотическим правлением Совета. Многочисленные кадры мелких ремесленников и подмастерьев совсем не имели прав в городском управлении и поэтому выступали в борьбе против городских заправил наиболее решительно. Население предместий и зависимых от города окрестных деревень также не могло оставаться в стороне от этой борьбы.

Реформация оживила политическую борьбу горожан. Совет и патриции являлись защитниками ортодоксальной католической религии, остальные же слои населения тяготели к евангелическому движению, начатому Лютером. Первым евангелическим проповедником в Мюльгаузене явился Генрих Пфейфер, которому суждено было сыграть там выдающуюся роль в последующих революционных событиях.

Он родился и вырос в этом городе и стал потом монахом. Но монастырская жизнь не удовлетворяла его. Монастырское начальство скоро обнаружило вольнодумство молодого человека; недаром в стенах обители его считали «худшим монахом».

Реформационные идеи быстро захватили Пфейфера, и он в 1521 году покинул стены монастыря, чтобы посвятить себя проповеди евангелия. Сначала он поступил на службу к рыцарю Энценбергу, сделался капелланом в его замке Шерфенштейн в Эйхсфельде и проповедывал евангелие крестьянам близлежащих деревень. Одаренный красноречием капеллан быстро привлек к себе сердца простого люда. «Появился новый проповедник, который проповедует истину», — говорили о нем. Однако деятельность Пфейфера в Эйхсфельде вскоре прервалась. Против него выступил комиссар архиепископа Майнцкого и добился изгнания. В начале 1523 года Пфейфер возвратился в родной Мюльгаузен. Первую

публичную проповедь он произнес 1 февраля. Хроника рассказывает об этом так: «В воскресенье, в мясоед, когда обносили крест вокруг церкви, как это было тогда принято, на возвышение перед дверями церкви св. Марии взошел разносчик, предлагавший вино и пиво. После него поднялся монах в светской одежде и, сказав: «Слушайте, дорогие люди, я хочу вам предложить другое пиво», начал с этого возвышения проповедывать евангелие». Содержанием проповеди было обычное для того времени разоблачение католического духовенства и монахов.

Вскоре Пфейфер занял место проповедника в церкви св. девы Марии. С его легкой руки евангелическое учение в этом строго католическом городе стало делать быстрые успехи. Радикальные слои бюргерства целиком стали на сторону Пфейфера. Магистрат сначала предпринял некоторые попытки пресечь деятельность Пфейфера, но решительные меры применить остерегся. Сторонники установившегося в Мюльгаузене правопорядка крепко держались за старую веру; все недовольные патрицианским правлением поддерживали новое евангелическое учение. В городе возникла и быстро укрепилась евангелическая община. Она избрала свой представительный орган из восьми человек — «восьмерку», которая в дальнейшем начала вмешиваться в дела управления городом.

Но параллельно с этим религиозным движением и независимо от него в городе усиливалось движение горожан против патрицианского магистрата. Горожане добивались утверждения прав общины, ее контроля над Советом.

Политическая борьба развивалась быстрыми темпами и принимала все более острые формы. В мае община предъявила магистрату требование реформы городского управления и изменения порядков в городе. Магистрат воспротивился требованиям общины. Вспыхнул мятеж, в котором видную роль играл плебс и подмастерья. Католические монастыри и церкви подверглись нападениям. Многие духовные лица и монахи бежали.

Магистрат пошел на ряд уступок, но в то же время добился от общины изгнания Пфейфера из города.

Неожиданно у Пфейфера нашелся сильный защитник. За него вступился герцог Иоанн Саксонский, который предложил Совету вернуть проповедника в город. Герцогу было выгодно поддерживать внутренние смуты в имперском городе — так легче было овладеть им. В конце 1523 года Пфейфер снова проповедывал в Мюльгаузене.

Есть основания предполагать, что Пфейфер во время своего изгнания был в курфюршестве саксонском, там встретился с Мюнцером и подпал под его влияние. Во всяком случае, он возвратился в Мюльгаузен

обновленным и воодушевленным более радикальными идеями. Он отрицает авторитет священного писания и считает, что истинная вера насаждается через живое слово господне. Пфейфер выступает противником почитания икон и сторонником вторичного крещения. Если раньше его критика распространялась лишь на католическое духовенство, то теперь он выступает с критикой лютеровских положений: «От головы до пят нет ничего хорошего в их учении».

В речах Пфейфера резче выступают политические моменты. Пфейфер, подобно Мюнцеру, призывает к насильственному осуществлению царства божия на земле. Современники утверждали, что он «добивался убийств, мятежа и свержения властей и хотел сделать из духовного царства христово мирское царство, которое управлялось бы не словом Божиим, а мечом и насилием».

Оставаясь вождем буржуазных и мелкобуржуазных слоев бюргерства, Пфейфер сумел привлечь симпатии и низших слоев мюльгаузенского населения, того самого плебса, который своим участием всегда обеспечивал горожанам победу над Городским советом.

Деятельность Пфейфера вскоре дала свои плоды. В марте в городе и окрестностях опять произошло несколько нападений на католических попов и монахов, громили церкви, уничтожали священные изображения и церковное имущество. Подавить это движение Городской совет не мог. Князья — покровители города — курфюрст Фридрих, ландграф гессенский Филипп и саксонский герцог Георг отказывали в помощи, так как давно пытались Прибрать к рукам свободный имперский город и помогать Совету было не в их интересах.

В это бурное время, когда внутренние противоречия в городе были доведены до крайности, в августе 1524 года в Мюльгаузене появился Томас Мюнцер.

Как только Лютеру стало известно, что его враг перебрался в Мюльгаузен, «брат неженка» заволновался. Он поспешил состряпать новый донос на Мюнцера. Свое послание Лютер адресовал жителям Мюльгаузена, в первую очередь, конечно, патрицианской знати.

Лютер хорошо знал, чем можно напугать знать и богатых бюргеров города: «Этот человек уже доказал во многих местах, особенно в Цвиккау и за последнее время в Альтштедте, что от его деятельности нельзя ожидать иных плодов, кроме убийства, восстания и кровопролития». Но, очевидно, понимая, что расправа с Мюнцером будет не легка, так как городские низы поддержат его, опытный демагог подсказывает заправилам Мюльгаузена путь к дискредитации Мюнцера в глазах народа: «Если он скажет, что

послан богом и святым духом, как апостолы, то заставьте его доказать это знамениями и чудесами; без этого не позволяйте ему проповедывать, говорите, что когда бог желает изменить установленный порядок, он всегда свидетельствует об этом чудесными знамениями».

Мюнцеру не пришлось сделаться чудотворцем. Знамения, предвещавшие революционную грозу, и без того были ясно видны. Речь идет не о знамениях, отмеченных летописцами: чудесных знаках на небе и вторичном цветении роз и деревьев поздней осенью 1523 года. Произошло нечто гораздо более существенное и угрожающее.

Весной 1524 года в Тюрингии начались крестьянские восстания — непосредственные предвестники Великой крестьянской войны. Это были только первые зарницы, и никто еще не мог сказать, как быстро приблизится гроза. Застрельщиком выступил город Форхгейм, принадлежавший епископу Бамбергскому, где бунт был поднят городскими низами. К ним присоединились крестьяне окрестных селений. Одновременно восстали крестьяне в области Нюрнберга. Движение грозило переброситься во Франконию. Однако быстрые военные приготовления маркграфа Казимира Анспакхского и ловкие действия нюрнбергских властей прекратили мятеж. Не обошлось без казней и суровых наказаний.

В июле 1524 года на с'езде в Кицингене образовался Франконский союз владетелей и городов «не для подавления союза божьего, но потому, что теперь во многих местах, особенно во Франконии, часто случаются преступные, злостные и бесчестные восстания подданных против властей, не из рвения к слову божью, а, напротив, из своекорыстной злобы». Господа понимали, что «*omnes*» — «множество», так называл народ Лютер, — проснулось и надо ожидать бед. Характерно, что говорить прямо о подавлении крайних евангелистов они не решались. Это показывает силу движения.

Страх господ передавался и их прислужникам: астрологи в эти годы писали, что 1524 год является прологом, за которым должен произойти неслыханный дотоле переворот. Народная поговорка гласила: «Кто в 1523 году не умрет, в 1524 году не утонет, а в 1525 году не будет убит, — скажет, что с ним случилось чудо».

Оказавшись в Мюльгаузене, Мюнцер и здесь намеревался ввести немецкое богослужение по альтшtedтскому образцу. 15 августа он затребовал из Альтшtedта необходимые служебные книги.

Пфейфер также продолжал оставаться в Мюльгаузене и, опираясь на своих многочисленных друзей и последователей, успешно выступал как

общепризнанный вождь местной политической и религиозной бюргерской оппозиции. Мюнцер же сделался вождем плебса, любимым вождем пролетариев и обедневших крестьян. Это хорошо понимали княжеские чиновники и шпионы, внимательно следившие за внутренними событиями в Мюльгаузене. Один из них, амтман Лангезальца Зиттих фон Берлепш, доносил герцогу саксонскому Георгу: «Безумный поп из Альтштедта научает мюльгаузенцев, что они не должны повиноваться властям, не платить никому процентов и налогов, и их долг — преследовать и истреблять духовенство».

Хроники сообщают, что к 20 сентября «были общиною во всех церквях и монастырях алтари разгромлены, столы и покровы убраны и реликвии, буде где были найдены, вынуты и позорному обращению подвергнуты. Потом население стало отказываться вносить подати и ренты как своим собственным священникам, так и соборной церкви и духовенству в Гейлигенштадте и в Анненродских монастырях».

Результаты деятельности Мюнцера и Пфейфера не замедлили сказаться. Католическое духовенство и монахи были почти совсем изгнаны из города, права и привилегии церкви были повсюду нарушены.

Но все же в течение почти целого месяца после прихода Мюнцера город жил сравнительно спокойно, — предсказанных Лютером восстаний и кровопролитий не было. Давно накопившееся недовольство вырвалось наружу внезапно, казалось, по совершенно ничтожному поводу, и сразу приняло острые формы.

В обязательствах, принятых Городским советом под давлением народных масс, значился пункт, гарантировавший личную неприкосновенность, которой гордилась оппозиционная партия. 19 сентября в доме одного бюргера праздновалась свадьба. Много лакомых блюд было с'едено за свадебным столом, много выпито вина и пива. Подвыпившие гости затеяли спор на животрепещущие темы. Спор перешел в ссору. Псаломщик Каспар нанес оскорбление бургомистру Родеману. Мстительный Родеман тут же приказал страже схватить обидчика и посадить его для вразумления «в большой подвал».

Молва об аресте на пиру быстро распространилась. Правящая верхушка евангелической общины — «восьмерка», как ее все называли, — решила использовать инцидент в своих политических целях. Сторонники «восьмерки» направились к месту заключения, освободили Каспара и с торжеством повели его обратно на свадьбу. Родемана, нарушителя городских законов, принудили отправиться вместе с ними в ратушу. По дороге быстро собралась толпа, слышались угрозы по адресу ненавистного

магистрата. И если бы один из членов «восьмерки», Михаил Кох, не увещевал толпу, то несчастный Родеман поплатился бы жизнью за свой поступок.

О дальнейшем хроника говорит: «Также побежали они, вооруженные, к дверям бургомистра Виттиха, вызвали его и заявили, что хотят с ним говорить: если он хочет выйти к ним добром, то тем лучше для него, если же он этого не сделает, то придется ему уже итти не по-добру, ибо дело касается общины. Тогда он вышел, и они принудили его также направиться с собой в ратушу. Там оба (бургомистра) должны были дать членам «восьмерки» обещание, что они завтра снова явятся (для разбора дела)»... Но рано утром Родеман и Виттих выехали в Зальц. Вечером вооруженные толпы недовольных собрались у городских ворот, сторонники же Совета сошлись в ратуше, но До столкновения дело не дошло.

Эти события произошли стихийно, мероприятия же следующего дня были подготовлены не без участия Мюнцера и Пфейфера. Совету были пред'явлены требования устранить всякое угнетение горожан властями, окончательно изгнать католическое духовенство из города и отменить уплату налогов и податей.

Городской совет, конечно, не мог пойти на удовлетворение этих требований. Его положение осложнилось провокационными действиями князей, которых, очевидно, быстро осведомляли о событиях, происходящих в городе. Ландграф Филипп Гессенский и амтман Зиттих фон Берлейн от имени саксонского герцога Георга потребовали от города: во-первых, вернуть священника из Амиоры, изгнанного мюльгаузенскими горожанами (24–25 марта), и дать ему удовлетворение за причиненные обиды, во-вторых, восстановить выплату духовенству издавна установленных налогов и податей.

Десять членов Городского совета из патрицианской партии почли за благо последовать примеру бургомистров и бежали из города.

Пользуясь нерешительностью и бездействием власти, Мюнцер убедил Пфейфера и его партию выступить с более радикальными требованиями. Совместно с Пфейфером они составили программу. В ней было одиннадцать статей:

1. Должен быть образован новый Совет.
2. Последнему надлежит править согласно библии и слову божьему и, в соответствии с этим, блюсти правосудие и закон.
3. Избранный Совет должен оставаться у власти не на определенный срок, а навсегда.
4. Он обязан под страхом строгого наказания и смерти устанавливать

справедливость и избегать неправды.

5. Никто не должен быть принуждаем к участию в управлении.

6. Чтобы отнять почву для взяточничества со стороны членов Совета, их нужды должны удовлетворяться (т. е. они должны получать жалованье).

7. Вместо городских регалий, унесенных с собой бежавшими бургомистрами, должны быть изготовлены новые.

8. Если члены старого Совета не захотят подчиняться новому порядку, то надлежит установить и записать на бумаге, какие коварные поступки за последние двадцать лет ими совершены против общественной пользы и в чем ими город обманут; все?то напечатать, чтобы все видели, что это за люди.

9. Если эти статьи не будут проведены в жизнь согласно божьему слову, не должно иметь с ним никакого общения.

10. Если же образование нового Совета будет замедлено действиями противников, то «с них это все взыщется».

11. Прежде всего должно поступать по божьему слову, «по правде и без всякого колебания» и без всяких промедлений.

В заключении к этим статьям говорится: «Все дела и поступки должны совершаться сообразно с предписаниями божественных заповедей и божественной справедливостью, не обращая внимания на людей... Лучше иметь бога — другом и людей — врагами, чем бога — врагом и людей — друзьями».

На следующий день эти одиннадцать статей получили широкое распространение в городе и были разосланы по окрестным селениям. На основе этих требований Мюнцер стремился организовать движение широкой массы городских низов и крестьянства.

Ближайшие мероприятия Городского совета способствовали замыслам оппозиции. Обескураженный магистрат, не зная, как ему поступить дальше, решил обратиться за советом к горожанам. Правда, он мог рассчитывать, что большинство поддержит его: из четырех кварталов города только один (св. Якова) стоял за партию Пфейфера и Мюнцера. Оппозиционеров поддерживали еще предместья св. Николая, св. Георгия и св. Маргариты, граничившие с этим кварталом.

Обращение Совета обсуждалось на собраниях кварталов и цехов. Одиннадцать статей программы распространялись среди участников собраний. На их защиту решительно стали жители квартала св. Якова и мятежных пригородов. На собрании цеха ткачей явились Мюнцер и Пфейфер. Их программа получила там большинство голосов.

Понятно, что магистрат и его партия не собирались выполнять

требований, изложенных в одиннадцати статьях. 22 сентября Мюнцер выпустил письмо, обращенное к мюльгаузенским цехам, в котором пред'являл магистрату тяжелые обвинения и призывал граждан к его свержению.

Спор могла решить только борьба, и обе стороны готовились к ней. Расстановка сил в городе была уже ясна — обе партии стремились привлечь на свою сторону крестьян, ибо от их позиции, в конечном счете, зависела победа.

Оппозиция делала все, чтобы обеспечить себе этих союзников: в деревни были направлены агитаторы, они собирали крестьянские сходы, раз'ясняли положение в городе и суть одиннадцати статей. Появилось письмо за подписью Пфейфера и Видемюллера — одного из членов «восьмерки», призывавшее крестьян поддерживать правое дело.

Сторонники Совета также не дремали. На этот раз их агитация оказалась более успешной. 24 сентября состоялся сход крестьян из ряда деревень. Знакомый уже нам амтман Зит «тих фон Берлейн с удовлетворением писал: «Они об'единились и заявили мюльгаузенской евангелической общине, что их нехристианское предприятие для них несносно; если они не изменят его, должны они (крестьяне) подумать о другой власти, ибо без этого будут доведены до гибели». Совет заручился также обещаниями помощи со стороны находившихся с ним в союзе городов Эрфурта, Гослара и Гордгаузена. На совещании с представителями этих городов было в частности решено выслать Мюнцера и Пфейфера как главных зачинщиков мюльгаузенских неурядиц. Князя поняли, что дело зашло слишком далеко. Перед лицом революционной опасности ландграф Филипп и Георг Саксонский решили прекратить двойную игру и поддержать законную власть города.

Мюнцер и Пфейфер не могли не знать об угрожающих обстоятельствах. У них оставалась единственная надежда — добиться своего решительностью и внезапностью. План, разработанный их партией, заключался в том, чтобы отвлечь из города часть сил, преданных Совету, и потом, напав врасплох на оставшихся сторонников магистрата, захватить власть в свои руки. Решающие события должны были произойти 26 сентября.

В ночь с 25 на 26 сентября в большой деревне Больштедте, расположенной к востоку от Мюльгаузена, вспыхнул пожар. В городе об этом стало известно около шести часов утра. Совет уже собирался послать на помощь охваченной пламенем деревне своих людей, но кто-то в последний момент выдал планы мятежников и предупредил Совет о

готовящемся перевороте.

Немедленно был отдан приказ запереть и крепко охранять все городские ворота. По улицам раздался клич: «Кто стоит за господ, должен собраться к ратуше». Посланные Совета поскакали в деревни созывать крестьян на выручку. Вскоре около двухсот вооруженных крестьян прибыло в город для поддержания порядка.

Восставшим удалось захватить ворота, соединяющие квартал св. Якова с мятежными предместьями. Поборники одиннадцати статей собрались у этих ворот в предместье св. Николая. Но их силы значительно уступали вооруженным отрядам, собранным Советом после прибытия крестьянских подкреплений. Повстанцы должны были очистить свой единственный выгодный пункт у Фельхтских ворот.

Восстание потерпело неудачу. Уже на следующий день Совет привел к присяге непокорных горожан и добился от общины изгнания главных зачинщиков бунта — Мюнцера и Пфейфера. «И многие горожане ушли вместе с ними», — говорит городская хроника.

Накануне великих событий

Пропагандистская поездка Мюнцера оказала несомненно существенное влияние на организацию народной партии, отчетливое установление ее требования в апреле 1525 года.

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

Из Мюльгаузена Томас Мюнцер направился в Нюрнберг, но оставаться в этом городе он не предполагал. Известия, приходившие с разных сторон, убеждали Мюнцера, что близок день народной революции. Нюрнберг являлся только первым пунктом пропагандистской поездки Мюнцера.

Со страхом наблюдали враги за деятельностью неутомимого агитатора, приобретавшего все большее и большее влияние на движение народных низов. Лютер, узнав о появлении Мюнцера в Нюрнберге, воскликнул: «Тут бродит сатана, дух из Альтштедта».

Мюнцер пришел в этот город не случайно; у него, была важная цель: здесь он хотел издать свое новое сочинение. Об этом Мюнцер писал в Эйслебен другу своему Христофору Н.: «Я мог бы сыграть хорошую штуку в Нюрнберге, если бы хотел, как меня обвиняют, вызвать восстание; но я докажу всем своим противникам, что это неправда, и они не смогут возражать мне. Многие из нюрнбержцев советовали мне проповедывать, но я ответил им, что пришел не для этого, а чтобы ответить печатно».

Новое произведение Мюнцер назвал: «Тверди обоснованная защитительная речь». Но, вопреки названию, содержание ее являлось скорее жестким нападением на княжескую власть и на того, кто был ее оруженосцем, — на Лютера. В цитированном выше письме сказано, что, когда власти узнали о книге, «у них зашумело в головах. Им нравится хорошая жизнь, пот ремесленников сладок; но сладость эта может сделаться горькой, как желчь. Тут не помогут никакие размышления, никакие увертки, истина должна открыться; им не поможет, что они цитируют строки из евангелия; когда люди голодны, они должны есть».

В этом произведении Мюнцер подвергает резкой критике систему

феодализма.

«Самое ужасное на земле то, — пишет он, — что никто не хочет помочь несчастной бедноте, сильные делают, что хотят... Посмотрите. Главной поддержкой ростовщичества, воровства и грабительства являются наши владыки и князья. Они присвоили себе в собственность все живущее. Рыбы в воде, птицы в воздухе, растения на земле — все принадлежит им. А потом они распространяют среди бедных заповедь господню и говорят: «бог сказал — не укради», но они сами не следуют этому. Таким образом они притесняют всех людей, они грабят всех живущих бедных земледельцев и ремесленников. Но когда простой человек берет самую ничтожную вещь, его вешают за это, а доктор Люгнер [лгун, — намек на Лютера] приговаривает при этом: «аминь». Эти господа сами восстанавливают против себя бедных людей, — они не хотят устранить причину возмущения, и поэтому продолжительное спокойствие невозможно. За эти слова меня называют бунтовщиком, и пусть!»

Мюнцер восстает против неограниченности княжеской власти и противопоставляет ей общину как истинную носительницу демократической власти.

«Я ясно изложил князьям, что целая община имеет власть поднять меч и обладает ключом к разрешению грехов... что князья не владыки, а слуги меча [общественной власти], они не должны делать так, как им хочется, но поступать по справедливости. Поэтому, по старому хорошему обычаю, народ должен присутствовать, когда кого-либо судят по закону божью. Для чего это? Для того, что если бы власти захотели вынести неправильный приговор, то присутствующие христиане должны не признавать его и не допускать его выполнения, ибо бог потребует отчета в неповинной крови».

Но борьба против феодалов невозможна без разоблачения того, кто пытается отвратить гнев народа от князей. Мюнцер с яростью нападает на Лютера и показывает народу истинное лицо этого ренегата. С поразительной для своего времени ясностью критической мысли он вскрывает истинные мотивы выступлений и действий Лютера и обнаруживает классовую сущность происходящей борьбы. Он издевается над противником, спрашивая его: «Почему ты называешь князей светлейшими? Это звание принадлежит не им, а Христу. Почему ты зовешь их высокодержавными? Так не подобает говорить христианину». И шаг за шагом он разоблачает Лютера. «Бедные монахи, попы и торговцы не в состоянии обороняться, потому-то ты и можешь их вволю бранить. Но безбожных правителей, по-твоему, никто не смеет трогать, хотя бы они попирали Христа ногами». Лютер только рисуется своим бесстрашием, на

самом же деле он хитрый лицемер. В Лейпциге и Вормсе он выступал с смелыми речами только потому, что рассчитывал спрятаться за широкие спины князей, которым его проповеди обещали монастыри и церковные владения.

Религия, которую проповедует Лютер, — лжива и вредна своей бездеятельностью. В предпочтении, которое он отдает вере перед делами, таится стремление отвлечь народ от революционных мыслей и предать его в полную власть князьям. «Ты слеп, и, слепой, хочешь руководить миром... Своим затуманенным умом ты вынес из учения любимого тобой Августина поистине позорное отношение к свободной воле, бесстыдное презрение к людям. Ты смешал христианство с ложной верой и не можешь судить о нем, когда настал час».

Лютер — завистник, он преследует Мюнцера потому, что он раньше него ввел в Альтштедте богослужение на немецком языке. Лютер — трус, он боится Мюнцера и всячески стремится заткнуть ему рот. Лицемерно говорит он, что «борется не с альтштедтским духом [учением Мюнцера], но лишь с его кулаком».

И грозно пророчит Мюнцер гибель Лютеру вместе с его господами: «О, доктор лжи, о, предательская лиса, своими словами ты опечалил сердца праведников, которых возлюбил сам господь, и укрепил безбожных злодеев, дав им силу остаться на прежних местах. Поэтому с тобой произойдет то же, что с пойманной лисой. Народ освободится, и бог один будет властвовать над ним».

Лютер так никогда и не ответил на этот злой и острый памфлет, — он предпочел замолчать его.

«Типограф в Нюрнберге, — сообщает летописец того времени Иоанн Мюльнер, — осмелился напечатать книжечку Томаса Мюнцера. Городской совет отнял у него все издание и заключил подмастерье, который напечатал книгу без ведома Лютера, в тюрьму». Но тщетно пытался Совет уничтожить это сочинение. Ему удалось завладеть далеко не всеми экземплярами этой книги. Многие из них разошлись среди почитателей Мюнцера. Некоторые экземпляры сохранились даже до нашего времени, несмотря на свирепые преследования всех революционных сочинений после Крестьянской войны.

За тайный выпуск этой книги Мюнцеру грозили серьезные неприятности, но тронуть его опять побоялись.

Мюнцер в это время был всецело захвачен политической борьбой и подготовкой восстания, ничто другое не интересовало его. Даже когда Мюнцера известили о рождении ребенка, он остался безучастным. И когда

его стали порицать за это, он сказал: «Вы видите, — меня ничто не трогает, я оторван от природы».

Стоически переносил он нищету и лишения. И если положение делалось уж слишком тяжелым, он писал другу: «Если вы можете, то помогите мне чем-нибудь; но если это вас затрудняет, то я не хочу ни гроша».

«Защитительная речь» принесла достаточно хлопот и неприятностей нюрнбергскому магистру. В начале ноября 1524 года решено было изгнать Мюнцера из города. Мюнцер покидал город без сожаления; цели своей он достиг — книга была напечатана, а больше ему нечего было здесь делать.

Еще раньше (29 октября) по приказанию властей удалился из Нюрнберга и Пфейфер. Современник, свидетельствуя о причинах изгнания Пфейфера, говорит: «Известно всюду, что он учинял одни беспорядки в Мюльгаузене в Тюрингии, рядом с Томасом Мюнцером. Поэтому надлежит ему проехать свои деньги где-нибудь в другом месте».

Несколько месяцев Мюнцер странствовал по югу Германии.

Сначала мюльгаузенский изгнанник направился в Швейцарию и ненадолго остановился в Базеле. Его учение нашло отклик и сочувствие у швейцарских анабаптистов. С их руководителями он вел переписку еще будучи в Альтштедте. Большинство швейцарских анабаптистов вербовалось из неимущего люда, среди которого евангельско-коммунистические идеи и вера в близкое пришествие «царства божия на земле» получили сильное распространение. Понятно, что мюнцеровская проповедь пользовалась у них особым успехом. В его сочинениях и проповедях анабаптисты находили близкие их сердцу мысли.

Среди друзей Мюнцера было много немецких анабаптистов, — ведь еще в Цвиккау он покровительствовал секте Шторха. После своего ухода из Мюльгаузена, проходя через Биберау, Мюнцер был принят в доме анабаптиста Иоанна Гута из Гайка, что близ Швейнфурта.

Гут, «очень ученый и ловкий малый», как говорили про него, раньше был священнослужителем в Биберау, а потом переселился в Нюрнберг, где открыл торговлю книгами, водкой и разными мелочными товарами. Он и оказал содействие Мюнцеру в Нюрнберге в опубликовании его «Защитительной речи». Известна и внешность Гута: «Белокурый, с зачесанными вверх волосами, с рыжеватой бородкой, высокого роста, он носил черный кафтан, серые штаны и широкоую серую шляпу, — полная противоположность невысокому, черноволосому Мюнцеру». Позднее Гут играл не последнюю роль в крестьянском восстании в Вюрцбургской области. И не один Гут, несомненно, был членом тайного союза и

эmissаром Мюнцера во Франконии.

Швейцарские анабаптисты принадлежали к умеренному направлению этой секты. Это объясняется тем, что в земледельческой Швейцарии классовые противоречия в это время были развиты значительно слабее, чем в промышленной Германии. Поэтому цюрихские братья, с которыми был связан Мюнцер, хотя и считали его «чистейшим провозвестником божественной истины», все же пугались решительных политических выводов Мюнцера. Они высказывались против насильственного социального переворота, проповедуемого им. «Не следует защищать евангелия и его приверженцев мечом, — писали они ему. — Истинные христиане не берут в руки оружия и не ведут войны, ибо убийство им совершенно чуждо».

Но, Несмотря на непротивленчество анабаптистов, Мюнцер имел в их лице верных друзей. Громовое выступление Лютера против «альтштедтской фурии» не испугало швейцарских братьев. Наоборот, они называли этот донос «позорной книжкой». Но они не преминули снова попытаться отклонить Мюнцера от ложного, по их мнению, пути и привлечь окончательно на свою сторону: «Ты проповедывал против князей и говорил, что на них нужно пойти силой... Заклинаем тебя общим для всех нас благом отказаться от этого намерения и оставить эти помыслы впредь. Тогда ты будешь совершенно чистым, ты, который во всем остальном нравишься нам больше, чем кто-либо иной в немецких, а также в других странах». Мюнцер не мог рассчитывать на их участие в предстоящей вооруженной борьбе, но он нашел у них теплый прием и пристанище, а главное, Тми были нужны ему для установления связей с анабаптистами Швабии, Эльзаса и Шварцвальда. Он стремился в эти области Германии. Здесь были еще живы славные традиции «Башмака» и «Бедного Конрада», и уже в середине 1524 года крестьяне снова перешли в наступление на феодалов.

Базель Мюнцер посетил мимоходом. Он избрал районом своей деятельности Клетгау и Тегау — пограничные с Швейцарией германские области, штаб-квартира его находилась в Клетгау, в деревне Гриссен. Позднее Мюнцер так говорил об этом времени: «В Клетгау и Гегау возле Базеля я указал некоторые тезисы из евангелия для руководства, как следует поступать; из этих иные люди вывели другие тезисы^[7]. Они охотно оставили бы меня у себя, но я отказался; восстания я там не вызывал, ибо оно началось раньше моего прихода. Экламиадиус и Гуго Вальдус предложили мне проповедывать народу, я и сделал это».

С весны 1524 года отдельные мелкие вспышки крестьянского

неповиновения в верхней Швабии и Шварцвальде следовали одна за другой. Но первое крупное восстание, явившееся началом Крестьянской войны, зародилось в июне, в ландграфстве Штюттинген.

Ландграф Сигизмунд фон Лупфен и его жена, вероятно, были не лучше и не хуже множества других мелких территориальных властителей. Они весьма добросовестно выколачивали из своих подданных все, что могли. Доведенный до отчаяния народ повсюду начинал открыто толковать: «Откуда дьявол нанес столько повинностей, десятин и налогов?» Крестьяне заявляли, что помимо многих тягот, лежащих на них, «они не только не имеют ни праздника, ни отдыха, но принуждены в праздничные дни и во время жатвы искать для графини раковины улиток и наматывать на них пряжу, собирать землянику, терновые ягоды и прочее». Эти улитки и переполнили чашу крестьянского терпения.

Объединившиеся крестьянские общины заявили, что они не желают нести барщину, платить подушную подать, соблюдать вассальные обязанности и признавать дворянские права. Не надеясь на мирное разрешение, крестьяне образовали вооруженный отряд более чем в тысячу человек. Начальство над этим отрядом принял бывший ландскнехт Ганс Мюллер из Бульгенбаха. Он хорошо знал военное дело, был красноречив и хитер. Предводительствовал он своим войском, одетый в красный плащ, в красном берете с перьями, верхом на хорошем коне. Ганс Мюллер не был вождем, до конца преданным идее крестьянского освобождения. Это был типичный ландскнехт, военный профессионал, более всего ищущий славы и наживы. Но благодаря ему штюттингенское крестьянское ополчение сразу приняло вид военного отряда. Члены отряда выбрали полковников, офицеров, фельдфебелей и всех прочих чинов и сделали бело-красно-черное знамя.

Войско было слишком малочисленным, чтобы рассчитывать на успех в борьбе с господином. Крестьяне понимали, что их ландграф в этой борьбе найдет помощников среди князей. Поэтому и восставшие искали союзников.

В это время в городе Вальдсгуте, расположенном недалеко от швейцарской границы, также происходили волнения. Горожане давно склонялись к евангелическому вероучению, но правительство Австрии запретило евангелическую проповедь и потребовало изгнания из города популярного проповедника Балтазара Губмайера. Горожане воспротивились этому. Губмайер сам покинул город, однако австрийское правительство продолжало грозить городу тяжелыми карами. Вальдсгут стал готовиться к отпору.

Штюлингенские бунтовщики могли пригодиться горожанам для борьбы с австрийцами. Ганс Мюллер со своим войском был впущен в Вальдсгут. Кроме того город обратился за помощью к швейцарцам. Цюрих прислал им триста человек. Губмайер возвратился в город. Его встретили торжественно — с трубами, барабанным боем.

В Вальдсгутае организовалось евангелическое братство — союз, провозгласивший уничтожение феодального господства, разрушение всех замков и монастырей и устранение всех господ, кроме императора. Была образована союзная касса и введен еженедельный налог в размере трех крейцеров.

Уже тогда в развитии движения начинало чувствоваться влияние идей Мюнцера и его направляющая рука.

Мюнцер, еще до ухода из Нюрнберга, послал своих учеников в южные немецкие земли. Он сам говорил, что избрал эту страну потому, что хотел узнать тамошнее положение дел, воспользоваться оберландским восстанием и распространить свою агитацию и на другие области. Балтазар Губмайер был связан с учеником Мюнцера Вильгельмом Реблингом из Роттенбурга на Неккаре и разделял мюнцеровские религиозно-политические воззрения. Во время пребывания Мюнцера в Оберланде между Мюнцером и Губмайером установились близкие личные отношения. Есть сведения, что магистр Томас посещал Вальдсгут.

Восстание быстро разрасталось. Эрцгерцогу Фердинанду, брату императора, доносили: «Тяжело смотреть на все, что здесь делается, и можно опасаться, что дело дойдет до земской [гражданской] войны. Здесь очень дико, страшно и тревожно». Дворянство Оберланда взывало о помощи, со страхом наблюдая рост мятежа. Оно следило за бродящими по стране грозными крестьянскими отрядами, которые шли, «как летают вороны в воздухе, — туда, куда их посылает воля божия, дух и необходимость».

Эрцгерцог вынужден был вступить в переговоры с крестьянами и обещать разбор их жалоб. А сам тем временем старался собрать войско. Начальником об'единенного войска, на которое возлагалось подавление мятежа в Оберланде, был назначен Георг Трухзесс фон Вальдбург. Восстание распространилось так широко, что для подавления его предстояло вести настоящую войну, а военных сил было вначале недостаточно.

Швабский союз, в который входили князья, дворянство и имперские города юго-западной Германии, был бессилен подавить беспорядки. Главные его военные силы были в это время в походе с императором,

ведшим в Италии войну с французским королем.

В октябре под трехцветным знаменем Ганса Мюллера стояло уже около 4 500 человек. В ноябре волнения распространились по Гогенбергскому округу, в Вюртемберге, в окрестностях Виллингена и Тутлингена. Требования крестьян были изложены в шестнадцати статьях. Они были очень умеренны: «Упразднение права охоты, барщины, тяжких налогов и вообще господских привилегий, защита против произвольных арестов и пристрастных, выносящих произвольные решения судов». Крестьянам был обещан разбор статей в штоккахском суде. Но эрцгерцог и Швабский союз не думали серьезно об удовлетворении крестьянских нужд; они вели переговоры лишь затем, чтобы выиграть время. Эрцгерцог писал: «Пусть Трухзесс переговаривается с крестьянами мирно, пока не соберут войска».

Заседание штоккахского суда, назначенное на 27 декабря, не состоялось: крестьяне не захотели предстать перед судом, в состав которого входили исключительно дворяне. Заседание перенесли на 6 января, но на этот раз его сорвали дворяне.

За это время эрцгерцог успел получить крупный заем у ростовщиков Вельзеров в Аугсбурге. Раздобыв средства для войны, он заговорил с мятежниками другим языком. В половине января эрцгерцог писал в Штокках своим комиссарам: «Конница должна напасть на мятежных, непослушных крестьян и Подданных. Следует, где только можно, хватать их, поднимать на дыбу и пытаться иными способами, допрашивая, кто их начальники, коноводы и зачинщики, велики ли их силы, чего они хотят и против кого замышляют действовать, и по допросе должно их закалывать или удавливать, или иначе строго наказывать, не давая никакой пощады; но в особенности должно стараться тщательно выслеживать их предводителей, военачальников и других вождей, разузнавать, где они чаще всего бывают, и тайком, неожиданно, в ночную пору забирать по домам и трактирам, порознь или всех вместе, и затем губить их, как найдете удобнее. Если же до ареста они успеют убежать в леса или укрыться где-нибудь, то следует без милосердия опустошать, разрушать и жечь их дома, имения и имущества, а у беглых зачинщиков мятежа, не ограничиваясь истреблением имущества, выгонять и изгонять из страны жен и детей».

В эти дни Мюнцер проповедывал вблизи швейцарской границы. Речи его оказывали огромное влияние на слушателей. «Да, да, — говорил один крестьянин другому, вот это так истинное евангелие. Видишь ли, как старые-то попы лгали и обманывали; нужно бы им, мошенникам, свернуть башки за то, что они так славно нас надували». Мюнцер и здесь, как в

Мюльгаузене, вел тайную организационную работу. Когда он в начале февраля покидал Оберланд, в этих местах уже существовала небольшая, но крепкая революционная партия.

Сделав все возможное для под'ема революционного движения на юге, Мюнцер поспешил к оставленным им на время тюрингенским последователям. Здесь надо было также поднять движение масс и руководить ими. Это произошло в первых числах февраля, а 15-го главнокомандующий Трухзесс фон Вальдбург, выполняя директивы эрцгерцога, об'явил мятежным крестьянам Гегау, что «если они не отстанут от людей и подданных, принадлежащих его великокняжской австрийской светлости, а именно от мятежников мюльгаузенских [речь идет о Мюльгаузене в Эльзасе], их накажут грабежом, огнем и мечом; пускай они подумают об этих условиях». Так начиналась открытая война. В это же время (9 февраля) в защищенном болотами лагере в Бальтрингене образовался второй большой крестьянский отряд, в десять-двенадцать тысяч человек. Новым отрядом предводительствовал Ульрих Шмидт. Теперь Ганс Мюллер Бульгенбахский не был одинок, и правительственным войскам приходилось делить внимание и силы между двумя большими вооруженными крестьянскими отрядами.

Крестьянская война

...Крестьянская война, этот самый радикальный факт немецкой истории...

К. Маркс.

(«К критике гегелевской философии права»).

Крестьянское движение в обстановке реформации стало шириться и расти. То здесь, то там прорывались отдельные возмущения крестьян. Крестьяне и защитники их искали в лютеровском учении идеологическое оформление своих социальных требований. Левое крыло протестантов, особенно приверженцы Мюнцера наполнили туманные слова евангелия о равенстве всех людей горячими мечтами о царстве крестьянского равенства. Под флагом защиты нового евангелия шла широкая, почти открытая агитация за крестьянские интересы. То же было и с другими оппозиционными слоями. Каждая социальная группа вкладывала свое содержание в тексты священного писания. Цитатами из евангелия, деяний апостолов и ветхозаветных пророков Мюнцер призывал к уничтожению феодализма и абсолютизма крепостников, к организации жизни на евангельско-коммунистических началах. Все это пало на разгоряченную почву крестьянско-плебейского недовольства. Рыцарское восстание усилило общественное возбуждение. Евангелисты, и особенно сторонники Мюнцера, явно готовили общекрестьянское выступление. В воскресенье 2 апреля 1525 года началась Великая крестьянская война.

Уже 5 февраля 1525 года в Ульме собрался чрезвычайный сейм; феодалы поняли, что восстание крестьян грозило им большими опасностями. «Оно распространялось так быстро, что шайка крестьян из двухсот или трехсот человек в несколько дней вырастала до трех-четырёх тысяч. Они желали свергнуть все власти и всякое начальство и сделаться сами себе господами».

Два больших крестьянских отряда в Гегау — шварцвальдский и бальтрингенский — угрожающе расположились у южных границ. В конце февраля образовались еще два отряда: верхне-альгеуский, к которому присоединились кемптенцы, и озерный — из жителей побережья

Баденского озера, «первых храбрецов из всех швабов». Вскоре восстали крестьяне Нижнего Альгеу и стали лагерем при Вурцах. На Дунае возник шестой большой отряд у города Лейпгейма. «Таким образом, в начале марта под оружием находилось в шести лагерях от тридцати до сорока тысяч восставших верхнешвабских крестьян»^[8].

Почему же медлили князья и дворяне? Что мешало им выполнить призыв эрцгерцога Фердинанда «напасть на мятежных непослушных крестьян и подданных»? Понимали же феодалы, что надо действовать быстро и решительно. Ведь еще 15 февраля один из полководцев Швабского союза, Ульрих Арцт, писал: «Если не будут приняты меры, то истории этой не будет конца. Нельзя терять ни одного часа».

Но для подавления крестьянского восстания надо было располагать значительными военными силами, а союзное войско собиралось плохо. Кроме того Швабскому союзу угрожала новая опасность: против него затевал войну старый враг — опальный герцог-Ульрих Вюртембергский.

От герцога Ульриха трудно было ожидать сочувствия революционным стремлениям крестьян и плебса. Наоборот, в свое время он прославился жестокими преследованиями «Бедного Конрада». Однако, когда Швабский союз, об'явив герцога опальным и изгнав его из Вюртемберга, передал эту страну австрийскому эрцгерцогу Фердинанду, народ увидел, что новые иноземные господа не только ничем не лучше, но даже хуже прежних. Поэтому в 1518 году крестьяне помогли Ульриху вернуть свои владения. В то время говорили, что «крестьяне и бедный люд силой восстановили его». Но Ульрих не смог удержаться против войск Швабского союза и недовольных им вюртембергских аристократов и вторично должен был бежать из своих наследственных земель. С 1523 по 1525 год Ульрих неоднократно поддерживал крестьянские возмущения, надеясь с помощью крестьян вернуться к власти.

В 1525 году, заручившись денежной поддержкой французов и набрав швейцарских наемников, герцог готовился к походу. Одновременно он пытался привлечь на свою сторону мятежных верхнешвабских ' крестьян. Но, несмотря на обещания герцога «защитить евангелие, освободить народ от крепостной зависимости и от всяких повинностей и уничтожить монастыри и аббатства», большинство крестьянских вождей отвергли его происки. Только неразборчивый в средствах ландскнехт Ганс Мюллер из Бульгенбаха сумел уговорить свой отряд присоединиться к герцогу. В конце февраля Ульрих с шеститысячным войском перешел границу Вюртемберга.

Поход герцога начался удачно. Города сдавались ему без боя. Упоенный победой и уверенный в конечном успехе своего предприятия, Ульрих не спешил встретиться с главным своим противником — Трухзессом, перерезавшим ему дорогу к Штуттгарту — столице Вюртемберга. Полководец Швабского союза Трухзесс фон Вальдбург не хотел да и не мог принять открытого сражения с герцогом, — слишком слабы были его силы. Ему хотелось только задержать герцога, чтобы тем временем обещаниями и угрозами отколоть от него крестьян и подкупить швейцарских наемников — главную воинскую силу своего врага.

После первых успехов, пока Ульрих медлил с дальнейшим продвижением, пришло сообщение о победе Карла V над Франциском I,

покровителем Ульриха. Австрийское правительство пригрозило швейцарцам наказаниями, если они не покинут герцога. Победа Карла V, угрозы и получение денег от Швабского союза заставили швейцарцев покинуть незадачливого герцога. Присоединившиеся к нему крестьяне затеяли переговоры с Трухзессом. Положение Трухзесса было в это время очень тяжелое, и его можно было легко уничтожить, тем более, что в его собственном войске произошел мятеж. Крестьяне поверили уговорам Трухзесса и оставили Ульриха. Трухзесс успокоил своих взбунтовавшихся ландскнехтов, затем двинулся на герцога. 17 марта Ульрих потерпел окончательное поражение. «Военный карнавал кончился» — шутили крестьяне. Но шутки были плохи. Разгромив Ульриха, Трухзесс направил свои войска против крестьян.

Восстания возникли сразу во многих областях, и это не являлось случайностью. В значительной своей части они были подготовлены тайной революционной организацией.

Несомненна выдающаяся роль Томаса Мюнцера в подготовке и организации восстания. Во главе восставших во многих случаях оказываются, его ученики и эмиссары. Сохранились письма Мюнцера, которые в то время возбуждали его единомышленников и руководили их действиями. Во многих программах и воззваниях восставших заметно прямое влияние его учения: иногда в них встречаются непосредственно принадлежащие ему мысли и выражения. Всюду, где побывал Мюнцер, вспыхивали крупные очаги народных волнений.

Почему же правительство не смогло раньше нащупать заговор и раскрыть руководимую им организацию? Почему материалы следствия, после подавления восстания, не позволяют историкам восстановить картину возникновения и деятельности тайного союза, назвать имена его участников и до конца рассказать о его замечательной борьбе? Объясняется это, в первую очередь, тем, что государственная система феодального абсолютизма только еще складывалась. Вся социально-экономическая обстановка того времени позволяла классам и сословиям жить оторванно, в изоляции друг от друга. Феодалы жили совершенно обособленной кастой и очень мало общались с представителями других классов. Жизнью же и интересами широких масс крестьян, которых даже и за людей не считали, власти интересовались меньше всего. В этих условиях тайная организация среди крестьян могла легко конспирировать. Государственной почты, через которую можно было бы следить за перепиской, не было. Письма организаций передавались всякого рода «оказиями» — через бродяг, паломников и особенно через нищих, которые часто являлись и

агитаторами.

Поэтому и случилось так, что немногочисленный, но деятельный тайный союз, активно работая среди масс, готовил бунт, открыто называл день всеобщего восстания, а правящие классы находились в полном неведении. Революционный взрыв явился для правителей ошеломляющей неожиданностью и застал их совершенно неподготовленными к борьбе. Имперское правительство, Швабский союз и главнокомандующий Трухзесс фон Вальдбург, даже когда уже — было собрано войско, не видели иного выхода, кроме применения Тактики маневрирования, двусмысленных обещаний и обмана крестьян. Они боялись открытой войны и всячески оттягивали ее.

Ни минуты не думали они о том, чтобы действительно пойти на какие-то уступки крестьянам и облегчить их тяготы. Экк, канцлер баварского герцога, писал 9 марта своему господину: «Мы вскоре так расправимся с крестьянами, что их еретическое евангелие пропадет в несколько дней. Добрые благочестивые люди из эсслингенокого правления вообразили, что мы действительно хотим уступить крестьянам. Этому не бывать: мы не хотим терять своей репутации, как старые потаскухи. Мне противна братская любовь, о которой толкует мужичье. Я и с родными-то, кровными братьями неохотно бы поделился, а тут извольте-ка делиться с чужими, да еще с хамами».

Таковы были действительные намерения феодалов. Но пока что члены совета Швабского союза раз'езжали по крестьянским лагерям, уговаривали повстанцев разойтись и давали обещания, что будут делать все возможное для удовлетворения их требований.

Швабские крестьяне еще верили «благородным господам». Они послали своих послов в Ульм для переговоров, обсуждали новые предложения Совета о создании третейских судов в отдельных местностях. В этом сказалось влияние умеренных элементов из более зажиточных крестьян. Была также еще наивная вера в то, что можно и мирно уговорить феодалов отказаться от эксплуатации и господства. Швабский союз настаивал на заключении перемирия до конца переговоров. Это означало прекращение военных действий с обеих сторон. Срок окончания перемирия назначался на воскресенье *Judica* 2 апреля. В Ульме крестьяне должны были дать ответ на предложение князей. Несмотря на протесты революционного меньшинства, большинство крестьян соглашалось на разрешение споров мирным путем.

Условия перемирия, точно выполняемые крестьянами, изменнически нарушались их противниками. Феодалы продолжали готовить новые войска

и не прекращали нападения на мелкие крестьянские отряды. К этому времени крестьянские требования были сведены в официальный документ, вошедший в историю под названием «Двенадцать тезисов».

Титульный лист «Двенадцати тезисов»

«Истинные и справедливые тезисы всего крестьянского сословия и всех подвассальных, обиженных своими духовными и светскими властями» — так озаглавлен был этот документ.

Дальше идет «Введение», которое характерно для всякого революционного выступления той эпохи.

«Многие лицемерные христиане по поводу настоящего соединения крестьян изрыгают хулы на евангелие и говорят: «Вот каковы плоды нового

евангелия, — никому не повиноваться, повсеместно бесчинствовать и возмущаться, собираться шайками и мятежными скопищами для того, чтобы реформировать, гонять, даже может быть умерщвлять духовные и светские власти». Ответом на эти беспутные и лживые обвинения должны служить нижеследующие тезисы, написанные с целью снять клевету со слова божия и оправдать с христианской точки зрения неповиновение и даже открытое восстание крестьян.

Во-первых, евангелие не виновато в мятежах и в волнениях, потому что оно вышло из уст Христа, обетованного мессии, которого слова и жизнь поучают только любви, миру, долготерпению и единению. Все верующие во Христа должны жить в любви, мире и согласии, а потому все тезисы крестьян, как всякий ясно увидит, направлены только к тому, чтобы внушить крестьянам истинные евангельские правила и научить их жить сообразно с этими правилами. Каким же образом лицемерные христиане могут считать и евангелие причиной неповиновения? Если есть между христианами такие лицемеры и враги евангелия, которые с упорством восстают против всех наших требований и желаний, — в этом виновато не евангелие, а виноват диавол, заклятый враг евангелия; он-то и вовлекает своих сынов в преступления, возбуждая в них неверие для того, чтобы слово божие — слово любви и единения — окончательно заглохло и было предано забвению.

Во-вторых, отсюда следует ясно и бесспорно, что крестьяне, желающие в своих тезисах строго придерживаться евангелических правил, не могут быть названы непокорными и мятежными».

Это «Введение» обнаруживает все противоречия, которые стояли на пути тогдашнего революционного мыслителя. Крестьянское движение приняло форму вооруженной борьбы поработенных классов против своих угнетателей и всей крепостнической системы феодализма. Однако, подчиняясь условиям своего века, эта революционная борьба могла идти главным образом под лозунгом евангелия. Последнее же проникнуто идеями непротivления злу, прощения врагам, подчинения властям и властителям. Идеологи крестьянского движения пытаются в этом «Введении» доказать, что восставшее крестьянство не только не извращает учения Христа, а выступает в защиту евангелия. Действительными же извратителями являются господствующие классы, восстающие с оружием в руках против требований крестьянства. Лютер отлично понимал, что вооруженный мятеж трудно увязать с мирными тенденциями евангелия, и сознательно бил по этому слабейшему пункту во всех своих выступлениях.

Мюнцер тоже чувствовал разрыв между евангелием и революционной

тактикой. Поэтому он больше аргументировал текстами из ветхозаветных пророков, избегая обращаться к авторитету евангелия.

Вместе с тем «Введение к тезисам» показывает, что крестьяне еще не вышли из плена старых традиций, что в их психологии еще господствовало сознание покорного крепостного раба.

Мятежниками они не хотели называть себя хотя бы потому, что евангельское учение это осуждало. Руководителям движения поневоле приходилось изворачиваться в толковании евангелия, чтобы как-нибудь согласовать его с тактикой революционной борьбы.

В своих тезисах крестьяне требовали:

1. Выборности священника приходом и права его смещения.
2. Отмены «малой десятины». Сбор «большой десятины» отменить или расходовать ее частью на содержание приходского священника, частью — на общественные нужды, «не обременяя бедного населения налогами».

Освобождения от крепостного рабства.

4. Свободы охоты и рыбной ловли; свободы уничтожения зверей, портящих крестьянские посевы. «Кто не докажет своего права на владение рекой или озером, у того это право отбирается в пользу общины».

5. Возвращения лесов общинам. Купленные леса должны быть оплачены.

6. Ограничения барщины той нормой, которая была прежде.

7. Уничтожения незаконных поборов с крестьян господами. За работу крестьянин должен получать плату.

8. Ограничения податного оклада согласно справедливой оценке имущества. «Крестьянин не должен работать для себя без выгод, потому что всякий работник достоин своей платы».

9. Устранения несправедливости в судах. «Чтобы нас наказывали, согласно с древним писанием законов, соразмерно с виной, а не пристрастно».

10. Возвращения общине отнятых лугов и пашен. «Тем, кто их купил, выплачивается стоимость по справедливой оценке».

11. Уничтожения «посмертного отобрания» имущества у вдов и сирот. «По смерти лица семейство его никому и ничего не платит — ни много, ни мало».

12. Незаконность этих требований должна быть доказана по священному писанию. «Если даже многие тезисы будут найдены противными богу и вредными для ближнего, то мы все их возьмем назад и будем молить господу, чтобы он дал нам разум поступать и жить по христианскому учению, потому что этот разум исходит только от бога, а не

от кого другого. Благодать господа нашего Иисуса Христа со всеми нами».

«Двенадцать тезисов» германских крестьян — требования, продиктованные умеренной соглашательской партией. В них нет даже требований полной отмены крепостного права. Это, прежде всего, — программа аграрной реформы. Это — попытка найти платформу для мирного разрешения конфликта, а не призыв к борьбе. Эти тезисы не могли удовлетворить революционное меньшинство. На допросе Мюнцер отрицал свою личную причастность к составлению «Двенадцати тезисов», и это несомненно было правдой.

«Революционная партия выставила свою программу уже раньше, в *Письме с тезисами* (Artikelbrief). Обращаясь ко всем крестьянским общинам, она приглашала их вступить в «Христианский союз и братство» для уничтожения всех тягот добром, «что, впрочем, едва ли возможно», или силой, и грозила всем упорствующим «светским банном», т. е. изгнанием из общества и отлучением от всякого общения с членами союза. Тот же «светский банн» должен был быть наложен также на все замки, монастыри и церковные учреждения, если только дворяне, попы и монахи не покинут их добровольно, не переселятся обычные дома, подобно остальным людям, и не примкнут к христианскому союзу»^[9].

Очевидно, что «Письмо с тезисами» было написано под непосредственным влиянием Мюнцера и его учеников. Это был настоящий революционный манифест, который сбивал соглашателей со всех позиций. Мюнцер в это время писал крестьянам: «Только не медлить. Все господа, которые вводят новые ограничения по произволу и собственной прихоти, не говоря уже о налогах, пошлинах и акцизах, являются настоящими разбойниками. Свергнуть их с трона — истинно богоугодное дело... Если вы оглянетесь на всю эту [соглашательскую] игру, то ничего впереди себя не увидите, кроме горя, беды и ужасных убийств. Горе и беда вашим детям, которым вы оставите такое несчастное наследство; если вы теперь обязаны выполнять барщину с киркой, мотыгой и лошадью, то ваших детей будут самих запрягать в бороны, если до сих пор вы вынуждены были огораживать ваши поля от диких зверей, то теперь их огораживать не дадут. Если до сих пор вам выкалывали глаза, то впредь вас самих будут закалывать. Если до сих пор вы уплачивали подушную подать и были крепостными, то теперь вы станете настоящими рабами, лишенными всякого права над собой, над своим добром, вас будут, совсем как в Турции, продавать, словно скот, лошадей и волов. Если только кто осмелится поморщиться, то вас будут пытать и мучить, и истязаниям и проклятиям не будет конца, тогда вас, изменников, затащат в первую башню, и одна пытка

последует за другой, — будут сечь розгами, прожигать щеки, рубить пальцы, рвать языки, четвертовать, рубить головы».

Эти слова Мюнцера оказались пророческими.

Ближайшее будущее доказало крестьянам правоту и политическую прозорливость Мюнцера. Раньше чем крестьяне смогли выставить свои «Двенадцать тезисов» на обсуждение в Ульме, Швабский союз вероломно нарушил обещание перемирия и начал войну.

Еще 18 марта, на следующий день после бегства герцога Ульриха, канцлер Экк писал: «Теперь надо без отлагательства разделаться с крестьянами; к 25 марта, союзная армия займет всю страну от Ульма до Эгингена». И, выполняя волю князей, Трухзесс выступил в поход и двинулся на Дунай, стремясь зайти в тыл мятежникам. План его сорвался из-за восстания в собственном войске. Хотя Трухзессу удалось быстро восстановить порядок, все же некоторые взбунтовавшиеся солдаты успели разбежаться и разгласить истинные намерения Швабского союза. По деревням били в набат, призывая крестьян к оружию. Бальтрингенокий, альгеуский и озерный отряды, не ожидая больше обещанного разбирательства дела, начали борьбу. Уже 26 марта бальтрингетцы разрушили и сожгли несколько дворянских замков.

Трухзесс, близ владений которого находились баль-трингенцы, изменил свой первоначальный план и двинулся против них с войском, насчитывавшим до 7 800 человек пехоты и 2 000 — конницы. Неблагоприятные условия местности, неприступность позиции, занимаемой крестьянами, и новые волнения в войске не позволили Трухзессу дать бальтрингенцам решительное сражение. Несколько мелких стычек окончились удачно для крестьян и дали им возможность беспрепятственно отойти за Дунай, к Альпам.

Тогда Трухзесс двинулся на лейпгеймцев, которые в первых числах апреля осадили город Вейсборн, взяли и разграбили богатый монастырь Ротенбург и хитростью завладели городом Гюнцбургом.

С боем продвигаясь вперед, Трухзесс оттеснил крестьян к Лейпгейму и взял город. Якоб Вее и Ульрих Шен, главари лейпгеймского отряда, были пойманы и 5 апреля вечером казнены.

Так вместо обещанного крестьянам разбора их жалоб и удовлетворения справедливых требований начались нападения и казни пленных. Но поражение отдельных крестьянских отрядов еще ничего не решало. В воскресенье *Judica* восстание уже началось почти повсюду, и силы его росли с огромной быстротой. Волновались крестьяне Франконии, мятеж охватил Анспах, епископство Вюрцбургское, Оденвальд.

Во главе восставших оденвальдцев стояли Георг Мецлер и Вендель Гиплер. Последний — дворянин, бывший канцлер графа Гогенлоэ, — сыграл значительную роль в событиях Крестьянской войны. 4 апреля к их отряду присоединились неккарцы с Яклеynom Рорбахом во главе. Так образовался Светлый отряд.

Светлый отряд был грозной силой. Численность его доходила до восьми тысяч человек, у него были пушки и несколько тысяч ружей.

Еще больший страх на окрестных дворян и духовенство наводил Черный отряд роттенбуржцев под командованием Флориана Гейера, который в эти дни действовал совместно со Светлым отрядом. Франконский рыцарь Флориан Гейер был искусным предводителем. Испытанный в боях воин, он долгое время служил при императорском дворе. Несмотря на свое дворянское происхождение, он боролся вместе с крестьянами и не давал пощады представителям своего сословия. «Ни креста, ни короны» — таков был его девиз, и, Следуя ему, он с равной последовательностью разрушал на своем пути как монастыри, так и дворянские замки. Однажды на военном совете крестьян он твердо и определенно высказал свою программу, заключающуюся в том, что дворяне, так же как и попы, должны быть уравнены в правах с крестьянами. Он считал, что в стране должно быть только одно сословие — сословие свободных граждан.

Светлый и Черный отряды двинулись в поход. Они заняли Неккарсульм, но в соседнем Вейнсберге натолкнулись на сильное сопротивление. Город занимал граф Людвиг фон Гельфенштейн с небольшим отрядом. Вейнсберг не представлял большого интереса для повстанцев, но граф фон Гельфенштейн вызвал озлобление крестьян и привлек сюда их войско тем, что вероломно и жестоко расправлялся с попадавшими в его руки повстанцами. В это же время были получены сведения о жестокостях Трухзесса, о поражении лейнгеймцев и казни проповедника Якоба Вее. Эта казнь вызвала возмущение и ярость повстанцев. Восьмитысячное крестьянское войско обложило Вейнс-берег, и после яростного штурма город был взят.

Разгоравшаяся борьба показала, что крестьяне могут ответить на жестокость господ не менее жестокими карами. Возбужденные слухами о жестокостях Трухзесса, сопротивлением и вероломством Гельфенштейна, крестьяне беспощадно расправились с пленными дворянами. Яклеyn Рорбах, без ведома остальных начальников отряда, на свой страх и риск, судил графа и его ближайших приспешников, виновных в изменническом избиении крестьян. Слезы и мольбы графини фон Гельфенштейн,

внебрачной дочери императора Максимилиана, не тронули судью. На предложение графа дать выкуп в 30 тысяч гульденов Рорбах холодно ответил: «Если бы ты нам дал даже две бочки золота, то все же должен был бы умереть». Граф, а с ним еще тринадцать дворян были приговорены к позорной смерти — их прогнали сквозь строй крестьян, вооруженных пиками. Крестьяне первыми же ударами закололи осужденных; излишней жестокости, которой отличались предводители феодальных войск, они не проявили.

Расправа с пленными все же отпугнула Дйорян, сочувствовавших крестьянскому движению, и вызвала колебание со стороны умеренных элементов. Явные соглашатели прямо осуждали казнь врагов, полагая, повидимому, что право на казнь имеют только их господа — феодалы.

Бенделю Гиплеру, человеку умеренному и осторожному казались в одинаковой мере гибельными и радикальные твердые воззрения Гейера, и анархические действия Рорбаха. Гиплер старался внушить крестьянам мысль о необходимости привлечь опытного и известного военачальника, который мог бы твердой рукой вести их к победе и вместе с тем привлек бы на сторону крестьян рыцарство.

Все чаще и чаще стало повторяться имя чрыцаря с железной рукой — Геца фон Берлихингена — как нового военного вождя и союзника в борьбе.

С юношеских лет Гец состоял на службе у различных князей и, наконец, создал свой собственный отряд, с которым промышлял грабежом на больших дорогах. Поражение Зиккингена показало ему, как и всем рыцарям, что на самостоятельную роль в империи рассчитывать нечего. Он считал себя профессиональным воякой и с одинаковой готовностью предлагал свои услуги обоим враждующим лагерям: князьям и крестьянам.

Впервые предложение назначить Геца предводителем об'единенных повстанческих отрядов было высказано по наущению Гиплера на военном совете вскоре после взятия Вейнсберга. После этого Флориан Гейер отделился со своим отрядом от общего войска и повел войну самостоятельно. Конечно, подобное дробление сил не могло способствовать победам крестьян. 24 апреля Гец фон Берлихинген принял командование Светлым отрядом, незадолго перед этим одержавшим крупную победу.

Пленение феодала крестьянами-повстанцами

С гравюры на дереве Шейффелина

Крестьянами был занят имперский город Гейльбронн. С тех пор Гейльбронн стал если не штабом, то главной канцелярией крестьянского войска и местом совещаний представителей всех отрядов.

Вендель Гиплер, как говорит Энгельс, был «представитель, так сказать, средней равнодействующей всех прогрессивных элементов нации, пришел к предвидению *современного буржуазного общества*»^[10]. Взгляды Гиплера с наибольшей полнотой изложены в «Гейльброннской программе», в документе, принятом под его влиянием крестьянскими представителями.

«Гейльброннская программа» содержала в себе ряд антикрепостнических пунктов: «Все поземельные оброки отменяются. Все мыты [межобластные пошлины] и поборы прекращаются, кроме податей, необходимых для мостов, дорог и плотин. Все дороги об'являются военными, все пошлины отменяются. Все налоги отменяются, исключая императорского налога, вносимого раз в десять лет.

Устанавливается единство монеты для всей германской нации, единство меры и веса. Вводится ограничение процентов. Дворянство освобождается от всяких ленных обязательств духовенству. Уничтожаются союзы князей и городов, признается только защита и закон императора. Все светские законы государства отменяются, вводится закон божеский и

естественный. Бедняк должен иметь равные права с богатыми и высокопоставленными лицами. Специальный пункт требовал запрещения допускать докторов римского права в суд или в княжеский совет. Римское право было ненавистно повстанцам, потому что усердно использовалось феодалами против средневековых вольностей крестьянства и для его закрепощения.

Несмотря на свою умеренность, наивность, частичное стремление к восстановлению порядков раннего средневековья, «Гейльброннская программа» предвосхищала многие лозунги буржуазной антикрепостнической революции 1789 года во Франции и революции 1848 года в Германии. Достаточно сказать, что она требовала превращения феодальной собственности в буржуазную и требовала освобождения крестьян. Поэтому, несмотря на всю умеренность, ее надо признать революционной и антикрепостнической. Но даже и эта умеренная программа была неосуществима. «Крестьяне одни не в состоянии были произвести революцию, пока им противостояла объединенная и тесно сплоченная, организованная сила князей, дворянства и городов. Некоторые шансы на победу мог им дать только союз с другими сословиями; но как могли они вступить в союз с остальными сословиями, если они равномерно эксплуатировались ими всеми?»^[11].

Одно крестьянство не могло победить, а настоящих союзников не было. Буржуазия только в следующих столетиях развилась до того, что смогла стать во главе крестьянства (английская революция XVII в. и французская XVIII в.). Предпролетариат, настоящим вождем которого был Мюнцер, не мог стать гегемоном движения, так как еще не вызрел как носитель новых производственных отношений. Утопическо-коммунистическая программа Мюнцера не могла стать программой поработенного крестьянства. Все же революционная партия Мюнцера являлась более крепким и выдержанным ядром повстанцев. Несмотря на свое меньшинство, она была лучшей и наиболее сплоченной частью крестьянских отрядов.

Соглашательская политика вождей крестьянского движения не всегда принималась массами, а часто встречала прямой отпор у повстанцев. Особенно обострялись отношения, когда речь шла о приглашении дворян на военные посты. Правда, крестьяне видели свою военную беспомощность и сознавали необходимость привлечения опытных военачальников, но относились к ним с величайшим подозрением. Так, когда Гиплер настоял на приглашении рыцаря Геца фон Берлихингена на пост главнокомандующего, крестьяне закричали: «У нас крестьянская

война, зачем нам дворяне? Зачем назначать Геца главнокомандующим? Он нам добра не желает. Отчего не повесить его на первом дереве?» Крестьяне с большою готовностью приняли бы кандидатуру Флориана Гейцера, но Гиплер настоял на своем. Однако при Геце был создан особый военный совет, который сильно связывал свободу его действий. Гец оказался у крестьян скорее на положении пленника-специалиста, чем главнокомандующего.

Гиплер рассчитывал, что через Геца ему удастся привлечь к борьбе и недовольные слои дворянства. В этих же целях Гиплер умерил требования «Гейльброннской программы». Вожди Светлого отряда решили к «Двенадцати тезисам» добавить особую декларацию, в которой ряду положений дается более приемлемое для дворян толкование. Но вся эта затея не удалась, — крестьяне оказали решительный отпор.

В то время, когда вожди, представлявшие умеренную партию крестьянского движения, искали соглашения с дворянами, войско Трухзесса неуклонно двигалось по Верхней Швабии, огнем и мечом смиряя недовольство и никому не давая пощады.

Войско Трухзесса не насчитывало и десяти тысяч бойцов, тогда как в отрядах восставших верхнешвабских крестьян было несколько десятков тысяч человек. Зато войско феодалов превосходило отряды крестьян организацией, вооружением и военным опытом.

Крестьянская армия, состоявшая из массы изолированных отрядов и групп, была очень неоднородна. Да и само крестьянство было различно по своему социальному и экономическому положению. Кроме крепостных крестьян, были ленные, оброчные и даже свободные, еще не закрепощенные; среди них — зажиточные и бедняки. Различны были также и настроения в отдельных областях и районах. Замкнутость деревенского хозяйства отражалась на крестьянском движении. По большей части отношение к войне определялось их положением в районе и степенью эксплуатации их феодалами. Отсюда — нежелание бороться и воевать за пределами своего района. Среди крестьян было много элементов, которые пугались настоящей войны, ограничивались вооруженной демонстрацией в особых крестьянских лагерях и пассивным сопротивлением, отказом от выполнения повинностей и барщины. Старая привычка к повиновению тяготела над большинством. В соединении с евангельской идеологией это вызывало излишнее миролюбие и питало веру в возможность соглашения с крепостниками.

Примкнули к крестьянам и многие горожане. Часто целый город вступал в евангелический христианский союз, под знаменем которого

боролись все крестьяне. Но значительная часть горожан вступала в союз с целью уберечь себя от покушений со стороны мятежных крестьян. При первом же испытании они сразу перебежали в противный лагерь. Зато городские низы и люмпенпролетариат дружно присоединялись к восстанию. Из этих элементов и крестьянских бедняков формировались приверженцы крайнего левого крыла — партии Мюнцера. Но бывало и так, что особенно деклассированная часть люмпенпролетариата деморализовала и подрывала дисциплину в крестьянских отрядах.

Присоединились к крестьянам и некоторые дворяне. Но, за исключением отдельных личностей, целиком отдавшихся интересам крестьян, дворяне оказались главными поставщиками соглашательских идей, подрывавших крестьянское движение.

Имелись в отрядах и отдельные ландскнехты, которые сумели военизировать массу крестьян. Но в большинстве ландскнехты оказались вне рядов крестьянского движения, несмотря на волнение среди них и переговоры с крестьянами о готовности включиться в революционные отряды. И большая ошибка крестьян, что ландскнехтов, эту опору князей, сыгравших роковую роль в разгроме крестьян, они не захотели привлечь на свою сторону. Это было сделано отчасти из ненависти к ним как к насильникам и слугам феодалов-крепостников, но главным образом потому, что крестьяне не хотели платить им жалованье и делить с ними военную добычу. В этом сильно проявилась жадность мелкого собственника.

Мятежный отряд

С гравюры на дереве XVI века

Военная организация крестьян была из рук вон плоха: не было единого командования, не было и настоящей воинской организации отрядов, действовали кустарными, партизанскими методами. Дисциплина была слаба. Начальники по большей части были выборными. Когда они потакали большинству отряда, — их слушались, в противном случае — смещали. Действия отрядов часто определялись не начальством, а большинством самого отряда, поэтому проведение крупных боев и операций, требующих согласованности действий, обычно крестьянам не удавалось.

Громя замки и монастыри, крестьянские отряды при встрече с

организованной силой феодалов, с ландскнехтами, как правило, придерживались оборонительной тактики, самой губительной тактики в гражданской войне. Они отсиживались подолгу в лагерях, где быстро поддавались деморализующим влияниям. Страдала крестьянская армия и от недостатка денег, — и это несмотря на многочисленные захваты ценностей в замках и монастырях. Общего военного фонда не было. Захваченные ценности делились между отрядами, а иногда и между отдельными лицами. Часто, конечно, и до официального дележа многие ценности расходились по рукам. Мародеров при плохой организации и слабой дисциплине было много. Крупные ценности, особенно церковные, сейчас же после разгрома по-дешевке распродавались перекупщиками, которые тучами следовали за крестьянскими отрядами. Недоставало ружей, да и владеть ими как следует крестьяне не умели. С артиллерией и артиллеристами также было плохо, нехватало снарядов к пушкам. Артиллерия имелась во многих городах и замках, часто присоединявшихся к крестьянам из страха. Но крестьянские вожди не использовали и не уничтожали ее. А после измены городов и владельцев замков эта артиллерия часто громила крестьянские отряды. Не было у крестьян и конницы, очень многочисленной у дворянского войска. В этом было существенное преимущество дворян.

Недаром называли конницу «крестьянской смертью». Не было организовано и снабжение крестьянских отрядов продовольствием и фуражом. Снабжались большею частью в индивидуальном порядке, кое-как. Это вносило в крестьянские отряды дополнительное разложение.

Войско Трухзесса состояло из закаленных ландскнехтов — лучших солдат эпохи. Кроме того, у него была конница — гроза крестьян. Конные рыцари были частью в латах, необходимых для рукопашного боя. Имелась и значительная артиллерия с опытными, артиллеристами. Во главе стояли командиры с многолетним боевым опытом. Войска отличались дисциплинированностью, единством командования. Трухзесс был неплохой полководец и, кроме того, ловкий дипломат.

Крестьянские отряды, в большинстве своем, не были настолько (боеспособными единицами, чтобы могли в открытом поле помериться силами с привычными к войне войсками Трухзесса.

Не имевшие никакой предварительной военной выучки крестьяне не успевали приобретать ее и в боевой обстановке, потому что личный состав их отрядов подвергался частой перемене. Так, в Светлом отряде срок обязательного пребывания в лагере ограничивался всего четырьмя неделями, после чего крестьяне могли возвращаться домой для полевых и

других хозяйственных работ, а ушедшие заменялись новичками.

И все же крестьянские отряды наводили ужас на князей и дворянство. Это был страх перед революцией и скрытыми в ней могучими силами. Князьями были пущены в ход все средства: хитрость, коварство, измена, подкуп, запугивание, самые зверские расправы с пленными и беззащитным населением. «На войне все средства хороши» — говорит пословица. Этому правилу твердо придерживался полководец об'единенных сил, которые действовали против крестьян. Понятие о воинской чести было из'ято в борьбе с «мужичьем», и никакое предательство и зверство не могло отягчить совести Георга Трухзесса фон Вальдбурга.

Тактика Трухзесса была проста: делая быстрые переходы, он нападал на отдельные крестьянские отряды и бил их поодиночке, всячески препятствуя соединению сил противника. В трудные моменты он прибегал к предательским переговорам, заключал перемирия для того, чтобы немедленно нарушать их, как только обстановка менялась в его пользу, не жалел денег на подкуп главарей.

У Вейнгартена озерный отряд дал Трухзессу решительный отпор. Не успел он еще оправиться от нанесенных потерь, как пришли вести о том, что на подмогу к крестьянам идут восемь тысяч человек из Верхнего Альгеу и четыре тысячи — из Гегау. Трухзессу угрожало нападение двадцатитысячной массы соединенных отрядов. Казалось, игра его была проиграна.

Но вместо того, чтобы ударить на врага и продиктовать свои условия побежденным, крестьяне, по совету нескольких подкупленных вождей, согласились на заключение мирного договора, предложенного Трухзессом. Вейнгартенский договор был заключен 17 апреля.

Мюнцер считал его величайшим несчастьем для народного дела. По Вейнгартенскому договору, крестьяне получали от Швабского союза обещание, что их жалобы будут рассмотрены третейским судом шести незаинтересованных городов. Решения этого суда обязательны и для крестьян и для господ. Но все это обещано было провести в будущем, а в настоящем крестьяне должны были расторгнуть заключенные между ними старые братские договоры и возвратить разграбленное имущество прежним владельцам.

Многие крестьяне понимали гибельность договора и не бросали оружия, но, продолжая оборонительную тактику, ведя переговоры и соглашаясь на Перемирия, сами избавили — Трухзесса от верной гибели и скоро поплатились за это.

Около месяца Трухзесс ограничивался отдельными стычками с

мелкими отрядами и дипломатическими переговорами, вносившими рознь в среду повстанцев Он выжидал. Наконец наступил удобный момент загладить позор, который претерпел Трухзесс под Вейнгартеном, и насладиться местью.

Двенадцатого мая под Беблингеном Трухзесс напал неожиданно на Светлый отряд и разбил его. Бежавших крестьян беспощадно избивали. Страшного Яклеина Рорбаха взяли в плен, приковали к дереву и, обложив дровами, сожгли под насмешки наслаждавшихся зрелищем «благородных» рыцарей.

Между тем крестьянское восстание распространилось далеко за пределы Швабии и Франконии. На западе, в Эльзасе, восстание началось в середине апреля и росло неудержимо, проникнув в Лотарингское герцогство. На юге, в альпийских землях Австрии, крестьяне начали борьбу в епископстве Зальцбургском, но скоро мятеж охватил Штирию, Верхнюю Австрию, Каринтию и Крайну.

На севере мелкие революционные выступления крестьян происходили еще в те дни, когда Мюнцер держал свой обратный путь от швейцарской границы в Мюльгаузен. Проповеди Мюнцера в окрестностях Фульды ускорили открытое возмущение. Сам он вместе с бунтовщиками был арестован бдительными слугами фульдского аббата и брошен в тюрьму.

Но его не узнали, он был освобожден и ушел целым и невредимым. Это была их оплошность, и в ней они горько раскаивались. Ганц Цейс, хорошо осведомленный о своем заклятом враге, доносил 22 февраля: «Уведомляю вас, что Томас Мюнцер был в Фульде, содержался там некоторое время в тюрьме и армштедтский аббат сказал в Шварцбурге, что если бы он знал, что это Томас Мюнцер, то не выпустил бы его».

Когда приблизилось воскресенье *Idica*, восстание в Фульдском аббатстве приняло массовые размеры: до десяти тысяч мятежников расположилось лагерем у стен монастыря. Вскоре — по всему ландграфству Гессенскому бродили группы восставших крестьян. Большой крестьянский отряд занял Шмалькальден и отсюда двинулся к Эйзенаху. Из лагеря под Эйзенахом Мюнцер получил призыв повстанцев притти и помочь им «устроить жизнь согласно евангелию». Но события в Мюльгаузене удерживали его, и он писал: «Мы хотим вам помочь всем, чем можем, но имейте хоть немного терпения, пока мы подготовим ваших братьев, ибо их крайне трудно обучить, так как между ними много серого народа...»

В конце апреля главный город Тюрингии Эрфурт присоединился к движению.

Мюнцер — вождь

Мюнцер весь теперь превратился в пророка революции.

Ф. Энгельс.

(«Крестьянская война в Германии»).

Почти полгода Мюнцера не было в Мюльгаузене. Но разбуженные его революционной проповедью мятежные силы продолжали свою работу. Недолго Пфейфер ел горький хлеб изгнания. Уже в середине декабря 1524 года оппозиция принудила Совет согласиться на его возвращение в город. Мюнцер также мог бы в это время вернуться в Мюльгаузен — почва для этого была подготовлена его ближайшими сторонниками, возглавлял которых скорняк Роте, — но он находился далеко, на юго-западе Германии. Когда же верхне-швабские крестьяне взялись за оружие и стало ясно, что неотвратимо близится день всеобщего восстания, Мюнцер поспешил в Мюльгаузен.

Оппозиционная мюльгаузенская партия крепла и росла в повседневных мелких стычках с городской властью и патрициями. К началу 1525 года авторитет Совета окончательно пал, он перестал быть хозяином в собственном городе. Община ни в чем не доверяла верховной городской власти. Без согласия общины Совет ничего не в силах был предпринять. «Восьмерка» добила даже того, что запасные ключи от городских ворот очутились в ее руках. Патриции почувствовали, что опасность угрожает им и за городскими стенами. Оппозиция могла в любой момент призвать к себе на помощь малоимущих жителей предместий и крестьян, открыв им доступ в город. Несмотря на свои явные симпатии к старой церкви, Совет оказался не в силах бороться с растущим движением масс. Хроники рассказывают о многочисленных случаях преследования католического духовенства, ограбления и уничтожения имущества церквей и монастырей.

Совет вынужден был еще в конце 1524 года запретить католическим монахам совершать богослужение. Монахов выгоняли из монастырей и принуждали снимать свое монашеское платье; тех же, кто не шел на это, высылали из пределов города. Земельные владения мюльгаузенских

монастырей подвергались конфискации, а принадлежавшие им дароносицы, чаши и прочие драгоценности изымались и хранились по описи в Совете или в общественных хранилищах. Привилегии, которыми раньше пользовалось духовенство, фактически были отменены, церковным учреждениям не уплачивали налогов, податей и процентов. В этом, в первую очередь, видна направляющая рука Генриха Пфейфера.

В отсутствие Мюнцера жена его, по свидетельству источников того времени, «подстрекала, насмехалась, собирала сходки», ходила с женщинами по монастырем и церквям Мюльгаузена и вела горячую пропаганду за введение нового богослужения.

Мюльгаузенский совет пытался получить поддержку от имперского правительства для подавления беспорядков в городе. Тайком от общины был отправлен посланец в Нюрнберг к эрцгерцогу Фердинанду, находившемуся там на очередном заседании сейма. Из этой затеи ничего не вышло, так как эрцгерцог успел покинуть Нюрнберг раньше, чем прибыл мюльгаузенский гонец.

Князя, которым принадлежали права надзора за имперским городом, непрерывно получали все новые и новые жалобы мюльгаузенских властей на действия революционных горожан.

Жалобы бесплодно ходили по княжеским канцеляриям, так как князя остерегались применить насилие по отношению к имперскому городу, — слишком сильны были массы, а реакция еще не накопила сил для их разгрома. После неудачных попыток помочь духовенству восстановить свои попранные права и навести в Мюльгаузене обычный порядок герцоги Георг и Иоанн Саксонские решили вызвать в Зондергаузен представителей от Совета и общины Мюльгаузена. Там собирались судить мюльгаузенцев за ограбление доминиканского монастыря и смещение бургомистров, за пропаганду, которая велась в их городе, «по наставлению некоего, кто называет себя Мюнцером и раньше был в Альтштедте», и вызывала волнения в соседних городах и селениях, принадлежащих князьям.

Но этому зондергаузенскому судилищу так и не суждено было состояться. Раньше чем наступил назначенный для него день, началась крестьянская война в Тюрингии.

Князей в первую очередь беспокоило влияние мюльгаузенских проповедников на массы, тот пример революционного действия, который оказывал этот город на их собственные владения. Еще в марте они издали запрещение своим подданным посещать Мюльгаузен и поддерживать с ним какие-либо сношения. Мюльгаузен все больше и больше чувствовал себя осажденной крепостью и готовился к борьбе. В это время, как

рассказывают хроники, в Мюльгаузен стекалась масса чужеземцев-беглецов, изгнанников и авантюристов — людей, пострадавших, недовольных существующими порядками и готовых принять участие в любом мятеже. Многие из них смыкались с революционной партией и увеличивали ее силы. Озлобленные, голодные и полунищие, они с восторгом слушали проповедь о великой борьбе против всех феодалов и богатеев, за всеобщее равенство, и готовились к этой борьбе.

Эти люди находили в Мюльгаузене приют и поддержку, прежде всего благодаря Мюнцеру, который в середине февраля возвратился в город.

Мюнцер сильно изменился за это полугодие: ушел из Мюльгаузена молодой, пламенный искатель высшей социальной правды, а возвратился грозный. пророк революции, непоколебимо верующий в близкое наступление великих революционных битв.

Всеобщая война низов против крепостников отодвигала все другие вопросы на задний план. Могучая энергия Мюнцера отныне направлена на достижение единственной цели, вое он оценивает с точки зрения пользы для дела начавшейся народной революции. Он уже ощущал ее первое дыхание во время своих прежних странствований. Теперь Германия была в огне гражданской войны.

Огромное влияние идей и проповеди Мюнцера на революционные настроения масс, то обстоятельство, что члены созданного им тайного союза во многих местах являлись зачинщиками и руководителями движения, — все это высоко поднимало авторитет Мюнцера среди широких масс крестьянства. К нему обращались с разных сторон за помощью, указаниями и советами. Его ученики и последователи — члены союза — прислушивались к каждому его слову.

Под тяжестью этой ноши Мюнцер казался постаревшим. В его выступлениях исчезает прежний юношеский юмор. Его речи стали суровы, грозны, они гремят, как речи ветхозаветных пророков. Еще в «Твердо обоснованной защитительной речи» к народу обращался не только агитатор, но и спокойный мыслитель, с замечательной ясностью и простотой разоблачавший своих врагов холодным оружием критики. Теперь в речах революционного пророка доминируют слова, разжигающие революционные страсти и вселяющие ненависть к поработителям, — он обращается не к разуму, а к чувству. Он приходит к твердому убеждению, что пора менять «оружие критики на критику оружием».

Сейчас же после возвращения Мюнцера его сторонники обеспечили ему место проповедника в церкви св. девы Марии. Совет пытался воспротивиться этому, но безуспешно. Католическое духовенство было

окончательно изгнано из города, и Мюнцеру было предоставлено жилище в подворье разогнанного ордена иоахимитов. Здесь было не только жилище проповедника, но и штаб вождя.

Мюнцер предвидел, что скоро революционный долг призовет его на поле битвы, и лихорадочно готовился к войне. Прежде всего было заключено соглашение о взаимной помощи с отрядами восставших крестьян. Мюнцер был духовным лицом и политическим агитатором. Военное дело ему не было знакомо, но значение военных знаний и необходимость обучения и вооружения масс для революционных действий он прекрасно сознавал. В подворье иоахимитов он организовал отливку пушек, которыми были впоследствии вооружены крестьяне под Франкенгаузенем. По его инициативе в Мюльгаузене создали городское ополчение и приступили к военному обучению горожан. Зачем готовилось мюльгаузенское войско — хранилось в строгом секрете. В целях конспирации Мюнцер и Пфейфер заверяли, что они вооружают горожан по призыву князей. На самом же деле Мюнцер стремился создать хорошо обученный, преданный революции отряд, который мог бы по своим качествам соперничать с княжескими войсками и в дальнейшем явиться стойким ядром крестьянского войска. Военные упражнения происходили на поле между городом и селением Аммара под руководством пяти опытных в военном деле ландскнехтов.

Девятого марта на поле шло обучение наскоро собранного мюльгаузенского ополчения. Мюнцер, стоя в отдалении, внимательно следил за военными упражнениями и радовался достигнутым успехам. Наконец утомленные ополченцы расположились на отдых. В этой массе вооруженных людей были члены тайного союза, были верные Мюнцеру люди. Но каково настроение отряда в целом? Пойдет ли отряд за ним в решающие дни, когда он откроет истинную причину этих спешных приготовлений? Эти вопросы не выходили из головы Мюнцера. Он сел на коня, под'ехал к отдыхавшим людям и произнес речь.

Вначале он говорил о том, что в равной мере могло затронуть всех горожан, независимо от их социального и имущественного положения. Он сообщил им, что имперское правительство, находившееся в Эслингене, прислало приказ с требованием возвратить в Мюльгаузен всех изгнанных монахов и возместить им протори и убытки, причиненные мюльгаузенцами. Справедлив ли такой приказ властей?

Это сообщение вызвало удивление, гнев и возмущение слушателей. Из рядов раздавались угрожающие выкрики, многие потрясли своим оружием.

Довольный началом, Мюнцер продолжал. Он обличал императора и князей — заклятых противников евангелия, возбуждал и ободрял своих слушателей тем, что скоро эти угнетатели будут свергнуты и изгнаны своими собственными подданными.

И среди наступившей тишины он потребовал от горожан, чтобы те из них, которые готовы умереть за слово божие и принести в этом клятву, подняли бы палец кверху. Малодушные же пусть выйдут вон из круга.

В толпе воцарилось замешательство. Несомненно, многие горожане вовсе не сочувствовали столь решительным взглядам, многие боялись даже подумать о восстании против князей и императора. Горячая и неожиданная речь Мюнцера смутила их. Его сторонники убеждали колеблющихся и угрожали тем, кто пытался возражать. Момент был решительный. Вдруг заговорил городской старшина Эбергард фон Бодунген. Он не выступил открыто против Мюнцера — это было слишком опасно, — а новел речь хитро и осторожно. Бодунген заявил, что нет необходимости приносить такую клятву, ибо никто из мюльгаузенцев не будет столь неразумен, чтобы не встать на защиту божьего слова. В ответ на протест Мюнцера старшина насмешливо воскликнул: «Дорогие сограждане, если вы недостаточно давали клятв и обетов, то пусть каждый из вас принесет их еще с целый короб и повесит его на шею. Дело же Мюнцера — проповедывать в церкви, а не в поле». В настроении толпы произошел перелом. Люди разошлись, хотя и с неохотой. Призыв Мюнцера встать на защиту угнетенных и эксплуатируемых — остался без ответа. Мюльгаузенские ремесленники готовы были до конца драться за свержение местной власти патрицианской партии, но подняться во имя общих целей движения — в этом они не видели никакого интереса.

Вечером того же дня в городе произошли новые революционные выступления, закончившиеся разгромом и ограблением монастыря, что у городского моста. На этот раз не помогли уговоры старшины Эбергарда фон Бодунгена — его никто не хотел слушать.

Через несколько дней старый Совет вынужден был сложить свои полномочия. 17 марта 1525 года городом стал управлять новый, так называемый «Вечный совет», в подавляющем большинстве состоявший из сторонников партии Пфейфера. О «Вечном совете» Зиттих фон Берлепш презрительно говорил, что «все его члены вместе взятые не имеют имущества и на три тысячи флоринов».

Мюнцер и Пфейфер не входили в состав Совета, но это несколько не уменьшало их влияния на городские дела. Пфейфер являлся бесспорным главой победившей партии, поэтому с ним должны были считаться. За

Мюнцером же шли наиболее радикальные городские элементы.

Враги Мюнцера позднее пытались приписать ему роль полновластного хозяина в городе. Лютер говорил; «Мюнцер царь и повелитель Мюльгаузена». На самом же деле это было вовсе не так.

Недавно еще, когда шла борьба за власть, Пфейфер был послушным учеником и последователем Мюнцера; выступая тогда с проповедью, он порицал порок любостяжательства и стоял за отказ от земных благ. Амтман Зиттих фон Берлепш доносил герцогу Георгу: «Они учат, что для достижения вечного блаженства необходимо уничтожить идолов в собственных жилищах, особенно богатую посуду на стенах, драгоценные украшения, серебряные вещи, и отдать накопленные деньги». Это производило сильное впечатление на беднейшую часть населения.

Когда же Пфейфер захватил власть, он не мог и не хотел идти в своих преобразовательных мероприятиях так далеко, как требовал Мюнцер. Пфейфер был только поборником буржуазной местной городской революции, и не больше. Средневековая ограниченность, нежелание выйти за пределы своего района, города, — черты, характерные для людей той эпохи и участников крестьянского восстания, — особенно отличали Пфейфера. Мюнцер же был не только носителем идей предпролетарских слоев Мюльгаузена, но в первую очередь боролся за революцию в общегерманском масштабе.

Все это неизбежно определяло крайнюю запутанность и двойственность социального порядка и взаимоотношений, которые в дальнейшем воцарились в городе. Эти., противоречия не были разрешены, так как общегерманские события заставили Мюнцера и его наиболее преданных последователей вскоре покинуть город для смертельной схватки с феодалами.

Генрих Цейс в эти дни писал: «В Мюльгаузене происходят странные вещи». Действительно, странные вещи творились в городе.

Меланхтон, глубоко ненавидевший Мюнцера и его учение, написал книгу о своем враге и так говорил в ней о новом строе в Мюльгаузене: «Это было началом нового христианского управления. После этого они изгнали монахов, упразднили монастыри и их имущества; там, между прочим, иоахимиты имели большое подворье и крупные доходы. Подворьем этим завладел Томас... Он учил также, что все имущество должно быть общим, как написано в Деяниях апостольских, где рассказывается, что апостолы соединили свои имущества. Благодаря этому чернь сделалась так дерзка, что не желала больше работать. Когда кому-либо нужен был хлеб или сукно, он шел к одному из богачей и требовал, чтобы ему дали нужное,

основываясь на праве христианина, ибо Христос учил, что надо делиться с нуждающимися. А когда богач не давал добровольно, что у него требовали, то требуемое отнималось силою. Это случалось часто; так поступали и те, которые жили у Томаса в подворье иоакимитов».

Конечно, в — этом описании мюльгаузенских событий Меланхтон уклоняется от истины. Ему нужны были преувеличения, чтобы сделать имя Мюнцера страшным и ненавистным не только князьям, дворянству и богачам, но и всем людям, владеющим мелкой собственностью.

В иоакимитском подворье была организована коммуна из трехсот человек. Она существовала не только от трудов своих членов, но и за счет церквей и монастырей, имущества которых в эти дни представляли ничейное достояние. Мюнцеровская коммуна просуществовала около двух месяцев. Для бедняков были отведены земли духовенства, была провозглашена общность имущества, обязанность всех работать и упразднение всякого начальства. Но такая организация общества не распространялась на весь город. Главою бюргерского большинства был Пфейфер, который не разделял мюнцеровских «еретических» идей. «В действительности же Мюльгаузен остался республиканским имперским городом, с несколько демократизированной конституцией, с избираемым всеобщей подачей голосов и находящимся под контролем народного собрания сенатом и с наспех импровизированной организацией натурального обеспечения бедных. Общественный переворот, казавшийся протестантским буржуазным современникам столь ужасным, в действительности никогда не выходил за рамки слабой и бессознательной попытки преждевременного установления позднейшего буржуазного общества»^[12].

Сам Мюнцер видел, конечно, какая пропасть лежит между его коммунистическими стремлениями и реальной действительностью. Поэтому он, хотя и уделял внимание коммунистической общине, центр тяжести всей своей деятельности направил на борьбу с феодалами и крепостниками. В письменных воззваниях к восставшим крестьянам Мюнцер почти ничего не говорит о коммунизме, а обращается с такими словами и лозунгами, которые лучше всего и скорее могут их двинуть на беспощадную борьбу с феодалами. Пребывание Мюнцера в Мюльгаузене сделало этот город центром тюрингенского восстания.

Всего полгода назад крестьяне предали революционное движение в Мюльгаузене. Теперь возникшие в Швабии волны крестьянского мятежа докатились до севера Тюрингии. Крестьянство в ближайших к Мюльгаузену районах было вовлечено в революцию. Сведения,

получаемые гессенскими и саксонскими князьями о положении в их владениях, делались все более и более тревожными.

Жители деревни Нидеридорга, что вблизи Мюльгаузена, отказали гессенскому амтману Христиану Шмальштиц в уплате податей и налогов. На повторные требования амтмана они ответили, что только бог их господин и никакому другому господину они не желают быть послушными. Рыцарь Ганс фон Берлепш доносил герцогу Георгу о революционных волнениях в Зеебахе. Совет Нордгаузена жаловался шварцбургскому графу на его подданных, наносящих ущерб городу. Эрфуртцы были обеспокоены «восстанием крестьян и неповиновением многих горожан».

Двадцать третьего апреля 1525 года большие толпы крестьян собрались в местечке Кронберг, в нескольких милях от Мюльгаузена, а 25-го вспыхнуло восстание и в Лангельзальце. Мюнцеровские эмиссары бродили по стране, они разносили его письма как в близлежащие города и селения, так и в отдаленные местности страны.

Существуют свидетельства, подтверждающие его непрерывную письменную связь с отдаленной Швабией. В. Циммерман в своей «Истории крестьянской войны в Германии» сообщает: «Хотя его [Мюнцера] не было в этой местности [Клетгау] и он отправился в Тюрингию, где жил в Мюльгаузене, он все-таки писал сюда письма своим доверенным и непрестанно разжигал беспокойных людей и восстанавливал их против их господ и начальников. А незадолго до вспышки крестьянского восстания в ландграфстве и в окрестных странах он разослал туда нарочных с письмами и чертежами, на которых была изображена величина ядра и калибр тех орудий, которые были уже отлиты для целей восстания в Мюльгаузене. Этим он успокаивал и ободрял сомневающихся».

В эти дни внимание Мюнцера было сосредоточено главным образом на организации восстания в родной Тюрингии. Нужна была поистине титаническая энергия, чтобы поднять крестьянские массы Тюрингии, разжечь в них боевой дух и научить их с оружием в руках отстаивать свои интересы. В. Циммерман говорит об этом так: «Он превосходно знал большую часть своих тюрингенцев: то были не швабы, следовавшие с самой юности за знаменем и выросшие среди войн, то были не франконцы, составлявшие черную рать Флориана Гейера, не стрелки из Альп и Эльзаса. Их постоянным делом было с трудом вымогать у скудной почвы жалкое пропитание, единственными привычными орудиями их были лопаты и заступ»...

Письма Мюнцера к крестьянам, находившимся в лагере под Эйзенахом, говорят о том, как слабо теплилось в умах крестьян осознание

их классовых интересов и каких трудов стоило Мюнцеру преодолеть нерешительность и страх крестьян перед господами и найти точку опоры, чтобы сбросить власть тюрингенских угнетателей.

Взоры Мюнцера обратились к северо-востоку. Там в горах жили суровые и вольнолюбивые рудокопы. Эти люди давно разуверились в справедливости и доброте своих господ. Они по собственному опыту знали, что вырвать у них какие-либо уступки можно только силой и что сила прежде всего в единении. Привычные к оружию, они не боялись борьбы и умели постоять за свои интересы. Присоединение горнорабочих к восставшим массам крестьян и плебеев могло иметь решающее значение для успеха движения в Тюрингии.

У Мюнцера складывается ясный план революционной борьбы. Главная задача теперь — поднять восстание в горных округах и создать из горнорабочих головной отряд революции.

Призыв Мюнцера к горнорабочим звучит, как набатный колокол. Вот что пишет он своим единомышленникам в Мансфельдском округе — Варфоломею, Балтазару и другим, повелевая передать это письмо их «товарищам — горцам»:

«Дорогие братья, как давно вы уже спите. Вы забыли волю божью, говоря, что бог забыл вас. Но разве не учил я вас много раз, что так и должно быть... Вы сами должны быть стойки. В противном случае напрасны все ваши раздирающие сердце жертвы. Вы должны будете претерпеть еще страдания. Если не захотите пострадать по божьей воле, то пострадаете по воле дьявола. Опасайтесь этого. Не унывайте, будьте добры! Не льстите безумным мечтателям и безбожным злодеям. Боритесь за дело и выходите на борьбу. Время настало... Вся Германия, Франция и Италия уже поднялись. На святой неделе разрушены четыре монастырских церкви на Фульде. Крестьяне Клетгау, Гегау и Шварцвальда восстали в числе 30 тысяч, и рать их прибывает с каждым днем. Я боюсь только, чтобы глупых людей не увлекли — фальшивыми договорами, в которых они не разглядят злого умысла. Так за дело! За дело! Пора, злодеи трусили, как псы. Возбуждайте ваших братьев к согласию и уговаривайте их снаряжаться. Давно, слишком давно пора, скорей же, скорей за дело, за дело! Не поддавайтесь, если даже враги будут обращаться к вам с добрым словом. Не трогайтесь бедствиями безбожников. Они будут молить вас и плакать перед вами, как дети, но не жалеете их. Возбуждайте села и города, в особенности же горцев и других добрых людей. Мы не должны более спать. Смотрите, пока я писал эти слова, ко мне пришло известие из Зальца, что народ хотел выбросить из замка амтмана герцога Георга за то, что он

замышлял тайно погубить троих. Крестьяне Эйхсфельда справились со своими дворянами, они не хотят жить их милостью. (о всех сторон перед вами много примеров, принимайтесь газа дело. Нора, Балтазар и Бартель! Крумпф, Фельтен и Вишоф, беритесь каждый за свою работу. Передайте это письмо вашим товарищам горцам. Хотел бы так наставить всех братьев, чтобы их мужество было тверже всех замков безбожных злодеев во всей стране. За дело! За дело! Железо горячо, куйте его! Пусть ваши мечи не остывают от теплой крови! Пока злодеи живы, вы не освободитесь от человеческого страха. Вам нельзя говорить о боге, покуда нами управляют. Итак, за дело, покуда еще не ушло время. Вами предводительствует бог, следуйте за ним... Не ваша идет война, а господня. Не страшитесь же и вы людей, а веруйте, крепко веруйте в бога, — он подкрепит вас. Томас Мюнцер, божий воин против безбожников».

Зов Мюнцера был услышан. Его письмо оказало сильное влияние на мансфельдцев. Вскоре в мансфельдском графстве начались волнения. Революционное движение перекинулось в горные округа Мейсена. В рудных горах в апреле горнорабочие бунтовали вместе с крестьянами.

Но пока эти восстания носили еще местный, ограниченный характер. Вопрос же шел о том, чтобы горнорабочие почувствовали свою кровную связь со всеми угнетенными, восставшими против эксплуататоров, слились воедино с крестьянской и городской повстанческой массой и бросили свои силы на решающие боевые участки.

Битва при Франкенгаузене

А маю 1525 года пожар Крестьянской войны охватил почти всю Германию.

Глава «Римской империи германской нации», император Карл V был далеко, отвлеченный от немецких дел интересами своей международной политики. 24 февраля он одержал победу при Павии над своим исконным соперником — французским королем Франциском, бесславно попавшим к нему в плен. Англичане не страшны больше императору, если повержен в прах их союзник — Франция. Папа вынужден будет безропотно склониться перед победителем. Но раны, полученные империей Карла в пятилетней борьбе с Франциском, слишком тяжелы. Заключение мира затягивали продолжавшиеся интриги Англии и папы. Чтобы воспользоваться плодами своей победы, императору нужно продолжать войну, а для этого нет ни денег, ни войска. В это время ему было не до внутренних дел Германии.

Имперское правительство, возглавляемое братом императора эрцгерцогом Фердинандом, без войска, без денег, не имеющее и тени реальной власти, ничего не могло самостоятельно предпринять для подавления восстания. Имперское рыцарство, недавно понесшее тяжкое поражение при попытке вернуть былую мощь, также было не в состоянии противостоять напору волнующихся крестьянских масс.

Только князья обладали реальной силой, которая могла поддержать поколебленный исконный порядок в Германии. Религиозная распря проникала и в среду князей, но перед общей страшной опасностью религиозные разногласия были забыты, и князья об'единились, чтобы обрушить свои мечи на головы непокорных подданных. Устрашенные взрывом народных страстей, к князьям примкнули все реакционные элементы нации. Швабский союз, возглавляемый герцогами баварскими, первый собрал свои силы и приступил к подавлению восстания.

Крестьянское движение приняло уже грандиозные масштабы. Все здание феодализма содрогалось под его мощными ударами. Войскам князей нужно было нанести крестьянам решительное поражение. Но страх еще сковывал инициативу реакции. Поэтому вожди и идеологи феодалов и абсолютизма чаще предпочитали в отношении крестьян миролюбие и были склонны к уступкам. Это «миролюбие» являлось могучим средством разложения и раскола неоднородной восставшей массы. Для умеренной части повстанцев мирные речи и предложения феодалов были лишним

поводом нажать на революционную часть крестьянского войска в целях прекращения военных действий.

Еще около 20 апреля Лютер опубликовал «Увещание к соблюдению мира по поводу двенадцати статей крестьян в Швабии», — в котором реформатор не примыкает ни к одной стороне; он надеется на мирный исход. «Увещание» начинается с выражения надежды, что все уладится, если крестьяне отнесутся серьезно к своим «Двенадцати тезисам» и если они не захотят большего. Чтобы поднять свой авторитет в глазах восставших, Лютер нападает на врагов евангелического учения: «Никто на свете не был в такой мере причиной настоящих беспорядков и возмущения, как вы, князья и господа, особенно же вы, ослепленные епископы, сумасбродные попы и монахи... Меч приставлен к вашему горлу, вы же все еще думаете, будто так крепко сидите в седле, что никто не может вас выбить из него. Эта уверенность и ожесточенная самонадеянность приведут вас к тому, что вы сломите себе шею, вы это увидите. Знайте, бог сделал так, что народ не может и не хочет дольше терпеть вашего злодейства. Вы должны измениться и следовать слову божиему; если не сделаете этого добровольно и охотно, то должны будете сделать по принуждению и с потерями для себя... Против вас, господа, восстали не крестьяне, а сам бог, который хочет наказать вас за ваши злодейства»...

О ком же заботится «миротворец»? Об угнетенных? Нет, он просто увещевает князей в их собственных интересах пойти на уступки крестьянам. Дело не в справедливости, а в благоразумии и осторожности. Он признает, что тирания необходима, но она стала уже слишком невыносимой. «Я с добрым намерением советовал бы выбрать из среды дворян несколько графов и господ, от городов — несколько советников и обсудить и уладить дело мирным путем. Вы, господа, должны оставить свое высокомерие; все равно, добровольно или нет, вам придется расстаться с ним, вам надо бы несколько ограничить свою тиранию и свой гнет, чтобы бедные люди также получили достаточно места и воздуха для жизни. С другой стороны, крестьяне дали бы себя уговорить и отказались бы от некоторых тезисов, пред'являющих слишком большие требования, так что дело хоть и не было бы сделано по-христиански, но все-таки было бы улажено по законам человеческим... Итак, совесть моя спокойна, потому что я дал вам христианский и братский совет. Дай бог, чтобы совет этот помог вам. Аминь».

Его благодетель и хозяин курфюрст Фридрих почти в то же самое время писал своему брату герцогу Иоанну: «Ужасно плохо, что приходится действовать насилием. Бедным людям, пожалуй, дали повод к этому

возмущению, особенно запрещением пользоваться словом Божиим. Бедные во многих отношениях терпят от нас, духовных и светских властителей. Да отвратит бог свой гнев от нас. Если бог захочет, то может случиться, что править станет народ». В это время восстание в Саксонии еще не достигло своего высшего развития. Фридрих мог надеяться, что путем ловких маневров ему удастся отвратить от своих земель «чашу сию». Тогда ему представилась бы возможность показать всем, как при его мудром правлении и покровительстве новому учению в Саксонии все идет хорошо, а у католиков, баварцев и других — плохо. Кроме того Фридрих, вовсе не самый милостивый, а просто самый расчетливый из князей, не мог не понимать, что лишь левой фразеологией и временными уступками можно лучше всего разложить единый фронт революционного движения.

Лживые речи Лютера действовали на умеренное крыло восставших. Крестьянские вожди во главе с Гиплером пытались привлечь не только дворянство и народ на сторону крестьян, но и самого Лютера. Однако в решительный момент Лютер окончательно занял сторону князей-абсолютистов. Его позиция была уже ясна в тот день, когда исчезли надежды на мирный исход. Еще в «Увещании» есть слова, которые изобличают мнимого защитника «бедных людей» — Лютера. «Оставьте вы, — обращается он к крестьянам, — в покое имя христианина и не, делайте из него покров для своих позорных предприятий, свидетельствующих об отсутствии в вас терпения, миролюбия, христианства; этого я не потерплю и не допущу с вашей стороны. Итак, ваше прозвище и звание должны быть и будут такие: вы люди, которые борются потому, что не желают, да и не должны терпеть несправедливости и зла, как этого требует природа». Этим Лютер заранее отгораживался от революционного движения крестьян. Он об'являл их борьбу не христианским делом. Он заранее развязывал руки, чтобы в решительный момент во имя божественной справедливости благословить князей на кровавую расправу с крестьянами.

Его увещания не произвели никакого впечатления. Крестьяне становились смелее, требования их революционнее. 5 мая умер курфюрст Фридрих. Наследовавший ему герцог Иоанн, так же как и другие могущественные князья Средней Германии, — ландграф гессенский Филипп, герцог саксонский Георг, — не думали о каких-либо уступках крестьянам. Они готовились огнем и мечом принудить крестьян к повиновению. Было очевидно, чего ожидают от Лютера его покровители. К этому еще прибавилось оскорбленное самолюбие Лютера. Когда он предпринял агитационную поездку в Гарц и Тюрингию, народные массы не хотели его слушать. Во время проповедей над ним насмеялись, ему

угрожали. Лютер же любил почет — «глубоко затаено в душе нашей желание, чтобы люди благоволили к нам», — говорил он, а «бедный люд» не желал признавать его авторитета.

Не успели предать земле останки умершего в Лохау Фридриха, как Лютер сказал свое последнее слово в сочинении «Против убийственных и разбойничьих шаек крестьян» — в самом, может быть, мрачном, кровожадном и циничном произведении этого сурового и беспощадного времени. Он откровенно звал князей, дворянство и всех своих единомышленников в новый крестовый поход, цель которого — поголовное истребление бунтовщиков.

«Всякий, кто в силах, должен помогать душить и резать явно и тайно, всякий должен думать, что нет ничего более ядовитого, вредного и дьявольского, чем восставший человек. Он подобен бешеной собаке, которую надо убивать. Если ты не убьешь ее, то все равно она искушает тебя и целую страну... Поэтому теперь нельзя дремать. Теперь не нужны терпение и милость, теперь время меча и гнева, а не милосердия. Кто падет, сражаясь за власть, тот будет мучеником перед господом... Умирающие же на стороне крестьян обречены на вечные муки ада... Теперь настали такие странные времена, что князь лучше может заслужить царствие небесное кровопролитием, чем другие молитвами... Пусть всякий, кто в силах, режет, бьет и душит».

И тут Лютер во всеуслышание заявил, чьей революционной деятельности он больше всего боялся и кого он больше всего ненавидел. Это к Мюнцеру относятся слова его: «Они творят дело дьявола, особенно же отличается архидьявол, царствующий Мюльгаузене и учиняющий только разбой, убийства и кровопролитие. О нем именно Христос и сказал, что он убийца искони».

Устами Лютера господствующие классы признал Томаса Мюнцера самым опасным и грозным врагом. Это означало, что отныне Мюнцер объявлен вне закона и нечего ему ждать пощады. Лютер преувеличивал свою роль в подавлении крестьянского восстания, хвастливо утверждая, что он «в восстании убил всех крестьян, ибо велел их умерщвлять. Вся кровь их на мне». На самом деле Лютер только покорно выполнял волю своих титулованных хозяев и в нужный момент возвестил последователям своего религиозного учения, что творимые князьями гнусности есть прямой путь к достижению царства небесного.

Князья Средней Германии взяли за оружие много раньше, чем раздался воинственный клич Лютера. После недолгой растерянности перед лицом крестьянского восстания, быстро разросшегося до грозных

размеров, первым начал действовать двадцатилетний гессенский ландграф Филипп. Около 25 апреля он собрал в Альсфельде своих вассалов и отряды из принадлежащих ему городов. С этим войском, насчитывавшим не более двух-трех тысяч человек, он быстро усмирил повстанцев в своих владениях. 3 мая Филипп появился в Фульдском аббатстве, где под Фрауенбергом расположился десяти тысячный крестьянский отряд. Повстанцы заперлись в городе и мужественно защищались. Но артиллерия ландграфа причинила столь тяжкий урон городу, что горожане предали своих союзников и сами отворили ворота гессенцам. Большая часть крестьянского войска разбежалась, а главари: Ганс Дальгонт — часовых дел мастер, Генье Вильке, Иоганн Кугель с полутора тысячами крестьян укрылись во рву замка. Их взяли измором после трехдневной блокады. Предводителей отряда ландграф приказал обезглавить. Их головы, воткнутые на колья, были выставлены у ворот замка для устрашения мятежного населения.

Предприимчивый ландграф воспользовался своей первой крупной победой, чтобы устроить свои личные дела. Он наложил на Фульдское аббатство значительную контрибуцию и превратил его в свой лен, тогда как до этого гессенские ландграфы сами являлись ленниками аббатства. Окрыленный удачей, Филипп двинул свое войско дальше, на Шмалькальден, Эйзенах и Лангезальц. В пути его настигла тревожная весть — Мюнцер, во главе большого крестьянского отряда приблизился к границе Мансфельдского горного округа. Грозил восстание рудокопов и присоединение их к крестьянским отрядам.

Тогда Филипп, не теряя ни часа, быстрым маршем двинулся к Франкенгаузену. Он спешил, забыв всякую осторожность. Прошел между мятежными Мюльгаузенем и Эрфуртом, рискуя подвергнуться нападению с флангов, и потом, с еще большим риском, оставил их у себя в тылу. Он учел обычную тактику крестьян драться только в своей области и их неспособность к об'единенным действиям. Этот характер крестьянской тактики, не раз спасавший княжеские войска, спас и Филиппа. Его смелый маневр вполне удался, и он беспрепятственно достиг Франкенгаузена.

Мюнцер до конца апреля не покидал Мюльгаузена. Партия Пфейфера непрочь была принять участие в погромах окрестных монастырей и рыцарских замков и отомстить надменным дворянам и прелатам. Мюнцер пытался всячески удерживать ее от этого — не время было размениваться по мелочам. Но Пфейфер вышел из повиновения и во главе мюльгаузенского ополчения двинулся в поход по Эйхсфельду, разорил ряд церквей, монастырей, замков и вернулся с богатой добычей.

Мюльгаузенским горожанам понравилось это, и Пфейфер продолжал делать набеги на окрестности. Мюнцер, в свою очередь, выступил со своим отрядом в Лангезальц, где его встретили сочувственно. Оттуда он прошел в Тунгеу, Гейлигенштадт, Дудерштадт. Но его экспедиция носила агитационный характер, тогда как Пфейфер занимался погромами с дележкой добычи, что гораздо больше привлекало большинство горожан.

В Мюльгаузен доходили тревожные вести о походе гессенского ландграфа и о военных приготовлениях саксонских князей. В то же время под Франкенгаузенем образовался большой крестьянский лагерь. Мюнцер решил двинуться к Франкенгаузену, рассчитывая, что ему удастся ускорить присоединение мансфельдских горняков к восставшим крестьянам. Но тут Пфейфер отказался последовать за Мюнцером, а за Пфейфером стояло большинство горожан. Напрасно Мюнцер ссылался на полученное свыше откровение, что с восходом солнца мюльгаузенцы должны последовать за ним. Бюргерская партия Пфейфера выше всего ставила свои узкие, местные интересы. Кроме того слухи о расправах ландграфа над Фульдой и Эйзенахом внушали ей страх. Так же безуспешно пытался Мюнцер убедить эрфуртцев присоединиться к нему. Он писал в Эрфурт: «Сам бог повелевает вам собраться и вооруженной силой восстать против безбожных тиранов. В писании сказано, что сила дана будет простому народу. Все тексты писания показывают, что всякая тварь должна быть свободна, когда будет водворено слово божие. Если вы желаете стать за истину, присоединяйтесь к нам. Вам воздастся сторицею за помощь, которую вы окажете теперь бедному христианству».

Мюнцер, очевидно, был плохо осведомлен о положении дел в Эрфурте. Там победили самые умеренные элементы, относившиеся с недоверием к восставшим крестьянам. Обращения к другим городам также не дали никаких результатов.

В сопровождении всего трехсот ближайших верных сторонников Мюнцер выступил из Мюльгаузена и двинулся на север.

В Мансфельде дело обстоит так. Один из братьев правителей, граф Эрнст, живший в Гельдрунгене, открыто враждовал со своими крестьянами. Граф Альбрехт фон Мансфельд придерживался другой тактики. Хроника говорит о нем: «Крестьяне восстали также и в графстве Мансфельдском. Граф Альбрехт Мансфельдский очень затруднял их движение, ибо он приложил все старания и надавал рабочим разных обещаний, чтобы удержать их в графстве и не дать им уйти в лагерь к восставшим крестьянам». Пообещал он и крестьянам обсудить вместе с ил уполномоченными выдвигаемые ими требования, а сам тем временем

вооружился. Вскоре его войска заняли все дороги, которые вели к горным районам, что и прервало их связь с крестьянами.

До прибытия Мюнцера во франкенгаузенский лагерь хитрый Альбрехт уже дважды оттягивал начало переговоров с крестьянами. Не решаясь вступить в борьбу с расположившимся под Франкенгаузенем восьмитысячным крестьянским отрядом, мансфельдские графы ждали прибытия войск ландграфа и герцога, чтобы с их помощью наверняка разгромить повстанцев.

Мюнцер разгадал вражеские замыслы. Он знал, что его хотя и многочисленным, но непривычным к войне тюрингенцам трудно тягаться с соединенными «илами князей. Поэтому надо было во что бы то ни стало ускорить столкновение с мансфельдцами и разбить их до прихода ландграфа. Мюнцер без устали агитировал. Он раз'яснял крестьянам, что граф Альбрехт бессовестно обманывает их пустыми обещаниями, а сам тайком готовит нападение. Пора потребовать к ответу врагов народа. Промедление — смерти подобно, бесполезно ждать господских милостей, надо самим принудить их к исполнению народных требований.

Видя нерешительность большинства крестьян, Мюнцер стремился разжечь гнев князей и заставлял их обнажить оружие. Пусть крестьяне сами убедятся в действительной цене их мнимого миролюбия. С этой целью он посылает графам Альбрехту и Эрнсту беспримерно дерзкие и вызывающие послания. Он писал Альбрехту: «Страх и трепет да охватят всякого, кто делает зло; мне жаль, что ты так сильно злоупотребляешь посланием Павла. Ты хочешь оправдать этим злодейство властей, подобно тому как папа превратил Петра и Павла в палачей. Разве ты думаешь, что бог не может поднять свой неразумный народ, дабы свергнуть во гневе тирана? Не о тебе ли и тебе подобных мать Иисуса Христа говорила, пророчествуя от духа святого: «Он свергнул могучих с престола и возвысил низких, презираемых тобой». Разве твоя лютеранская и виттенбергская размазня не научила тебя, о чем пророчествует Езекииль в 37 главе? Не раскусил ты разве, водя компанию с Мартином, что тот же самый пророк говорит в 39 главе, что бог требует от всех птиц поднебесных, чтобы они клевали мясо князей, и от всех неразумных зверей, чтобы они пили кровь богачей, как сказано в Апокалипсисе (18 и 19). Неужели ты думаешь, что вы, тираны, ближе к богу, чем его народ? Ты хочешь, прикрываясь именем Христа, быть язычником и прятаться за Павла. Но знай, что тебя поймут, и сообразуйся с этим. Если ты хочешь признать, что бог дал власть народу, если ты явишься перед нами и изменишь свои убеждения, то мы охотно примем тебя и будем считать тебя наравне со всеми прочими братьями.

Если же нет — там мы не посмотрим на твою глупую, кривую рожу и будем бороться против тебя, как против злейшего врага христианской веры. Прими это к сведению и руководству. Томас Мюнцер с мечом Гедеона. Писано в Франкенгаузене, в пятницу 12 мая 1525 года».

В тот же день было послано письмо к графу Эрнсту, в котором Мюнцер угрожает правителю низложением и казнью.

«Несчастный... ты должен покаяться... Ты, ручаюсь тебе, можешь безопасно явиться к нам, чтобы высказать свое убеждение. Это обещано тебе на собрании всей общины; ты должен извиниться в своем явном злодействе и указать, кто довел тебя до того, что ты, в ущерб всем христианам, прикрываясь христианским именем, хочешь быть таким язычником-злодеем. Если ты не явишься и не исполнишь возложенного на тебя, то я буду кричать на весь мир, что все братья могут со спокойным сердцем идти на борьбу. Тогда тебя станут преследовать и уничтожат. Если ты не смиришься перед малыми сими, то я скажу тебе: вечный живой бог повелел свергнуть тебя с престола, данного нам властью, ибо ты не приносишь пользы христианству. Ты — вредное орудие против друзей божиих. О тебе и тебе подобных бог сказал, что гнездо твоё должно быть вырвано и уничтожено. Мы требуем ответа ещё сегодня. Если ты его не дашь, мы нападём на тебя во имя бога бра ни. Мы немедленно сделаем то, что повелел нам бог, делай же и ты все, что можешь. Я кончаю».

Мансфельдские графы продолжали ждать помощи и избегали столкновений. Мюнцеру также не удалось двинуть свое войско на Гельдрунген. Благоприятный момент был упущен. Через два дня нападать было уже поздно, речь могла идти только о самозащите.

Четырнадцатого мая к Франкенгаузену подошли войска ландграфа Филиппа и герцога Генриха Брауншвейгского, а пятнадцатого герцог Георг Саксонский привел новые подкрепления.

Среди многочисленных битв восставших крестьян с княжескими войсками сражение при Франкенгаузене не было ни самым грандиозным по количеству участвовавших в нем сил противника, ни самым упорным, ни самым существенным в отношении непосредственного овладения каким-либо центром движения. И все же именно на франкенгаузенском поле решилась судьба Великой крестьянской войны.

Победа повстанцев при Франкенгаузене могла вовлечь в революционное движение наиболее грозные и организованные массы горнорабочих. Саксонские рудокопы могли бы сementировать разрозненные, зараженные сильными местническими тенденциями отряды тюрингенских крестьян. Восстание в Мансфельде послужило бы сигналом

к вступлению в революцию севера и северо-востока Германии, но рудокопы еще не осознали своей кровной связи с восставшими крестьянами. Поражение франкенгаузенского отряда означало крушение этих надежд.

Князья хорошо понимали важность возглавляемого Мюнцером франкенгаузенского лагеря. Недаром они устремились в первую очередь к этому маленькому местечку, отложив расправу с, казалось бы, гораздо более мощными очагами движения в больших городах Саксонии.

Шестнадцатого мая восьмитысячное об'единенное княжеское войско охватило полукругом становище крестьян. На флангах расположилась кавалерия, в центре — пехота. Впереди по фронту выдвинулись пушки, ядра которых должны были пробить бреши в насыпях и рядах повозок, окружавших крестьянский лагерь, а рукопашная схватка завершила бы разгром плохо вооруженных крестьян.

Основную массу нападающих составляли ландскнехты — завоевавшая всемирную известность немецкая пехота, за сорок лет до этого созданная императором Максимилианом. Для ландскнехтов война была ремеслом, и единственным стимулом, двигавшим их на военные подвиги, были деньги. Только щедрая оплата могла заставить их служить императору или немецким князьям. С таким же успехом они могли драться и против империи и против немецких территориальных владык, лишь бы нашелся богатый хозяин. Настоящие «Иваны не помнящие родства» — ландскнехты в эпоху крестьянской войны прославились истреблением крестьянских повстанцев, хотя само ландскнехтское войско вербовалось в первую очередь в немецких деревнях.

Отряды ландскнехтов были грозной военной силой. Каждый такой отряд обычно состоял из четырехсот солдат, из которых двадцать пять имели ружья, сто были вооружены алебардами, а остальные — тяжелыми восемнадцатифунтовыми копьями. Сомкнутым строем, вооруженная алебардами и копьями масса рослых и сильных людей устремлялась на врага. Сначала, поддерживаемая огнем артиллерии и ружей, она двигалась медленно, а потом, по сигналу к рукопашной, бросалась вперед с оглушительными боевыми криками, и, как спадающая с гор лавина, сметала все на своем пути. Что же противостояло этой организованной и страшной силе артиллерии ландскнехтов и рыцарской коннице, выведенной в поле князьями под водительством смелого и расчетливого воина, гессенского ландграфа Филиппа?

Восемь тысяч неопытных в военном деле, недисциплинированных и плохо вооруженных крестьян расположились на горе, носящей название «горы битв». Преимущество занятой ими на возвышенности позиции было

очень невелико. Во всяком случае, оно не возмещало опытности и вооружения войск ландскнехтов. Всего только восемь пушек было доставлено во франкенгаузенский лагерь заботами Мюнцера, уже прекрасно понявшего, какое значение приобрела артиллерия. Ряды крестьянских повозок, окружающие лагерь, были плохой крепостной защитой. Они имели некоторый смысл как препятствие для кавалерийской атаки, но при нападении пехоты не могли, конечно, сыграть существенной роли.

От Франкенгаузена крестьянский лагерь отделяла река, вдалеке виднелся лес — возможный опорный пункт при отступлении.

Соотношение сил было таково, что исход битвы был ясен до ее начала. И все же князья предпочли открытому, честному бою тактику обмана и вероломства.

Наступило утро 16 мая. Грозно, в молчании, стояли княжеские войска. Лагерь крестьян ошетинился пушками, вынесенными к краю рва, копьями, вилами и немногими ружьями за барьером повозок. Ветер развеивал принесенное отрядом Мюнцера из Мюльгаузена белое знамя, на котором была изображена радуга. От княжеского войска отделилось несколько конных. Впереди ехал трубач, размахивая белым полотнищем в знак мирных намерений. Это было посольство, отправленное ландграфом для переговоров. Князья предлагали крестьянам, выдать зачинщиков и сдаться, за что обещали помилование. Предложения Князей укрепляли беспочвенные надежды на мирный исход в умах колеблющихся, усыпляли бдительность более сознательных, и позволяли князьям лучше подготовить свое войско к бою. Мюнцер употреблял все свое влияние, всю силу своего красноречия на то, чтобы разоблачить коварные замыслы князей, вселить праведный гнев и бесстрашие в сердца крестьян и вдохновить их на борьбу. Но в его войске было слишком много боязливых людей, готовых удовлетвориться самыми скромными господскими уступками.

Посланцам ландграфа крестьяне дали уклончивый ответ: «Мы признаем Иисуса Христа, и пришли сюда не затем, чтобы проливать кровь, но затем, чтобы искать правды божией. Если князья согласны с нами в этом, то мы не намерены враждовать с ними». Этого только и удалось добиться Мюнцеру вместо гордого отказа от всяких компромиссов. Но и такой ответ показался крестьянам слишком решительным. Им хотелось использовать все возможности, лишь бы уклониться от решительного столкновения. Едва успело от'ехать княжеское посольство, как крестьяне посылают в стан князей трех дворян: графа Вольфганга фон Штольберга, Каспара фон Рюкслебена и Ганса фон Вертерна с полномочиями на

продолжение переговоров. Через них ландграф передал, что дает крестьянам три часа на размышление, но настаивает на безусловном выполнении своих требований: безоговорочной сдачи на милость победителей с надеждой на пощаду только при условии выдачи Мюнцера и других главарей. Посланцы отправились к ландграфу вторично, причем Штольберг и Рюксleben обратно не возвратились. Их не оставили там заложниками, нет, — они сами принесли повинную и выдали князьям все, что им было известно о положении крестьянского войска. Смущение и взаимное недоверие царили в крестьянском лагере. Напрасно Мюнцер пытался внести успокоение в смущенные души и дисциплину в расстроенные ряды. Случилось худшее из того, что могло произойти, — у него больше не было войска, готового к бою.

Все это было известно князьям, и еще задолго до конца об'явленного перемирия ландграф двинул своих ландскнехтов и конницу на крестьян. Первый же залп княжеской артиллерии нанес тяжелый урон крестьянам; многие были убиты и ранены. В наскоро устроенных заграждениях зияли пробоины. С дикими криками ландскнехты бросались на приступ. Орудия повстанцев вскоре оказались в руках неприятеля, первые ряды защитников были смяты, стоны раненых и умирающих огласили воздух. На стороне нападающих и без того были огромные преимущества, а внезапность нападения превратила сражение в бойню. Расстроенные толпы почти обезумевших крестьян искали спасения в бегстве. Часть их устремилась к близлежащему лесу, другие бежали через реку к Франкенгаузену. Горсть смельчаков засела в уцелевших укреплениях на горе и защищалась с дикой отвагой. Но им не надолго удалось задержать княжеские войска. Все до одного они были безжалостно перебиты.

Отряды, бежавшие во Франкенгаузен, думали запереться в городе и сопротивляться под защитой его стен. Но конница ландграфа, посланная преследовать беглецов, настигла их у самых ворот и следом за ними ворвалась в город. Не давали пощады не только бежавшим из лагеря крестьянам, но и мирным горожанам. Город был отдан победителям на «поток и разграбление». Дома, церкви и монастыри были разграблены. Повсюду слышались стоны и вопли. Воды речки, протекавшей через город, окрасились кровью. Около пяти тысяч крестьян было убито при штурме лагеря и во время бегства, триста пленных без суда были казнены на франкенгаузенской площади. Князья ликовали.

Филипп Гессенский, прозванный «Великодушным», сообщал в день сражения курфюрсту: «Если бы они согласились предать в наши руки Мюнцера и его сообщников, то хотели мы оказать остальным милосердие.

Но они затягивали ответ, тогда двинули мы нашу артиллерию ближе к ним на гору, а за нею быстро послали нашу пехоту и конницу и открыли против них огонь из наших орудий. Когда это произошло, крестьяне бросились в бегство и бежали с горы в город или куда им было только возможно. Мы поспешили за ними следом с нашим войском и убивали тех, кого удавалось настигнуть. Вскоре мы предприняли штурм города, взяли его и истребили всех мужчин, которые в нем были. Город разграбили и таким образом в этот день с помощью бога одержали победу».

Но никто еще не завладел деньгами, обещанными за голову Мюнцера. Среди трупов, устилавших «гору битв», не было его трупа. Не нашли Мюнцера и среди беглецов, не было его и среди пленных.

Смерть Мюнцера

Так погиб в лице Мюнцера самый смелый, самый революционный деятель крестьянской войны.

Бebelь.

(«Крестьянские войны в Германии»).

Отто фон Эббе, люнебургский дворянин, состоял в княжеской коннице, занявшей Франкенгаузен. Рыцарь фон Эббе, человек хозяйственный и предусмотрительный, послал слугу подыскать себе подходящее жилище в оккупированном городе, где в это время шла расправа с повстанцами — обыски, аресты и избиения. Слуга зашел в дом у Нордгаузенских ворот. Дом был пуст. Проходя по комнатам, он увидел в одной из них лежащего в постели человека с перевязанной головой. Неизвестный дрожал и кутался в какое-то старое тряпье. На настойчивые расспросы слуги он ответил тихим голосом, что он болен лихорадкой и лежит здесь уже давно. Рыцарскому слуге нечем было поживиться здесь. Тогда он решил присвоить валявшуюся около постели одежду. Шаря в карманах украденного платья, слуга нашел письмо графа Альбрехта Мансфельдского к крестьянам. Слуга тотчас же отнес письмо рыцарю Отто фон Эббе. Больного горожанина немедленно схватили и опознали в нем Мюнцера. Рыцарь с торжеством доставил князьям того человека, о котором Лютер говорил: «Воистину, кто видел Мюнцера, тот может сказать, что видел дьявола в величайшем гневе», и который на самом деле был самым опасным врагом всех феодалов.

Пленник предстал перед победителями — ландграфом Филиппом Гессенским и саксонским герцогом Георгом. «Когда его привели к князьям, последние спросили его, зачем он вводил в заблуждение простой народ. Он дерзко ответил, что поступал хорошо, желая наказать князей», — так говорят современники.

Мюнцер был мужественен в борьбе, и это мужество не изменило ему, когда он оказался в руках врагов. Пленник говорил князьям, что дух, наставлявший его с ранней юности, и теперь нисходит и поддерживает его. Это — дух, повелевший ему пожертвовать всем ради великого дела, ради

счастья угнетенных.

По повелению князей Мюнцера тут же подвергли пытке.

— Верно, Томас, тебе тяжело, — глумясь над беззащитным пленником, говорил герцог Георг, — но подумай, каково было тем людям, которые сегодня были казнены по твоей милости!

— Нет, — отвечал Мюнцер, — не я, а вы того захотели! — И пытка не вырвала у него никаких важных признаний.

Но мучения Мюнцера только еще начинались. Упорствующий, нераскаявшийся вождь бедноты был отдан князьями графу Эрнсту Мансфельдскому. Они рассчитывали, что жестокий граф сумеет усмирить ненавистного им бунтовщика и заставит его говорить. Прикованного к телеге Мюнцера доставили в графскую резиденцию — Гельдрунген. За четыре дня до своего ареста Мюнцер написал графу письмо, в котором угрожал ему приходом в Гельдрунген со своим войском, чтобы покарать тиранов. Теперь страх перед мятежниками прошел, его заменило чувство злорадной мести. «Мюнцера, сильно изнеможенного, посадили на несколько дней в башню, а потом подвергли мучительнейшей пытке, после которой в горячечном состоянии он выпил двенадцать кружек воды».

Княжеские заплечных дел мастера не знали жалости, и все же им не удалось вырвать у Мюнцера существенных сведений о заговоре. Правда, среди мучений им были названы имена сообщников в Альтштедте, Мансфельде, Мюльгаузене, Ашерслебене, Виммельбурге, Вольферде и других городах, но это были либо вымышленные имена, либо люди, бежавшие из этих городов или даже уже погибшие в боях. Во всяком случае названных им людей нет в списках казненных, — вождь держался стойко до конца.

Когда насилие не дало никаких результатов, применили обман. Написали подложное письмо от имени Мюнцера к мюльгаузенцам, датированное 17 мая. В письме они постарались выставить стойкого революционного борца раскаявшимся грешником, человеком, понявшим ложность своих революционных убеждений. В письме он якобы говорит, что смерть его заслужена и должна просветить неразумных. Князьям не следует сопротивляться и надлежит смиренно просить у них пощады.

Чтобы придать большую вероятность тексту письма, в нем делается слабая попытка оправдать действия Мюнцера. Он «хотел искоренить злоупотребления и улучшить состояние народа», — писали они. Но тут же изобличается несостоятельность и ложность избранного ими пути. Письмо заканчивается словами: «Теперь, прощаясь с вами и отрешаясь от всего земного и житейского, я прошу вас отказаться от всякого покушения к

восстанию, чтобы не проливали невинной крови».

Этим подложным письмом князя стремились облегчить взятие непокорного Мюльгаузена, против которого обращены были теперь феодальные войска.

Мюльгаузенцев не поддерживали восставшие крестьяне, как и мюльгаузенцы не поддерживали их, оставив на произвол судьбы Мюнцера под Франкечгаузенем.

19 мая 1525 года соединенные княжеские войска сожгли предместья города и начали его осаду. Пять дней хорошо укрепленный и снабженный припасами Мюльгаузен сопротивлялся. Княжеские войска пытались взять город штурмом, но понесли значительный урон. Коварные же обещания князей помиловать горожан, если они выдадут зачинщиков, внесли смуту и раздор в среду осажденных. Пфейфер, хорошо знавший своих сограждан, понял, что им не устоять в длительной борьбе, и, опасаясь измены и предательства, с несколькими сотнями своих приверженцев в ночь на 24 мая бежал из города.

В воскресенье 26 мая «мюльгаузенцы отправили в княжеский лагерь 600 женщин, в разорванных платьях, босых, с развевающимися волосами, и 500 девушек, с полынными венками на головах, — просить помилования городу».

Князя собирались не миловать, а сурово наказать непокорный город, это «еретическое гнездо», но для начала непрочь были разыграть комедию прощения. Они приняли женщин милостиво, угостили их хлебом и сыром и отослали обратно с ласковыми обещаниями, но предложили им прислать в лагерь их мужей и отцов.

Мюльгаузенцы пришли «с непокрытыми головами, босые, с белыми посохами в руках; преклонив трижды колени перед князьями, они предложили им ключи от городских ворот».

Когда княжеские войска вошли в город, победителям уже не было смысла продолжать комедию. Многих казнили без суда, «точно нечаянно или из личной ненависти».

«Вечный совет» был уничтожен и восстановлено прежнее патрицианское правление. Права и привилегии древнего имперского города пали, и он оказался в зависимости от князей. Чтобы впредь Мюльгаузен не мог вносить смуту и сопротивляться князьям, укрепления его сравняли с землей.

После бегства из города отряду Пфейфера не удалось далеко уйти от вражеской мести. Княжеская конница настигла беглецов. После боя Пфейфер и 32 его приверженца были взяты в плен и приведены в

Мюльгаузен. Сюда же доставили замученного пытками Мюнцера.

В Мюльгаузене их обезглавили в один и тот же день.

Голова Пфейфера маячила по дороге в Больштедт...

Голову же непреклонного Мюнцера выставили на Шадсберге.

Подавление восстания

Франкенгаузенский разгром и взятие Мюльгаузена нанесли смертельный удар крестьянскому восстанию в Тюрингии. Но поход княжеского войска еще продолжался. Князья торопились закрепить победу и окончательно ликвидировать восстание.

Швабские повстанцы еще продолжали борьбу. Вести о поражениях под Беблингеном и у Франкенгаузена разносились далеко, об этом прежде всего старались княжеские приспешники и шпионы. Эти вести вселяли в сердца крестьян неуверенность и страх.

Трухзесс продолжал свой поход. Он помог пфальцскому курфюрсту привести к повиновению своих подданных и потом, соединившись с пфальцским войском и увеличив этим свои силы, он двинулся против оденвальдцев.

Карта Германии XVI века (1547 г.)

С карты изд. А. Ф. Маркса, прилож. к «Всеобщей истории» проф О. Йегера

Тогда же Бендель Гиплер с представителями крестьянских отрядов в Гейльбронне были заняты выработкой предложений императору и имперским чипам от имени всех восставших крестьян. Крестьяне все еще надеялись, что князья и дворянство будут с ними договариваться, как с равными. Их вожди спорили о проектах реформ, в то время как все обстоятельства звали на поле сражения. А крестьянская масса,

убаюкиваемая беспочвенными мечтами вожаков о реформах сверху, демобилизовалась, отряды редели. Горожане, примкнувшие к движению не по убеждению, а из страха, начинали отпадать и покидали евангелический союз. Даже в самом Гейльбронне его жители готовились принести повинную Трухзессу и предать своих недавних союзников. Гиплер и другие депутаты крестьян вынуждены были бежать из Гейльбронна и поспешить к своим отрядам.

Восемнадцатого мая Гиплер прибыл в Вюрцбург к Светлому войску, недавно еще наиболее многочисленному и боеспособному отряду повстанцев, соединившемуся с черной ратью Флориана Гейера для осады Фрауенбергского замка.

По плану, выработанному Гиплером, об'единенная двадцатитысячная армия под командованием его ставленника Геца фон Берлихингена должна была выступить навстречу подходившим войскам Трухзесса и, учитывая свой численный перевес, дать ему решительное сражение под Крайтгеймом. План был не плох, и вряд ли Трухзесс мог рассчитывать на успех в таком сражении. Но в рядах восставших не было главного, необходимого для победы, — решительности, единства и дисциплины.

Гец не спешил выступать, возможно уже готовясь изменить крестьянам. Приставленные к нему крестьянские советники держались пассивно. Флориан Гейер не захотел сражаться рядом с Гецем. Поставив свое самолюбие выше общего дела, он предпочел остаться под Вюрцбургом, отделавшись обещанием прислать на помощь Светлому отряду лишь часть своих франконцев. Анспахский отряд покинул союзников — до него дошли слухи о нападении на их села маркграфа Анспахского.

Наконец Светлый отряд двинулся к Крайтгейму, но уже по дороге наполовину растаял. Его ополченцы расходились по домам, уstraшенные приближением Трухзесса, в тревоге за родимый кров. Под Крайтгеймом вместо двадцатитысячной армии собралось около семи тысяч человек. Гец фон Берлихинген бежал, бросив на произвол судьбы свое войско в тот самый момент, когда предстояло решительное боевое испытание.

И все же, несмотря на измену военачальников, на большой численный перевес войск Швабского союза и внезапность их нападения, крестьяне долго и упорно сопротивлялись. Победа досталась Трухзессу не легко. Поле битвы было усеяно трупами сражающихся. Озлобленные сопротивлением врага рыцари не щадили и пленных. Более пятисот человек было тут же изрублено.

Светлый отряд перестал существовать, но осталась еще грозная черная

рать Флориана Гейера. И Трухзесс поспешил напасть на этого немногочисленного, но стойкого противника. Он застиг Черный отряд и остатки крестьянских повстанцев под Зульцдорфом и внезапно обрушился на них. Крестьяне рассеялись, жестоко преследуемые конницей Трухзесса, а Черный отряд Гейера отступил к Ингольштадту. Еще несколько дней Флориан Гейер оказывал отчаянное сопротивление врагу, во много раз превосходившему его по числу бойцов. Но почти весь отряд лег смертью храбрых, и сам рыцарь пал 9 июня в лесу близ Галля.

После этого на пути Трухзесса не осталось больше серьезных противников. Он шел вперед, разбивая один за другим мелкие крестьянские отряды. Гегау-шварцвальдский отряд рассеялся после измены Ганса Мюллера из Бульгенбаха и, наконец, 25 июля сдались близ Кемптена альгеусцы. Война кончилась, — началось избиение. Более ста тысяч крестьян погибло на полях Великой крестьянской войны, а сколько пало жертвами мести князей и дворянства! Целые месяцы и даже годы продолжались казни. Победленным крестьянам выкалывали глаза, отрубали пальцы, сжигали их жилища, ссылали, заставляли платить контрибуции.

Ни Трухзесс, ни саксонские князья не отличались человеколюбием и снисходительностью к своим подданным, но наиболее мрачную известность приобрел маркграф Казимир Анспахский.

Еще недавно этот трусливый и жестокий Гогенцоллерн обещал крестьянам, что он присоединится к их евангелическому союзу. Но после разгрома главных повстанческих сил маркграф сторицей отплатил своим подданным за перенесенные им унижения. Ряд городов и множество деревень были преданы огню и мечу. Изобретательность его в наказании виновных и невинных и подозреваемых и восстании не знала предела. В Кицингене он приказал ослепить 62 крестьянина и выгнать их за 10 миль от города. Там они скитались без крова и пищи, обреченные на ужасную смерть.

Гром Крестьянской войны смолк в долинах Тюрингии и Швабии, но еще долго повторялись его раскаты в австрийских горах. Крестьянское восстание снова вспыхнуло в епископстве Зальцбургском и вскоре охватило почти все австрийские земли. Но в 1526 году и это восстание было подавлено с обычной для феодалов жестокостью.

Заключение

Для современного пролетария, вооруженного знанием теории марксизма-ленинизма, коммунизм Мюнцера является детским лепетом младенческой поры предпролетарского коммунистического движения. Его утопизм, особенно религиозная оболочка его учения, не только чужды нам, но и прямо враждебны. Более того — соединение интересов трудящихся с религией является для нас не только неприемлемым, но и противоестественным. Религия в любой форме вредна интересам трудящихся. Но для средневековья и даже для XVI века еретическо-евангелический коммунизм Мюнцера был крайне левой революционной теорией. Религия, как мы видели, составляла не суть учения Мюнцера, а только оболочку, была данью господствующему мышлению. Больше того: «религиозная философия Мюнцера приближалась к атеизму», говорит Энгельс. Содержание его учения было социальное и касалось исключительно земных дел.

Конечно, и социальное содержание его учения было утопично и не имело никаких данных для осуществления. Но, несмотря на все это, его учение имело огромное значение в борьбе с феодалами. Оно вдохновляло приверженцев Мюнцера и делало из них наиболее крепкое ядро крестьянского войска.

Социальное положение предпролетариата, выбитого из колеи жизни, наполняло его яркой ненавистью к феодалам и богачам. Но только укрепленная теорией Мюнцера эта ненависть превращает его сторонников в сознательных, стойких и полных энтузиазма революционеров XVI века. Мюнцер дал предпролетариям революционную теорию, усилив тем самым их ударную силу во много раз. Кроме воспламеняющего бойцов идеала, он дал им теорию революционной тактики борьбы с феодалами. Мюнцер беспощадно критиковал соглашательство с крепостниками, вскрывал и разоблачал козни и вероломство феодалов; он был сторонником самой решительной и бескомпромиссной борьбы с феодалами, проповедывал их свержение и подавление вооруженной силой. Распространяя свое учение в среде беднейших и наиболее угнетенных слоев населения, Мюнцер не был политическим сектантом. Наоборот, он великолепно проводил тактику единения со всем революционным крестьянством и горожанами для борьбы с феодалами. Мюнцер был не только теоретиком и тактиком революционной борьбы предпролетариата, но и пламенным трибуном и

героем крестьянской революции XVI века.

По своим способностям, по образованию и положению он мог легко сделать карьеру, если бы пошел за Лютером, и был бы почитаем буржуазией и верующими лютеранами наравне с этим реформатором. Но Мюнцер пренебрег соблазнами и предпочел идти тернистым путем революционера. Всю свою недолгую жизнь он отдал на борьбу с феодалами и на служение неимущему и обездоленному люду.

Ф. Лассаль, а за ним и меньшевики считали, что крестьянские войны были реакционны. Но глубокое марксистско-ленинское изучение той эпохи убеждает в том, что эти войны имели прогрессивно-революционный характер. Лозунги Крестьянской войны, как мы видели, предвосхитили многие требования буржуазной революции следующих веков. Крестьянство, стремясь к своему освобождению, не только требовало уничтожения крепостничества, но своим восстанием нанесло ряд тяжелых ударов всему феодальному строю. Из Крестьянской войны наибольшую выгоду извлекли победители — князья-феодалы. Но Крестьянская война крепко подорвала значение дворянства и духовенства. После временной реакции князья вынуждены были внести в свою политику такие изменения, которые форсировали рост товарно-денежных отношений, и тем самым содействовали разложению феодализма.

Крестьянское восстание XVI века, несмотря на его прогрессивно-революционный характер, все же не увенчалось победой. Главная причина поражения лежала в самой классовой природе крестьянина как индивидуального мелкого производителя. Трагедия крестьянства заключалась в том, что оно хотело собственными силами вытащить себя из феодального болота. И хотя крестьянство составляло несомненное большинство населения тогдашней Германии, победа его была немыслима. «Простое большинство мелкобуржуазных масс еще ничего не решает и решить не может, — писал Ленин, — ибо организованность, политическую сознательность выступлений, их централизацию (необходимую для победы), все это в состоянии дать распыленным миллионам сельских мелких хозяев *только* руководство ими либо со стороны буржуазии, либо со стороны пролетариата^[13].

Крестьяне восстали против феодалов и самодержавия, а классов — вождей крестьянства — в XVI веке не было.

Буржуазия состояла только из торговцев и ростовщиков. Промышленная буржуазия, носительница передового капиталистического производства, только нарождалась, и классовые противоречия ее с феодализмом недостаточно созрели. Когда капиталистическое развитие

переросло тесные рамки феодального самодержавия, феодализм в результате ряда революций был разгромлен. Крестьянство являлось одной из боевых армий во всех европейских буржуазных революциях, но именно крестьянство оказывалось тем классом, который после завоеванной победы неизбежно впадал в состояние нового угнетения. Без вмешательства пролетариата и крестьянства буржуазия не способна двигать вперед буржуазную революцию. Но, добившись победы, превращает и крестьянство в объект своей эксплуатации.

Только пролетариат является классом-вождем, способным дать окончательное освобождение трудящемуся и угнетенному крестьянству от эксплуатации. Пролетариат в эпоху империализма становится вождем революционного крестьянства в буржуазно-демократической революции (например в революции 1905 года в России). Совершая свою социалистическую революцию, пролетариат становится во главе трудящегося крестьянства и в союзе с ним борется против всяческой эксплуатации. Настоящее освобождение трудящемуся крестьянину несут не религиозные мечтатели, не утописты, не буржуазия, а только диктатура пролетариата, строящего социализм.

БИБЛИОГРАФИЯ

Ф. Энгельс. Крестьянская война в Германии. К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. VIII, изд. ИМЭЛ.

А. Бебель. Крестьянская война в Германии Москва, 1906.

Циммерман. История крестьянской войны в Германии 3 тома. С.-Петербург, 1865.

Н. И. Розенталь. Томас Мюнцер. Госиздат, 1925.

Strobel. Leben, Schriften und Lehren Thomas Müntzers, des Urrhebers des Bauernaufstandes in Thüringen. Нюрнберг и Альтдорф, 1795.

Seidemann. Thomas Müntzer, eine Biographie, nach den in Königlich-sächsischen Hauptstaatsarchiv zu Dresden vorhandenen Quellen eearbeitet. Дрезден и Лейпциг.

Marx. Thomas Müntzer und Heinrich Pfeifer. 1520–1525, Геттинген, 1889.

Ernst Bloch. Thomas Müntzer, als Theologe der Revolution München, 1921.

Франц Меринг. История Германии с конца средних веков. Москва, 1924.

К. Лампрехт. История германского народа. 3 тома, Москва, 1896.

Фр. ф. Бецольд. История реформации в Германии. 2 тома, С.-Петербург, 1900.

notes

Примечания

Год рождения Мюнцера точно не известен. Историк Крестьянской войны в Германии В. Циммерман сообщает, что в одном источнике указан 1493 год, как год рождения Мюнцера. Но почтенный историк затерял выписку и не мог найти этот источник.

Князей, имеющих право выбирать императора.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. VIII, стр. 124.

К. Маркс и Ф Энгельс. Собр. соч., т. VIII, стр, 1 32.

Намек на конфискацию церковного имущества в Богемии.

К. Маркс и Ф Энгельс. Собр. соч., т. VIII, стр. 138.

Мюнцер имеет в виду «Двенадцать тезисов» — известное знамя Крестьянской войны.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. VIII, стр. 165.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. VIII, стр. 166.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т VIII. стр. 177.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. VIII, стр. 126.

К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., над. 1930 г., т. VIII, стр. 186.

В. Ленин. Собр. соч., т. XXI, стр. 54